С.-А. Г. Б.
Инв. № 160705

ТУРКЕСТАНСКІЙ

СБОРНИКЪ.

Статьи и замѣтки изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ.

СБОРНИКЪ СОСТАВЛЯЕТСЯ
по порученію Туркестанскаго Генералъ-Губернатора.

Томъ 519.

С.-А. Г. Б.

ТАШКЕНТЪ.

Оглавленіе 519 тома.

Вырѣзки изъ газетъ.

„Русскій Туркестанъ“.

1. Вверхъ по Пянджу. И. Гейеръ 1
2. Казіи. Бытовой очеркъ осѣдлаго населенія Туркестана. Н. Лыкошинъ 16
3. Графъ Николай Яковлевичъ Ростовцовъ. Ю. Якубовскій 57
4. Отъ Хорога до Ванча. Н. Бронниковъ . . . 75
5. Какъ Самаркандъ сталъ русскимъ городомъ. О. Шкапскій 82
6. Поѣздка къ каменнымъ бабамъ около Мерке. И. Аничковъ. 102
7. Нѣсколько словъ о киргизскомъ хозяйствѣ. А. Диваевъ. 108

„Журналъ коннозаводства“,

8. Джугара. В. Гомилевскій (1909 г.) 115
9. Аносовъ. Краткій очеркъ экономичтскаго значенія желѣзнодорожной линіи Ташкентъ—Чимкентъ. СПБ. 1899 128
10. Свящ. П. Богородицкій. Лѣтопись первой городской церкви въ г. Ташкентѣ во имя преподобныхъ о. о. Іосифа и Георгія. 143
11. По вопросу о продолженіи средне-азіатской желѣзной дороги отъ Ташкента на Чимкентъ и Вѣрный А. Стеткевичъ. 167

Вверхъ по Пянджу.

(ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ).

I.

Весною 1897 года, въ составѣ экспедиціи подполковника П. А. Кузнецова, мнѣ пришлось объѣхать значительную часть восточной Бухары. Поѣздка эта несомнѣнно представляла много интереса и удовольствія.

Лично мои порученія заключались въ задачахъ статистическаго характера, а я присоединилъ къ нимъ еще собираніе ботаническихъ и энтомологическихъ коллекцій.

Въ первыхъ числахъ апрѣля мы выѣхали изъ Самарканда. Намъ предстояло побывать въ резиденціи эмира—г. Кермине и оттуда уже направить путь свой къ южнымъ границамъ Бухарскаго ханства. Путь до станціи Кермине не представлялъ особеннаго интереса, если не считать встрѣчи съ учителемъ берлинской гимназіи, совершавшимъ, пользуясь каникулярнымъ временемъ, свое предбрачное путешествіе по русскимъ среднеазіатскимъ владѣніямъ въ качествѣ корреспондента какой-то нѣмецкой газеты. Его оригинальная фигура сосредоточивала на себѣ взоры самаркандской публики, собравшейся на вокзалѣ къ отходу поѣзда. Не смотря на свободное обращеніе съ русскою рѣчью, въ немъ чувствовался иностранецъ, а безчисленное количество прекрасно исполненныхъ географическихъ картъ, которыя онъ, не переставая, разсматривалъ, наиболѣе страстнымъ самаркандскимъ патріотамъ внушало назойливую мысль, не англійскій ли это соглядатай покушается дерзновеннымъ окомъ проникнуть въ тайну политики самаркандскаго... базара. Судьба помѣстила насъ въ одинъ вагонъ, и вскорѣ таинственный незнакомецъ обнаружилъ качества добродушнаго бурша, веселаго, по нѣмецки болтливаго собесѣдника и крайне любопытнаго корреспондента, старающагося сразу постичь суть окружающей его жизни и обогатиться пикантными подробностями, столь необходимыми для колоритности путевыхъ на-

бросковъ. Не касаясь политики, онъ спѣшилъ подѣлиться съ нами своими впечатлѣніями, съ понятной цѣлью пополнить недочеты скорыхъ обобщеній показаніями мѣстныхъ жителей. Для укрѣпленія знакомства, онъ полѣзъ въ свой чемоданъ, гдѣ съ тевтонскою аккуратностью были разложены «дорожные стаканчики», «дорожныя фляги» съ коньякомъ и прочіе аксессуары, которыми такъ любятъ снаряжаться путешественники, въ первый разъ отправляющіеся въ полудикія страны, подобныя нашему Туркестану. Онъ настойчиво предлагалъ намъ коньякъ и въ то же время рекомендовалъ складной чайный стаканъ изъ никеля, предательски не оправдавшій высокихъ похвалъ хозяина, обваривъ его горячимъ чаемъ, который мы ему предложили въ обмѣнъ на угощеніе коньякомъ. Въ живомъ разговорѣ мы не замѣтили какъ поѣздъ нашъ подошелъ къ Кермине и, не успѣвъ дослушать разсказа пріятнаго спутника о предстоящемъ ему счастливомъ бракѣ, должны были выйти на станцію, обмѣнявшись, конечно, визитными карточками. Здѣсь насъ ожидала посланная на встрѣчу эмиромъ свита его сановниковъ. Огромныя бѣлыя чалмы, богатые бархатные халаты, сверкающіе металлическимъ блескомъ, кривыя сабли и широкіе пояса, то почти сплошь инкрустированные бирюзою, то состоящіе изъ огромныхъ бляхъ чистаго золота поразили насъ новизною жанра. Выслушавъ витіеватое восточное привѣтствіе, исправленное и дополненное развязнымъ переводчикомъ, съ перваго же знакомства отрекомендовавшимъ себя литераторомъ, приближеннымъ эмиру человѣкомъ и будущимъ сановникомъ, мы усѣлись въ приготовленные для насъ экипажи и, окруженные эскортомъ всадниковъ, поѣхали въ резиденцію его высочества, не переставая удивляться ловкости кучеровъ, управлявшихъ по-русски выѣзженными тройками, заложенными въ рессорныя коляски и той пышности, которою была обставлена встрѣча, согласно придворному этикету восточнаго государя. Сгустившіяся сумерки усиливали впечатлѣніе, и мы потомъ увидѣли, что вся эта обстановка импонировала главнымъ образомъ потому, что происходила при благопріятномъ для общей картины вечернемъ полусвѣтѣ.

Новизна впечатлѣній сдѣлала незамѣтнымъ десятиверстный переѣздъ отъ вокзала къ городу, и не болѣе какъ черезъ часъ мы подъѣхали къ дворцу, который былъ назначенъ для насъ почетнымъ мѣстомъ заточенія. Дворецъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ вымощенныхъ кирпичемъ двориковъ, со всѣхъ сторонъ обставленныхъ высокими каркасными строеніями, по типу постройки ничѣмъ, кромѣ высоты, не отличавшимися отъ сакель ташкентскихъ богатыхъ сартовъ: тѣ же черезъ каждый аршинъ простѣнка двери-окна, то же безчисленное множество нишъ въ срединѣ комнатъ и вычурныя алебастровыя рѣшетки вверху вмѣсто вентиляторовъ. Только мягкіе, огромной величины, ковры, сплошь засти-

лавшіе полы помѣщенія, указывали на богатство его хозяина. Для каждаго изъ насъ трехъ были отведены особыя залы. Въ каждой изъ нихъ стоялъ столъ, буквально ломившійся подъ тяжестью достархана, поражавшаго разнообразіемъ бухарскихъ кондитерскихъ издѣлій. Здѣсь была и квадратами нарѣзанная баглоба—смѣсь сала, сахара и миндаля, смотря по сорту то желтаго, то бѣлаго цвѣта, съ шафранной звѣздочкой посрединѣ, и кандалатъ, т. е. сладкіе сухіе шарики изъ тѣста съ фисташками, миндалемъ или зерномъ перца въ срединѣ, и нитки леденца, съ такимъ искусствомъ кристаллизуемаго восточными кондитерами, хальваи пашмакъ, видомъ своимъ напоминающая разрѣзанный на куски бѣлый мотокъ нитокъ изъ той же смѣси бараньяго сала и сахару, дана ширакъ—косточки абрикоса, вываренныя въ соленой водѣ и затѣмъ высушенныя въ горячей золѣ, цѣлое море тарелокъ съ разнообразными конфектами европейскаго происхожденія, фисташками, миндалемъ, орѣхами, свѣжими гранатами, прекрасно сохранившимся виноградомъ, кусками пиленаго сахара, разныхъ сортовъ изюма, бисквитами, французскими булками и, наконецъ, печеньями Эйнема. Сопровождавшіе насъ сановники выпили съ нами по стакану чая и тотчасъ же удалились, какъ они говорили, для того, чтобы доложить своему властелину о благополучномъ нашемъ прибытіи, а мы принялись за обильный ужинъ. Оставшись наединѣ, мы, конечно, тотчасъ же перенесли кровати въ одну комнату, предпочитая быть въ общей, а не въ одиночныхъ камерахъ почетнаго заточенія. Гора ватныхъ одѣялъ, замѣнявшихъ матрасы, была мягкимъ и удобнымъ ложемъ, подарившимъ насъ сладкимъ сномъ въ предверіи разнообразныхъ впечатлѣній слѣдующаго дня, которыхъ мы ожидали, вопреки увѣреніямъ главы экспедиціи, предсказывавшаго, по многократному опыту, адскую скуку, которой обречены всѣ почетные гости главы бухарскаго ханства.

На другой день мы проснулись довольно рано, и прислуга наша сообщила намъ, что вчерашніе сановники уже ждутъ насъ съ утреннимъ привѣтствіемъ отъ имени эмира. Наскоро совершивъ туалетъ, мы должны были спѣшить въ «гостиную», гдѣ за тѣмъ же достарханомъ сидѣли посланные съ переводчикомъ, объяснившимъ, послѣ приличнаго случаю рукопожатія, что его высочество эмиръ изволилъ приказать спросить насъ, какъ провели мы ночь. Послы, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, тотчасъ же удалились для соотвѣтствующаго доклада; а мы, освѣженные сномъ, съ новыми силами принялись уничтожать достарханъ, запивая его чаемъ. Послѣ чая пошли осматривать свое помѣщеніе. Комнаты наши одною стороною выходили въ довольно обширный садъ. Съ этой стороны по всему фасаду «дворца» тянулась широкая терраса, потолокъ которой поддерживался деревянными рѣзными колоннами,

покоившимися на грубо обтесанныхъ мраморныхъ пьедесталахъ. Въ саду росло много абрикосовъ, разсаженныхъ правильными рядами. Въ одномъ углу его полулежали, еще лишенные листвы, стволы фиговой рощи, а въ другомъ раскинулся виноградникъ. Культивируемыя въ разстилку лозы, точно бревна, до аршина въ обхватѣ, лежали на землѣ, обрѣзанные искусною рукою садовника и уже понемногу развивали листья; обиліе цвѣтоносныхъ почекъ предсказывало богатый урожай. Кругомъ царила образцовая чистота, и, если бы не однообразіе линій прямыхъ дорожекъ и не угнетающій сѣрый цвѣтъ непомѣрно высокаго, точно острожного, забора изъ сѣро-желтаго лесса—садъ этотъ могъ бы надолго скрасить невеселое время пребыванія въ этомъ изрядно скучномъ мѣстѣ. Обойдя всю территорію сада и ознакомившись съ фауною вырытаго въ срединѣ хауза, мы уже не знали, что предпринять дальше. Проникнуть за ограду двора мѣшалъ этикетъ и стража, тотчасъ же устремлявшаяся за тѣмъ изъ насъ, кто пытался переступить черту всегда открытыхъ, впрочемъ, воротъ. Какими соображеніями руководствовались наши приставники и какія они имѣли инструкціи—сказать нельзя, но каждая такая попытка моментально обращала ихъ въ тѣнь дерзновеннаго и они безшумно, но неотступно слѣдовали за нимъ и безпокойными взглядами убивали рѣшимость любопытствующаго изслѣдователя. Скука свела насъ въ гостиной, и не успѣли мы еще разсѣсться на стульяхъ, какъ между тарелками возобновленнаго достархана, точно по мановенію доброй феи, вновь появились, стаканы съ чаемъ, а за нимъ шурпа, пловъ, кавардакъ и халватаръ, каждый разъ приводившій меня въ иступленіе однимъ своимъ противнымъ видомъ. Приготовленіе его весьма несложно: въ двухъ сосудахъ дѣлаются растворы—въ одномъ сахару, въ другомъ муки. Въ то время, когда кипитъ первый, въ него вливается второй, и въ результатѣ получается сапожный клейстеръ, для оцѣнки вкусовыхъ качествъ котораго необходимъ желудокъ бухарца. Не большею пикантностью отличается и не меньше отвращенія возбуждаетъ и другой туземный дели катессъ—езы-езы. Имъ пичкали насъ такъ же часто, какъ и халватаромъ. Езы-езы есть обыкновенная, въ крутую изжаренная яичница, щедро посыпанная все тѣмъ же сахаромъ. Подается она передъ жаркимъ или пловомъ, что, конечно, не мало способствуетъ тому отвращенію, которое она внушаетъ европейскому вкусу.

Послѣ сытнаго завтрака, мы опять пошли въ садъ, и еле дождались вечера, когда однообразіе сидѣнія нарушилось посѣщеніемъ сановниковъ съ тѣмъ же вопросомъ о здоровьи. Послѣ сановниковъ обѣдъ, а потомъ и сонъ—это благодатное средство отъ тоски и скуки для заключенныхъ всѣхъ категорій. Утромъ слѣдующаго дня, совершая

обходъ сада, мы обрѣли себѣ развлеченіе, до конца пребыванія сокращавшее намъ не одинъ часъ томительнаго сидѣнія. Это былъ муравейникъ. Что вытерпѣли несчастныя насѣкомыя за семь дней нашихъ біологическихъ изслѣдованій—трудно передать. Мы устраивали имъ переселенія, сводили на драку, проникали въ ихъ подземныя жилища и грабили кладовыя, разрушали творенія муравьинаго зодчества, въ ожиданіи реставраціи котораго просиживали часы подъ палящими лучами солнца и благодарили судьбу, пославшую намъ этотъ якорь спасенія въ океанѣ тоски, сопряженной со званіемъ почетныхъ гостей дружественной Бухарѣ націи.

Наконецъ, на третій день мы были приглашены къ эмиру. Тѣ же коляски доставили насъ ко дворцу, отстоявшему всего лишь въ верстѣ отъ нашего помѣщенія. У входа во дворецъ насъ встрѣтилъ караулъ, поставленный въ ружье по всѣмъ правиламъ европейскаго военнаго артикула, гвардейцы отдали честь гостямъ своего государя, а сотня «терскихъ казаковъ» лихо блеснула саблями въ тѣхъ же соображеніяхъ. Подъ тѣнью деревъ урюковой рощи стояло десятка два-три засѣдланныхъ лошадей, приготовленныхъ на случай, еслибы эмиру, обыкновенно не предупреждающему о своихъ желаніяхъ, пришла бы охота куда-нибудь проѣхаться. Такія поѣздки экспромтомъ не всегда ограничиваются, тѣснымъ раіономъ окрестностей г. Кермине, гдѣ у его высочества имѣются заповѣдныя мѣста для соколиной охоты. Бываютъ случаи, когда эмиръ, совершенно неожиданно для своего двора, выходитъ изъ дворца и ѣдетъ въ объѣздъ своего ханства. Тогда подданныя его высочества получаютъ широкую возможность пользоваться отеческою заботливостью и скорымъ и правымъ судомъ надъ обидчиками въ качествѣ бековъ, мало церемонящихся съ платежными средствами населенія и его человѣческими правами. Поэтому возможность непредвидѣнной экскурсіи внутрь страны держитъ въ постоянномъ страхѣ весь придворный штатъ, и когда эмиръ выходитъ изъ своихъ апартаментовъ—все срывается съ мѣста. Лошади вьючатся вещами и провизіей. Съ тоскою въ сердцѣ и томительнымъ любопытствомъ въ глазахъ слѣдятъ придворные за его высочествомъ, стараясь угадать, куда направитъ путь свой государь. Босоногіе скороходы въ дорогихъ собольихъ шапкахъ размѣщаются у стремени самодержавнаго властелина; канвой занимаетъ свое мѣсто въ кортежѣ, и экспедиція начинается. Секретные гонцы летятъ во всѣ стороны ханства, предупреждая всѣхъ быть готовыми на всякій случай, и беки начинаютъ трепетать за свою судьбу, не зная, кого изъ нихъ и по какому поводу рѣшилъ навѣстить единовластный государь.

А поводовъ у каждаго насчитывается не мало: утайка истинной цыфры дохода, прижимка богатаго торговца, имѣющаго связь со

дворомъ, обида бѣдному, доведенная до свѣдѣнія его высочества казіемъ—этимъ контролирующимъ органомъ управленія, и многое другое, чѣмъ всегда почти бываетъ отягчена трусливая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и шкодливая душа стяжателей, облеченныхъ властью сатраповъ.

Каждому изъ нихъ хорошо извѣстны послѣдствія строгой расправы. Здѣсь нѣтъ суда со слѣдствіемъ, защитой и поддержкой добрыхъ пріятелей. Нѣтъ и кары, ограничивающейся моральнымъ взысканіемъ: здѣсь всегда послѣднему сопутствуетъ и кара матеріальная. Уличенный въ злоупотребленіяхъ бекъ лишается мѣста и всего имущества, немедленно же конфискуемаго на удовлетвореніе всѣхъ претензій, которыя съ паденіемъ временщика выползаютъ со всѣхъ щелей, куда загнала обиженныхъ властная рука бека въ періодъ его служебной силы. Къ счастью для сатраповъ, такія самоличныя ревизіи темныхъ дѣлишекъ подчиненныхъ бываютъ рѣдки: и въ Бухарѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ организованной человѣческой жизни, въ борьбѣ со зломъ правда рѣдко одерживаетъ побѣду.

У воротъ дворца насъ встрѣтилъ удайчи (церемоніймейстеръ). Дорогой халатъ довольно нескладно висѣлъ на его высохшей отъ старости фигурѣ, а большая бѣлая чалма, казалось, вотъ-вотъ сломаетъ тонкую шею, на которой сидѣла красивая, въ свое время, голова, сохранившая и теперь почти юношескую подвижность. Большая сѣдая борода, широкій поясъ съ огромными золотыми бляхами и хитро расписанный жезлъ—знакъ его служебнаго достоинства—выдѣлялъ его изъ толпы стоявшихъ у воротъ придворныхъ, среди которыхъ онъ, какъ маятникъ, мѣрно двигался то въ право, то въ лѣво, защищая входъ во дворецъ. Онъ встрѣтилъ насъ какимъ-то привѣтствіемъ, второпяхъ не переведеннымъ сопровождавшимъ насъ переводчикомъ, наскоро сунулъ каждому сухощавую руку и, жестомъ указавъ на входъ, принялся опять за мѣрное хожденіе. Ему на смѣну, изъ глубины темнаго входа, выступили другіе чины и повели насъ въ пріемную. Это была довольно большая комната, сплошь устланая коврами съ длиннымъ столомъ въ срединѣ, сплошь заставленнымъ все тѣмъ же достарханомъ. Въ ожиданіи пріема намъ предложили чай, а черезъ десять минутъ пригласили въ аудіенцъ-залъ. По стилю наружной архитектуры и самый дворецъ эмира ничѣмъ не отличается отъ сакли любого зажиточнаго туземца. Только русскія окна со стеклами указываютъ на нѣкоторый прогрессъ мѣстнаго зодчества. Зато внутренность апартаментовъ блещетъ богатствомъ. Матерчатые обои, тяжелый штофъ, драпри, тонкая лѣпка потолковъ, богатые ковры, изящныя и дорого стоющія люстры лучшихъ мастеровъ художественной обработки металловъ—всѣмъ этимъ въ изобиліи снабженъ и украшенъ дворецъ не безъ вкуса и пониманія

требованій европейской эстетики. Аудіенцъ-залъ представляетъ собою большую длинную комнату съ vis-a-vis входу фигурнымъ окончатымъ фонаремъ, декорированнымъ темно-малиновыми драпри. По длинѣ она раздѣлена рядомъ колонъ, покоящихся на возвышенной за ними частью пола. На образованномъ такимъ образомъ амвонѣ стоятъ большія, во всю значительную вышину комнаты зеркала, а между нами разставлена вѣнская мебель и маленькіе, хорошенькіе столики, очевидно для шахматной игры. Невдалекѣ отъ окна два кресла. Одно изъ нихъ—для эмира, другое занято книгами, между которыми первое мѣсто занимаетъ русское изданіе списка генераловъ нашей имперіи. Напротивъ этихъ двухъ креселъ стояло еще три, приготовленныхъ для насъ. При входѣ въ залъ мы увидѣли въ глубинѣ его мощную фигуру эмира. Онъ былъ одѣтъ въ черный по таліи сшитый сюртукъ съ генеральскими погонами; на груди его высочества, всѣми цвѣтами радуги, играли брилліанты его дорогихъ орденовъ. Бѣлое матовое лицо его обрамляла черная борода, придающая особенно величественное выраженіе красивому, симпатичному и очень выразительному лицу. Поздоровавшись съ нами, онъ предложилъ намъ сѣсть, и только переводчикъ оставался стоять въ почтительной полусогнутой позѣ, съ подобострастно-сложенными на животѣ руками. Куда дѣвалась вчерашняя развязная манера этого неумолкаемаго хвастуна! Его стройную фигуру уже не облекалъ дорогой халатъ, который онъ носилъ внѣ дворца по холопьей вольности. Дешевенькій адрясъ съ продольными полосами желтаго, краснаго и зеленаго цвѣта—т. е. костюмъ, полагавшійся ему по его скромному чину—былъ перетянутъ не менѣе скромнымъ поясомъ, съ неизмѣннымъ карманчикомъ изъ синяго плиса, прикрѣпленнымъ къ нему въ видѣ гусарской ташки двумя тонкими ремешками. Почтительно склонивъ на строну голову, онъ съ замираніемъ сердца слѣдилъ за своимъ монархомъ, всѣми силами стараясь дословно передать разговоръ, такъ какъ хорошо зналъ, что эмиръ самъ понимаетъ русскую рѣчь и строго караетъ фантазію не въ мѣру краснорѣчивыхъ переводчиковъ. Въ этомъ растерянномъ и уничтоженномъ холопѣ трудно было узнать того независимаго сановника, за котораго онъ выдавалъ себя наканунѣ, и съ этого момента личность его обрисовалась передъ нами во всей красотѣ хлестаковскаго типа своеобразнаго восточнаго жанра....

Аудіенція наша продолжалась цѣлый часъ; разговоръ вертѣлся около организаціи содѣйствія въ предстоявшемъ намъ путешествіи и освѣдомленіи о состояніи здоровья извѣстныхъ его высочеству нашихъ государственныхъ дѣятелей.

Эмиръ просилъ насъ не спѣшить отъѣздомъ и подольше прожить подъ его гостепріимнымъ кровомъ. Черезъ часъ онъ отпустилъ насъ и

мы опять очутились въ пріемной, гдѣ ждалъ насъ обильный и разнообразный обѣдъ бухарской кухни.

Послѣ обѣда насъ повезли къ наслѣднику престола бухарскаго хана. Онъ живетъ въ урдѣ (кремлѣ). Чтобы попасть туда, необходимо проѣхать почти весь городъ. Такое неожиданное развлеченіе обрадовало насъ; мы съ веселыми сердцами опять размѣстились въ колясках и быстро покатили по узкимъ улицамъ Кермине. Уличная жизнь его мало чѣмъ отличается отъ таковой же другихъ туземныхъ городовъ: тѣ же безконечные ряды мясныхъ лавокъ, чайхане, мануфактуры, таже пестрая толпа халатовъ, безчисленное множество ишаковъ, несущихъ разнообразную службу; нѣтъ только косоглазаго киргиза, да потомокъ древняго Авраама, съ веревкой вмѣсто пояса, напоминаетъ, что это уголокъ не той Азіи, гдѣ европейскій режимъ хоть немного уже сгладилъ племенную рознь, тяготѣющую надъ сынами израиля. Чѣмъ объяснить это презрительное отношеніе къ потомкамъ семитской расы? Заѣзженный аргументъ ихъ алчности и склонности къ ростовщичеству здѣсь, гдѣ бокъ о бокъ съ ними живутъ индусы, эти профессіональные мірскіе безъ захребетники, эти шейлоки сердца и милосердія, эти авантюристы, покидающіе берега Ганга съ единственною цѣлью безъ разбора средствъ нажиться на чужбинѣ—теряетъ свое значеніе. Индусъ болѣе неумолимый кредиторъ и болѣе алчный ростовщикъ, чѣмъ еврей, а между тѣмъ гражданскіе права и общественное положеніе перваго шире и выше второго. Нельзя объяснить униженное положеніе еврея также и розною между завѣтами Моисея и Магомета, такъ какъ Будда съ его ученіемъ не менѣе далекъ и чуждъ исламу, чѣмъ и библейскій вѣроучитель сѣдой старины. Остается искать причину этой застарѣлой вражды въ историческомъ прошломъ выходцевъ изъ Палестины, когда они, въ періодъ ихъ политической самостоятельности, также были нетерпимы ко всему, что не хотѣло видѣть въ Адонаѣ и преданіяхъ библіи единственную міровую истину, а въ скиніи единственный храмъ, какъ противоположность капищу. Кто знаетъ, быть можетъ такими тяжелыми уроками жизни исторія предваряетъ человѣчество отъ крайностей религіозной и политической нетерпимости, давая примѣръ современному обществу того, какъ тяжела и продолжительна бываетъ расплата за насильственное приниженіе интеллектуальной независимости себѣ подобнаго.....

Наслѣдникъ бухарскаго престола, Тюря-Джанъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ. Онъ почти свободно говоритъ порусски, и въ объясненіяхъ съ нимъ намъ не требовался переводчикъ. Онъ еще не привыкъ къ оффиціальнымъ пріемамъ, и потому аудіенція наша была очень не продолжительна: не болѣе, какъ черезъ пять минутъ, мы опять уже были въ колясках и ѣхали къ своимъ муравьямъ довольные все-таки тѣмъ, что

хоть на нѣсколько часовъ избавились отъ усыпляющаго однообразія въ тѣсныхъ стѣнахъ отведеннаго намъ дворца.

Въ душевной тоскѣ и инквизиціонныхъ экзерциціяхъ надъ муравьями мы дожили, наконецъ, до кануна свѣтлаго Христова воскресенія. Въ этотъ день его высочествомъ намъ была доставлена цѣлая куча разнообразныхъ и дорогихъ сластей, въ размѣрахъ, далеко превосходящихъ мѣсячную потребность въ нихъ десятка лукуловъ добраго стараго времени, а вечеромъ въ наше распоряженіе былъ откомандированъ придворный хоръ музыкантовъ съ неизмѣннымъ переводчикомъ, конечно, опять уже переоблачившимся въ дорогой халатъ и готовымъ къ безконечнымъ импровизаціямъ о собственномъ значеніи, умѣ и вліяніи на ходъ внѣшней и внутренней политики ханства. Онъ былъ неподражаемо забавенъ въ своей наивной лжи и несравненно лучше развлекалъ насъ, чѣмъ несчастные муравьи, и въ особенности тогда, когда путался въ собственныхъ повѣствованіяхъ или сообщалъ о повседневной придворной жизни. Какъ ни интересны сами по себѣ послѣдніе разсказы, но все же изъ понятной осторожности къ правдоподобію хлестаковскаго изложенія я воздержусь отъ сообщенія ихъ читателю.

На другой день мы опять были приглашены во дворецъ, а вечеромъ слушали вторично присланный хоръ музыкантовъ. Своеобразный звукъ восточной скрипки и кларнета и оригинальная мелодія музыки, аккомпанировавшей пѣвцу, передававшему какую-то рапсодію, пріятно звучалъ въ высокихъ комнатахъ и мы, прихлебывая кахетинское, съ большимъ удовольствіемъ провели вечеръ и не замѣтили, какъ стукнула полночь. Къ сожалѣнію, перевода пѣсенъ сдѣлать было некому. Одинъ изъ слугъ, владѣвшій, очевидно, русскимъ языкомъ, слышалъ вчерашніе расказы переводчика, и съ этого вечера мы уже больше его не видали.

14 апрѣля намъ разрѣшено было, наконецъ, откланяться, а 15— рано утромъ мы выступили изъ Кермине.

II.

До города Гузара намъ предстоялъ нетрудный путь по гладкой степи, да и его мы должны были проѣхать въ удобныхъ рессорныхъ экипажахъ.

Послѣ скучнаго шестидневнаго пребыванія въ Кермине, вырваться изъ предѣловъ тѣснаго сада, было большимъ удовольствіемъ, и мы спѣшили покинуть городъ, какъ только это позволилъ намъ восточный этикетъ. Въ $7^1/_2$ часовъ утра мы уже ѣхали по кривымъ улицамъ Кермине. Передъ глазами мелькали привычныя картины: лавка съ пестрымъ разнообразіемъ товаровъ, всадники, поспѣшающіе на ба-

заръ, чайхане съ обычными ихъ посѣтителями, среди которыхъ, однако, очень часто попадались сѣрыя шинели бухарскихъ солдатъ. Некрасивыя, мало выразительныя лица послѣднихъ говорили, между прочимъ, намъ, что въ арміи эмира служитъ далеко не цвѣтъ молодежи его націи.

Солдаты, не спѣша, пили утренній чай, нисколько не заботясь, вдобавокъ о томъ, что состояніе костюма ихъ мало удовлетворяло требованіямъ самой скромной дисциплины. Разстегнутый, разорванный по всѣмъ швамъ сюртукъ, опорки вмѣсто обуви, плохо пригнанная шинель съ разнокалиберными погонами—вотъ тѣ признаки, по которымъ можно было распознать военную силу ханства, квартирующую въ Кермине. Пріятнымъ исключеніемъ являлись фигуры «терской сотни», составляющей конвой его высочества. Они лучше одѣты и болѣе соотвѣтствуетъ присвоенной формѣ, какъ близко подходящей къ національному костюму (халату).

Около крѣпостныхъ воротъ, продѣланныхъ въ высокой стѣнѣ, густо усѣянной крытыми бойницами, всего болѣе толпился народъ. Ворота эти вели къ базару, расположенному, въ видахъ безопасности, въ стѣнахъ городскаго кремля. Миновавъ ворота, экипажи наши выбрались на сравнительный просторъ узкой, малолюдной улицы, а затѣмъ вскорѣ выѣхали за городъ, мимо обширнаго кладбища, раскинувшагося по обѣимъ сторонамъ дороги.

Приблизительно на девятой верстѣ, мы переѣхали полотно желѣзной дороги и, дномъ (руѣломъ) водостока, раздѣляющаго массивъ невысокой гряды холмовъ, вступили въ область малонаселенной степи.

Въ то время, когда лѣвый склонъ водостока покрывала травяная растительность, дававшая пищу многочисленнымъ отарамъ каракульскихъ овецъ,—правый берегъ его блестѣлъ на солнцѣ зеркальною поверхностью обнаженнаго сланца. Изрѣдка попадались дырявыя кибитки узбековъ, кочующихъ съ баранами, составляющими источникъ ихъ жизни. По дорогѣ безпрестанно шли намъ на встрѣчу караваны ишаковъ, нагруженныхъ высохшими стеблями полыни, служащей топливомъ. Дорога все время идетъ въ гору. Рѣзкость контуровъ береговъ водостока постепенно сглаживается, и приблизительно на 30-й верстѣ мы поднялись, наконецъ, на водораздѣлъ и стали затѣмъ спускаться къ кишлаку Карнабу.

Кишлакъ этотъ раскинулся на сороковой верстѣ отъ Кермине. Не располагая избыткомъ поливной воды, онъ производитъ унылое впечатлѣніе своими глиняными постройками, образующими цѣлую сѣть узкихъ и кривыхъ улицъ, не приспособленныхъ къ колесному движенію. Лишь кое-гдѣ встрѣчаются деревья, да и то какія-то чахлыя,

съ рѣдкою листвою на растопыренныхъ вѣткахъ. У мечети небольшой хаузъ и небольшой клочекъ тѣнистаго мѣста. Все селеніе пользуется ключами, начинающимися у могилъ святыхъ, погребенныхъ почти въ чертѣ кишлака. Маловодье научило жителей цѣнить живительную влагу, и кишлакъ съумѣлъ утилизировать ее для обширныхъ виноградниковъ и полей люцерны, опоясавшихъ селеніе широкой лентой. Виноградники ведутся въ разстилку. Скудость древесной растительности, играетъ тутъ, кажется, первую роль: у населенія нѣтъ матеріала для дугъ, и оно повело виноградъ по такой системѣ. Поливного хлѣба очень много, но не въ хлѣбѣ заключается главное богатство жителей: всѣ они скотоводы, и промыселъ этотъ даетъ имъ главныя средства къ жизни.

Поливныя земли карнабцевъ освобождены отъ налога и составляютъ тамъ видъ владѣнія, который въ мусульманской юрисдикціи извѣстенъ подъ именемъ милькъ-хуръ. Чтобы впослѣдствіи не повторяться, я вкрадцѣ изложу общія черты землевладѣнія въ Бухарѣ.

Мусульмане различаютъ четыре вида землепользованія: милькъ-хуръ, милькъ-ушри, милькъ-хераджи и вахвъ.

Владѣльцы перваго вида податей совсѣмъ не платятъ, второго — платятъ $^1/_{10}$ урожая, третьяго—отъ $^1/_8$ до $^1/_5$, а сидящіе на милькъ-вахвъ $^1/_3$ урожая. Право эксплуатаціи земли безъ уплаты податей даруется за особыя заслуги государству; право уплаты $^1/_{10}$ урожая есть прерогатива завоевателей, поселяющихся въ завоеванной странѣ; право же хераджа и вахва принадлежитъ остальнымъ подданымъ, которые или милостиво оставлены въ періодъ покоренія на ихъ собственныхъ земляхъ, или же, не имѣя собственной земли, вынуждены воздѣлывать земли, принадлежащія учрежденіямъ и пріобрѣтенныя послѣдними по завѣщанію создателя вакуфа.

Ни одинъ изъ жителей Карнаба не помнитъ такихъ заслугъ своихъ предковъ, за какія полагается освобождать земли отъ подати, и на обиленный милькъ карнабцевъ надо смотрѣть нѣсколько иначе.

Въ былыя времена осѣдлому населенію Бухарскаго ханства часто и много докучали безпокойные кочевники, шатавшіеся по обширной степи, и такъ какъ въ безводной пустынѣ они были неуловимы, то правительство должно было создавать себѣ опорные пункты, при помощи которыхъ можно было бы бороться съ барантачами и защищать страну отъ ихъ набѣговъ. Заселяя непокорную степь и, создавая тамъ поселенія въ административныхъ видахъ, владѣтели ханства освобождали поселенцевъ отъ податей. Облегченное землепользованіе привлекало въ степь поселенцевъ и, на почвѣ такой политики, въ степи создались кишлаки, освобожденные отъ поземельнаго налога.

Съ теченіемъ времени вольности карнабцевъ постепенно съуживались, и теперь они должны уже платить подать съ полей богарныхъ, доходящую до $^1/_5$ урожая.

Скотоводство также обложено налогомъ, и владѣлецъ сотни овецъ уплачиваетъ правительству за право пастьбы на казенныхъ земляхъ по одному барану въ годъ, а собственникъ верблюдовъ за каждые 40 головъ по одному верблюду.

Для облегченія способа уплаты налога, подать натурою переведена на деньги, и по этому разсчету овца эквивалентна 20, а верблюдъ 100 теньгамъ.

На шестьсотъ дворовъ поселенія карнабцы имѣютъ 15 кутановъ овецъ. Кутанъ считается равнымъ 600 головамъ; такимъ образомъ овцеводство ихъ опредѣляется 9000 головъ, за которыя правительство Бухары ежегодно получаетъ 1800 теньгъ. Цифры верблюдовъ опредѣлить не удалось, но, по единогласному показанію жителей, верблюды даютъ карнабцамъ наибольшій заработокъ, такъ какъ почти круглый годъ ходятъ въ извозъ.

Ключи, орошающіе Карнабъ, даютъ немного болѣе одного кулака*) воды, и подъ поливными посѣвами занято всего лишь 30 батмановъ**) земли, считая и сады. Система хозяйства интенсивная съ обильнымъ ежегоднымъ удобреніемъ. Сѣвооборотъ простъ и однообразенъ: озимый ячмень и, по сборѣ его, джугара. Сборомъ сѣна похвалиться здѣсь не могутъ, хотя иногда и выпадаютъ годы, въ которые дѣлаются запасы степного сѣна, но въ количествѣ весьма ограниченномъ, вслѣдствіе малоуспѣшности работы исключительно серпомъ.

За Карнабомъ начинается почти совершенно безлюдная степь. Слѣва она ограничена предгорьями Гиссарского хребта, и у его оконечностей, на ключахъ, пробивающихся изъ горныхъ складокъ, сидятъ небольшіе кишлаки; справа же очертанія степи сливаются съ горизонтомъ.

Раннею весною эта степь покрыта растительностью, напоминающею флору нашей джизакской степи, съ тою лишь разницею, что ferulla foeditissima попадается здѣсь очень рѣдко.

Первенствующимъ растеніемъ надо отмѣтить полынь, по туземному джусанъ. Мѣстами она сплошь покрываетъ землю, а между ея стеблями пробиваются, въ видѣ подсѣва, разнообразные злаки. Плакучія метелки дикаго овса, султанчики лисихвоста и черныя головки ранга (родъ осоки) доставляютъ обильную пищу каракульскимъ овцамъ, привольно пасущимся на этомъ зеленомъ коврѣ.

---

*) Одинъ куб. футъ въ секунду.
**) Нѣсколько больше десятины.

Изъ міра животныхъ въ особенномъ изобиліи встрѣчаются черепахи. Почти подъ каждымъ кустомъ джусана лежатъ онѣ, грѣясь на солнцѣ. Разнообразныя ящерицы поминутно шныряютъ подъ тонкими стеблями травы, а пробитыя верблюдами и вьючными лошадьми тропы кишатъ навозниками.

Дорога все время идетъ по гладкой скатерти степи, и лишь изрѣдка ее пересѣкаютъ неглубокіе водотоки; весною по этимъ водотокамъ скатывается вода съ синѣющихъ вдали горъ, о которыхъ сказано выше.

На 32-й верстѣ отъ Карнаба, у трехъ колодцевъ, устроенъ караванъ-сарай, въ которомъ отдыхаютъ проѣзжающіе въ Карши и обратно. Устройство его относится къ недавнему времени и свидѣтельствуетъ о желаніи эмира улучшить торговые пути его ханства. Обезпеченіе сарая фуражемъ и содержаніе сторожей возложено на бека въ Кермине, и въ его пользу поэтому поступаетъ плата, взимаемая съ проѣзжающихъ.

Всѣ три колодца очень глубоки (до 13 саж.) и имѣютъ солоноватую воду. Какъ видно на картинкѣ, подъемъ воды, кожанымъ ведромъ, производится лошадью.

Влѣво отъ сарая, подъ горами, отстоящими отъ него въ 14 верстахъ, расположенъ кишлакъ Тымъ въ 300 дворовъ. Онъ также пользуется правомъ милькъ-хуръ, т. е. не платитъ податей за орошенныя земли, а такъ какъ поливной воды, тоже ключевого происхожденія, у него имѣется свыше 20-ти кулаковъ, то выгоды его весьма значительны. Въ послѣднее время противъ обѣленныхъ мильковъ въ средѣ правящихъ классовъ Бухары поднимаются голоса. По шаріату, владѣльцы обѣленныхъ мильковъ, въ случаѣ открытія на ихъ землѣ труповъ убитыхъ людей, должны безпрекословно уплачивать кунъ въ пользу родственниковъ убитаго. Исходя изъ этого закона, многіе съ умысломъ подбрасываютъ трупы на обѣленные мильки и такимъ образомъ эксплуатируютъ ихъ владѣльцевъ, затрудняя казіевъ и бековъ разборами сложныхъ и запутанныхъ дѣлъ. Кромѣ того, такое постановленіе шаріата нерѣдко вызываетъ обдуманныя преступленія, разсчитанныя на полученіе куна.

Жители кишлака Тыма не въ силахъ использовать всю свою воду, а по топографическимъ условіямъ арыкъ можно было бы вывести къ сараю, и тогда часть гладкой площади прилегающей къ нему мертвой степи могла бы превратиться въ цвѣтущую хлопковую плантацію.

Принимая во вниманіе, что подгорные кишлаки точно ожерелье окружаютъ отроги Гиссарскаго хребта, при чемъ каждый изъ нихъ обезпеченъ ключевой водой, можно надѣяться, что со временемъ описываемая пустыня утратитъ свой непривѣтливый видъ въ той части,

гдѣ пролегаетъ дорога въ Карши, но это, конечно, случится не раньше пробужденія инициативы въ инертномъ въ достаточной степени ханствѣ.

Покормивъ въ сараѣ лошадей и напившись чаю изъ солоноватой воды, мы продолжали свой путь. Передъ нами опять развернулась безбрежная степь.

На шестой верстѣ, съ лѣвой стороны дороги, мы увидѣли развалины сердобы*) Абдулла ханъ рабата. По скольку причастенъ упомянутый ханъ къ возведенію такихъ рабатовъ—сказать трудно, но имя его постоянно связываютъ со подобными развалинами туземцы, увѣряющіе, что и эта сердоба построена Абдуллою въ исполненіе обѣта, даннаго имъ послѣ одного выиграннаго сраженія, когда онъ поклялся выстроить въ пустыняхъ сотню рабатовъ.

Отбрасывая въ сторону легенду о битвѣ, въ постройкахъ подобнаго рода нельзя не видѣть, если только строителемъ этихъ станцій дѣйствительно былъ Адбулла-ханъ, дальновидной политики правителя, стремившагося обезопасить пути сообщенія своего ханства уже въ тѣ сѣдыя времена, когда общественное благоустройство игнорировалось и болѣе просвѣщенными націями.

У развалинъ рабата мы въ первый разъ встрѣтили ferulГу, но она до самаго Карши являлась единственнымъ экземпляромъ. При обиліи цвѣтовъ у этого растенія непонятнымъ кажется его ограниченное распространеніе и, надо полагать, въ почвѣ и климатѣ каршинской степи имѣются особенности, препятствующія здѣсь существованію этого растенія.

На 15-й верстѣ насъ ждалъ ночлегъ. Мѣстность эта называется Майданъ-Іобу. Здѣсь также недавно устроенъ оригильный караванъ-сарай у колодца Іолы. Сарай состоитъ изъ 20-и отдѣльныхъ келій, расположенныхъ двумя рядами; каждая изъ нихъ представляетъ собою конусъ, стоящій на кубическомъ основаніи, въ одну сажень высотою. Въ плоскостяхъ куба имѣется три стрѣльчатыхъ отверстія, — два въ видѣ окошекъ и одно, замѣняющее дверь. Эти кельи, какъ было уже сказано выше, выстроены въ два ряда и обращены другъ къ другу дверями. Путникъ выбираетъ любую изъ нихъ для ночлега и чувствуетъ себя такъ же обособлено, какъ въ номерѣ европейской гостинницы.

При сараѣ имѣется складъ фуража и особый, обнесенный высокимъ заборомъ, дворъ съ возвышеніемъ посрединѣ для установки эмирскаго намета на случай, еслибы владѣтель Бухары захотѣлъ совершить путешествіе по своему ханству.

Всѣ постройки новыя, хорошо содержатся и, должно быть, часто и тщательно ремонтируются. Правѣе караванъ сарая, верстахъ въ

*) Пріютъ для путниковъ съ водоемомъ.

30—40, уже не подъ горами, а въ степи, имѣется кишлакъ Тутли. Онъ также сидитъ на ключѣ и одаренъ правомъ обѣленнаго милька. Лѣтомъ въ Тутли проживаетъ семействъ 20, на зиму же остается не болѣе 12-и.

Мѣстность Майданъ-Іобу не обогатила нашихъ коллекцій, такъ какъ ничѣмъ не отличалась отъ пройденной степи. Впрочемъ, вечеромъ намъ удалось убить змѣю, впервые встрѣченную за всю дорогу; къ сожалѣнію, сохранить ее не удалось.

Уже передъ Майданъ-Іобу степь становится нѣсколько оживленнѣе. По зеленому ковру ея то тамъ, то сямъ чернѣютъ кибитки узбековъ. Время отъ времени дорогу нашу пересѣкаютъ караваны идущихъ на лѣтовки номадовъ, но почему-то они идутъ со стороны горъ въ степь, т. е. какъ разъ обратно тому, что мы наблюдаемъ у нашихъ кочевниковъ. Какимъ разсчетомъ руководствуются они въ данномъ случаѣ—рѣшить мудрено. Гонятъ ли они своихъ каракулей на продажу, или нарочно явились до жары стравить степной кормъ, чтобы не пропадалъ даромъ, а потомъ опять уйти въ горы,—допытаться я не могъ. Бухарскаго чиновника, сопровождавшаго нашу экспедицію, мало интересовали подобные вопросы.

(Продолженіе будетъ).

И. Гейеръ.

КАЗІИ

(НАРОДНЫЕ СУДЬИ).

БЫТОВОЙ ОЧЕРКЪ ОСѢДЛАГО НАСЕЛЕНІЯ ТУРКЕСТАНА.

Со времени присоединенія обширной территоріи Туркестанскаго края къ государству Россійскому протекло достаточно времени для того, чтобы русская гражданственность, гуманныя стремленія Россійскаго Правительства и сама жизнь русскихъ людей бокъ о бокъ съ туземцами-аборигенами края оказали на мѣстное туземное населеніе вліяніе сильное и замѣтное. Все въ Туркестанѣ перемѣнилось со времени его завоеванія,—въ лучшую, или худшую сторону—пусть судитъ исторія, но перемѣнилось. Не избѣжало общей участи и отправленіе правосудія—народный судъ нашихъ туземцевъ, но для этого послѣдняго время коренныхъ реформъ еще не наступило и потому намъ кажется не безполезнымъ именно теперь, накапунѣ общей судебной реформы въ краѣ, изложить тѣ свѣдѣнія о народномъ судѣ, какія намъ удалось собрать за нѣсколько лѣтъ жизни въ Старомъ Ташкентѣ, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ туземцами и ихъ народными судьями. Пусть собранныя свѣдѣнія неполны и отрывочны, пусть юристъ по спеціальности найдетъ извѣстныя стороны обстановки народнаго суда недостаточно выясненными, или неправильно освѣщенными, но, по нашему мнѣнію, и предлагаемыя читателю свѣдѣнія помогутъ, до извѣстной степени, всякому интересующемуся этимъ вопросомъ человѣку выяснить значеніе народнаго суда для туземцевъ и познакомиться со свѣтлыми и темными сторонами туземнаго правосудія. Русской администраціи, русской прокуратурѣ такъ мало приходится сталкиваться съ дѣятельностью народныхъ судей, что многіе, самые важные вопросы въ этой области народной жизни прямо таки заслоняются другими явленіями, не имѣющими прямой связи съ отправленіемъ правосудія, а между тѣмъ сфера дѣятельности народнаго суда настолько обширна, что подробное, всестороннее изученіе ея является дѣломъ первостепенной важности.

Какъ сказано выше, всѣ собранныя въ предлагаемомъ очеркѣ свѣдѣнія относятся къ туземной части гор. Ташкента, гдѣ, рядомъ съ значительно меньшимъ по числу населенія русскимъ центромъ Туркестана, живетъ 125-тысячное туземное населеніе, состоящее исключительно изъ сартовъ; несмотря на это, весьма многія стороны обстановки народнаго суда могутъ быть признаны типичными и вообще для народнаго суда осѣдлаго населенія въ другихъ мѣстностяхъ Туркестана. Законы о народномъ судѣ одни и тѣ-же, прошлое суда и основы мусульманскаго права общи для всѣхъ народныхъ судовъ, а потому, основываясь на данныхъ для Ташкента, мы можемъ, не рискуя впасть въ грубую ошибку, судить и о прочихъ судахъ осѣдлаго населенія.

Существующій въ настоящее время у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестана народный судъ смѣнилъ существовавшій ранѣе при мусульманскомъ владычествѣ судъ казіевъ. Гуманныя стремленія завоевателей повлекли за собою ограниченіе компетенціи прежняго суда казіевъ, съ отнесеніемъ наиболѣе важныхъ преступленій къ юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій, а также совершенную отмѣну тѣлесныхъ наказаній, отсѣченія рукъ и ногъ, отмѣну, наконецъ, смертной казни по приговору казіевъ.

Во времена мусульманскаго владычества, въ рукахъ представителя правосудія находилось право жизни и смерти надъ каждымъ изъ подданныхъ мусульманскаго государя, поэтому нужно было обладать многими достоинствами, чтобы имѣть нравственное и законное право занять крайне отвѣтственную должность казія по назначенію мусульманскаго правителя той, или другой области.

Задолго до назначенія кого либо на должность казія, правитель тщательно знакомился съ личностью предположеннаго кандидата, чтобы выяснить, въ полной-ли мѣрѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ претендентъ на должность казія.

По мнѣнію мусульманскихъ законовѣдовъ, казіемъ можетъ быть всякій, кто: свободенъ, здоровъ, совершеннолѣтенъ, исповѣдуетъ исламъ и въ своемъ прошломъ не имѣетъ позорящихъ человѣка проступковъ—напр., не былъ обвиненъ въ клеветѣ. Само собою разумѣется, что въ государствѣ было очень много лицъ, удовлетворявшихъ всѣмъ этимъ условіямъ и потому правитель долженъ былъ приложить не мало старанія, чтобы на должность судьи изъ лицъ, правоспособныхъ по закону, избрать человѣка, наиболѣе заслуживающаго довѣрія и способнаго къ исполненію сложныхъ обязанностей блюстителя правосудія.

Хотя шаріатъ и допускаетъ, въ случаѣ необходимости, назначеніе на должность казія лицъ несвѣдущихъ, имѣя въ виду, что казій можетъ постановить справедливое рѣшеніе и на основаніи мнѣнія другихъ, свѣдущихъ въ шаріатѣ лицъ, но, на практикѣ, въ большинствѣ случаевъ, выборъ всетаки падалъ на одного изъ мѣстныхъ знатоковъ шаріата, заслужившаго во мнѣніи своихъ согражданъ популярность своею ученостью, при всѣхъ другихъ необходимыхъ казію достоинствахъ.

Зрѣло обдумавъ и посовѣтовавшись съ высшими представителями духовной и свѣтской власти, правитель, наконецъ, останавливалъ свой выборъ на одномъ изъ кандидатовъ и предлагалъ ему занять должность казія.

Шаріатъ положительно запрещаетъ кому бы то ни было добиваться назначенія на должность казія, самое желаніе достичь этой высокой степени власти, по мнѣнію мусульманскихъ законовѣдовъ,—уже преступленіе. Самые строгіе изъ толкователей шаріата находятъ даже, что непристойно принимать на себя и по назначенію исполненіе обязанностей казія, если избранный соглашается принять должность добровольно, безъ принужденія. Въ данномъ случаѣ, разумѣется, главнымъ доводомъ служатъ слова Мухаммада, который сказалъ: «кто назначается казіемъ,—терпитъ такое-же мученіе, какъ и животное, горло котораго рѣжется тупымъ, а не острымъ ножемъ».

Имѣя въ виду приведенное преданіе, наиболѣе популярный среди туземцевъ Туркестанскаго края законовѣдъ Имамъ-Акзамъ, или Абу-Ханифа, основатель правовѣрной секты ханифитовъ суннитскаго толка, когда ему предложили занять должность казія, долго отказывался, сказавъ: «я лучше готовъ переплыть море» (за это Имамъ-Акзамъ, по приказанію Гарунъ-аррашида, былъ наказанъ 90 ударами и умеръ въ тюрьмѣ).

Понятно, что при строгомъ выборѣ кандидатовъ и назначенный на должность казія человѣкъ пріобрѣталъ въ глазахъ народа большое значеніе, являлся въ полномъ смыслѣ слова высшимъ представителемъ правосудія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи всецѣло обязанъ правителю высокой честью, которой онъ удостоился, вновь назначенный казій становился первымъ и усерднымъ слугой главы государства, направляя всѣ свои усилія къ тому, чтобы оправдать на дѣлѣ оказанное ему высокое довѣріе и старался въ постановленіи своихъ рѣшеній руководствоваться исключительно указаніями шаріата.—Дѣятельность казія распространялась по преимуществу на разрѣшеніе разнаго рода денежныхъ и имущественныхъ споровъ между тяжущимися; къ повседневной жизни гражданъ казій имѣлъ мало отношенія и были другія должностныя лица (раисъ, мухтасибъ), на обязанности которыхъ лежало

охраненіе общественной тишины и спокойствія, а также надзоръ за нравственностью народа и строгимъ исполненіемъ обязанностей религіозныхъ.

Роль казія въ судебномъ процессѣ въ сущности сводилась къ исполненію обязанностей посредника, такъ какъ стороны, приходя на судъ, запасались такъ называемыми «риваятами», или справками изъ книгъ шаріата, составленными мѣстными знатоками мусульманскаго кодекса. Каждый изъ тяжущихся старался поручить составленіе риваята для себя лучшему законовѣду и тотъ, кто брался за это дѣло, прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы извлечь изъ юридическихъ трактатовъ и толкованій побольше самыхъ убѣдительныхъ цитатъ, доказывающихъ правоту кліента, имѣвшаго представить риваятъ казію.— Противная сторона также точно заботилась о возможно большей убѣдительности своего риваята и такимъ образомъ передъ судомъ казія выступали тяжущіеся, съ самыми подробными справками изъ закона. Казію надлежало еще предложить представленные риваяты на обсужденіе состоявшихъ при казіѣ «аалямовъ»—совѣтниковъ и, выслушавъ ихъ мнѣнія по дѣлу, а также ознакомившись съ объясненіями тяжущихся и представленными документами, казій постановлялъ рѣшеніе на основаніи внутренняго своего убѣжденія.

Рѣшеніе казія было безапелляціонно, никакой высшей инстанціи судебной не существовало, но за то каждый, испытавшій на себѣ несправедливость казія, могъ найти себѣ защиту предъ лицомъ представителя административной власти—бека или хана.

Иногда несправедливость или судебная ошибка казія влекла за собой разсмотрѣніе того-же дѣла въ присутствіи бека, при участіи мѣстныхъ законовѣдовъ, въ болѣе-же важныхъ случаяхъ и при обнаруженіи со стороны казія пристрастія или корысти — неправосудіе вызывало немедленную смѣну казія или даже изгнаніе его съ конфискаціею его имущества.

Несмотря на осторожность при назначеніи, несмотря на страхъ кары за неправый судъ, казіи, конечно, и при мусульманскомъ режимѣ не были безупречны. Человѣческія слабости, присущія и этимъ стражамъ законности, оказывали свое вѣчное и неизмѣнное вліяніе на рѣшенія казіевъ, но во всякомъ случаѣ можно было поручиться за преданность такихъ казіевъ тому правительству, волею котораго они были поставлены судить народъ. — Въ такомъ положеніи застало народный судъ присоединеніе Туркестана къ Россіи.

Русскій законъ даровалъ туземцамъ право по своему усмотрѣнію выбирать себѣ народныхъ судей, ограничивъ это право лишь требованіемъ, чтобы въ народные судьи избирались «жители волости, пользую-

щіеся уваженіемъ и довѣріемъ народа, не подвергавшіеся по приговору суда наказаніямъ, превышающимъ семидневный арестъ или денежное взысканіе въ тридцать рублей, не состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и имѣющіе не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду». (Ст. 223 Положенія объ управленіи Туркестанскаго края). Эти ограниченія настолько незначительны, что удовлетворяющихъ всѣмъ указаннымъ въ законѣ требованіямъ для избранія въ народные судьи лицъ—весьма много: каждый неопороченный по суду туземецъ можетъ добиваться чести быть избраннымъ.—Съ одной стороны, конечно, полная свобода въ выборѣ народныхъ судей желательна, потому-что, выбирая изъ большаго числа претендентовъ на должность, можно сдѣлать болѣе удачный выборъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы число кандидатовъ было ограничено, но съ другой стороны, отсутствіе какого-бы то ни было образовательнаго ценза не можетъ не отразиться неблагопріятно на общемъ составѣ представителей правосудія.

Со времени введенія «Положенія объ управленіи Туркестанскаго края» дважды принимались мѣры, направленныя къ улучшенію состава должностныхъ лицъ туземной администраціи, но въ обоихъ случаяхъ вниманіе высшей въ краѣ власти было обращено лишь на развитіе въ средѣ должностныхъ лицъ стремленія къ изученію русскаго языка.

Въ концѣ 1891 года бывшій Туркестанскій генералъ-губернаторъ, Баронъ Вревскій, въ циркулярѣ своемъ на имя военныхъ губернаторовъ областей края, между прочимъ, писалъ:

„Предполагать и надѣяться, что жители Туркестанскаго края сами сознаютъ пользу и восчувствуютъ удовольствіе отъ изученія русскаго языка, отъ тѣхъ знаній, которыя сообщаются въ русско-туземныхъ школахъ, значило-бы оставлять дѣло въ обычной косности, надолго задерживать обрусѣніе или духовное общеніе средне-азіатской окраины съ русскою народностью и тѣмъ самымъ затруднять сліяніе этой окраины съ имперіей. Съ другой стороны, привлеченіе туземныхъ дѣтей въ школу только черезъ посредство волостныхъ управителей и аксакаловъ не приводитъ къ желательной цѣли: дѣти, приступая къ ученію не по желанію родителей или родственниковъ, а по внѣшнему побужденію, учатся неохотно, подневольно и безуспѣшно. Способъ этотъ не соотвѣтствуетъ достоинству русской школы и русскаго правительства.

Настало время поставить дѣло такъ, чтобы въ русской и только въ русской школѣ туземцы видѣли носительницу и насадительницу знаній необходимыхъ для всякаго рода общественной службы и дѣятельности, чтобы знали о неприложимости къ настоящему государственному и общественному строю ихъ быта тѣхъ ученій, которыя выносятся изъ мадраса и мактаба. Бытъ этотъ самъ собою, силою неотразимыхъ обстоятельствъ, предъявляетъ требованія на такія знанія и умѣнья, которыхъ не даютъ и не могутъ дать школы мусульманскія. А туземцы, какъ и всѣ простые люди, прежде и больше всего интересуются утилитарной стороной книжнаго ученія, его приложимостью къ практическимъ цѣлямъ.

Мѣстные мусульмане, знающіе русскій языкъ, могутъ и должны пользоваться имъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, не только при отправленіи обязанностей казіевъ, біевъ, волостныхъ управителей, аксакаловъ и состоящихъ при сихъ лицахъ мирзъ, а также сельскихъ старшинъ, всѣхъ полицейскихъ служителей въ русскихъ частяхъ каждаго города и, по крайней мѣрѣ, старшихъ въ частяхъ туземныхъ, не только при этихъ обязанностяхъ, но и при другихъ разнообразныхъ службахъ и занятіяхъ въ областныхъ правленіяхъ, судахъ, казначействахъ, банкахъ, почтовыхъ конторахъ, при работахъ по садоводству и особенно по ирригаціи. Для подготовки къ послѣднимъ занятіямъ, учени-

камъ русско-туземныхъ школъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, слѣдуетъ сообщать главнѣйшія свѣдѣнія и умѣнья, необходимыя для выполненія культурныхъ работъ и для правильнаго наблюденія за ними.

Сообщая о вышеизложенномъ, имѣю честь просить Ваше Превосходительство неотложно принять настоятельныя мѣры къ тому, чтобы отнынѣ туземцы, знающіе русскій языкъ, избирались и назначались на указанныя и другія должности и службы предпочтительно предъ незнающими его и чтобы сущность настоящаго распоряженія возможно чаще была оповѣщаема и уясняема населенію ввѣреннаго мнѣ края".

Вышеприведеннымъ распоряженіемъ русско-туземная школа возводится на степень разсадника будущихъ должностныхъ лицъ туземной администраціи, въ томъ числѣ народныхъ судей, но, въ дѣйствительности, считать это заведеніе достаточнымъ для подготовки будущихъ служащихъ совершенно невозможно. Въ томъ-же циркулярѣ констатируется фактъ, что школы посѣщаются дѣтьми туземцевъ неохотно и что даже самые усердные ученики русско-туземныхъ школъ, не имѣя дома никакой практики даже разговорной рѣчи, не только что чтенія и письма, быстро позабываютъ и то немногое, что они выносятъ изъ школы по части знанія русскаго языка. А между тѣмъ большинство туземныхъ мальчиковъ вступаютъ въ русско-туземную школу въ возрастѣ 8—10 лѣтъ и, окончивъ полный курсъ школы, покидаютъ заведеніе 14—16 лѣтъ. Знанія большинства юношей, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ русско-туземной школы крайне слабы; сартъ торговецъ считаетъ достаточнымъ, если сынъ его, по окончаніи школы, оказывается въ состояніи написать по-русски адресъ на письмѣ, или несложную торговую телеграмму, но дальше этого развитіе мальчика въ желательномъ для насъ направленіи не идетъ, а отъ этого еще очень далеко до той суммы знаній, которую можно было-бы считать достаточною для будущаго общественнаго дѣятеля на томъ, или другомъ поприщѣ. — Къ тому-же даже и добытыя знанія очень легко испаряются изъ памяти юноши, по окончаніи школы, возвращающагося въ свою семью и приступающаго къ обычнымъ занятіямъ среди своихъ соплеменниковъ, гдѣ ему цѣлые годы не придется услышать ни одного русскаго слова.— Наиболѣе просвѣщенные туземцы отлично понимаютъ, что дѣти ихъ безъ практики, позабудутъ русскую грамоту и всѣми силами стараются пристроить своихъ сыновей куда-нибудь въ такое правительственное, или общественное учрежденіе, гдѣ мальчикъ могъ-бы заниматься письмомъ по-русски.

Къ сожалѣнію, свободныхъ мѣстъ въ канцеляріяхъ такъ мало, а каллиграфическія познанія бывшихъ питомцевъ русско-туземныхъ школъ такъ ничтожны, что весьма немногіе сарты устраиваются на мѣста.

Приведенное выше распоряженіе главнаго начальника края дѣйствуетъ уже въ теченіе семи лѣтъ, между тѣмъ и до сихъ поръ въ составѣ должностныхъ лицъ туземной администраціи сравнительно не-

много знающихъ русскій языкъ, между казіями-же нѣтъ ни одного кончившаго русско-туземную школу, а среди народныхъ судей можно указать, кажется, только одного народнаго судью гор. Чимкента, губернскаго секретаря Саттархана Абдулгафарова, который, дѣйствительно, хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ, но въ русско-туземной школѣ не учился.

Несмотря на ясно выраженное въ помянутомъ циркулярѣ распоряженіе о предпочтительномъ назначеніи на должности лицъ, знающихъ по-русски, уѣзднымъ начальникамъ почти не приходится пользоваться на практикѣ правомъ выбора должностныхъ лицъ и отдавать предпочтеніе знающимъ русскій языкъ. Законъ вполнѣ предоставляетъ населенію право избранія должностныхъ лицъ и, если нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вызывающихъ назначеніе старшины, или народнаго судьи безъ выборовъ, по личному усмотрѣнію начальства, то населеніе должно избрать двухъ кандидатовъ на должность народнаго судьи, а губернатору предоставлено право утвердить одного изъ кандидатовъ въ должности народнаго судьи. Такимъ образомъ, избраніе начальства ограничено тѣми двумя лицами, которыя выбраны населеніемъ. Само населеніе, въ большинствѣ не понимающее ни слова по-русски, естественно недовѣрчиво относится къ своимъ должностнымъ лицамъ, если они бойко говорятъ по-русски. Это недовѣріе объясняется тѣмъ, что присутствующіе при разговорѣ такого должностнаго лица съ начальникомъ лишены возможности понять происходящій при нихъ разговоръ, а потому и предполагаютъ всегда, что должностное лицо, изъ угожденія начальнику, говоритъ неправду во вредъ своимъ единовѣрцамъ. Такое недовѣріе свойственно всѣмъ туземцамъ потому, что между ними, дѣйствительно, не мало лицъ, способныхъ и во вредъ другимъ воспользоваться своимъ положеніемъ посредниковъ между населеніемъ и русскимъ начальствомъ. Въ большинствѣ случаевъ, туземецъ входитъ въ близкія сношенія съ русскими и добивается входа въ домъ начальника только изъ разсчета, когда думаетъ извлечь какую-нибудь выгоду для себя и, нечего грѣха таить, широко пользуется своимъ положеніемъ. Русскіе люди по природѣ довѣрчивы, не многимъ приходится познакомиться хотя бы съ основными положеніями мусульманской религіи, а тѣмъ болѣе съ безчисленными толкованіями на тексты Корана, которыми руководятся мусульмане въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ. Благодаря этому, большинство русскихъ людей въ приходящихъ къ нимъ сартахъ видятъ лишь добрыхъ знакомыхъ совершенно безкорыстно преданныхъ своимъ русскимъ пріятелямъ. Дѣйствительно, сартъ, ищущій почему либо сближенія съ русскимъ, отъ котораго надѣется рано или поздно получить какую либо выгоду, прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы увѣрить новаго знакомаго въ

своей искренней, а главное въ совершенно безкорыстной привязанности. Знакомство завязывается случайно, или одинъ, ранѣе знакомый въ домѣ сартъ, приводитъ и знакомитъ своего друга, рекомендуя его своимъ русскимъ друзьямъ, какъ своего брата, или родственника. Далѣе знакомый сартъ отъ времени до времени заходитъ навѣстить семейство русскаго знакомаго, самъ вызывается исполнить небольшія порученія по покупкѣ въ туземномъ городѣ необходимыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ, или матерій, которыя въ сартовскихъ лавкахъ дешевле и т. п. Долголѣтнее знакомство устанавливаетъ въ отношеніяхъ извѣстную короткость и ловкій туземецъ становится своимъ, котораго въ домѣ перестаютъ стѣсняться. Само собою разумѣется, что сближенію съ русскимъ въ значительной степени помогаетъ хотя бы поверхностное знаніе русскаго языка. Наконецъ, установились добрыя отношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи и сартъ почувствовалъ подъ собой почву. Тогда новый знакомецъ начинаетъ осторожно и умѣло извлекать изъ своего знакомства выгоды. Прежде всего изучается подробными разспросами положеніе русскаго пріятеля въ обществѣ, его отношенія къ тому, или къ другому лицу, нужному туземцамъ, а тамъ ужъ не далеко и до почтительныхъ просьбъ замолвить словечко тому или другому сравнительно высокопоставленному лицу по дѣлу, имѣющему какое либо отношеніе къ освоившемуся въ домѣ туземцу. Просьбы эти такъ рѣдки, такъ почтительны, что довѣрчивому ходатаю и въ голову не придетъ, что онъ становится послушнымъ орудіемъ въ рукахъ туземца, а этотъ послѣдній эксплоатируетъ свою пріязнь не только для себя, но и для своихъ близкихъ—туземцевъ. Иногда не о чемъ попросить русскаго знакомаго, да и онъ самъ не могъ-бы исполнить просьбы о какомъ либо ходатайствѣ; тогда знакомство съ русскими можетъ быть полезно хотя для узнанія новостей, интересующихъ почему либо туземцевъ. Съ совершенно невиннымъ выраженіемъ лица, такъ хитро, какъ можетъ сдѣлать это только восточный политикъ, сартъ начинаетъ въ разговорѣ бродить кругомъ да около того предмета, который его интересуетъ и не бываетъ случая, чтобы любопытство не было удовлетворено: недовѣрія въ насъ нѣтъ, а болтливости много, поэтому, если не самъ хозяинъ дома, то его семья непремѣнно выскажутъ туземцу то, что ему надо знать, зачѣмъ онъ собственно и пришелъ.—Добытая такимъ образомъ, часто животрепещущая и важная для туземцевъ новость, тотчасъ-же послѣ визита знакомаго туземца, дѣлается достояніемъ чуткаго до новостей стараго Ташкента. Этимъ объясняется, что сарты знаютъ рѣшительно все и что русскому человѣку, живущему въ старомъ Ташкентѣ, нерѣдко приходится слышать отъ сартовъ такія извѣстія, о которыхъ не ос-

вѣдомлены еще жители русскаго города. Между тяготѣющими къ русскимъ людямъ туземцами есть счастливцы, которымъ удается стать въ близкія отношенія къ начальствующимъ лицамъ. Чаще всего это случается тогда, когда старый знакомый сарта достигаетъ, наконецъ, степеней извѣстныхъ.—Знакомство съ большимъ человѣкомъ представляетъ уже значительныя выгоды для умѣлаго человѣка и можетъ не только поднять значеніе сарта въ обществѣ его соплеменниковъ, но и доставить подчасъ матеріальную прибыль. Визиты сарта къ высокопоставленному знакомому не часты—нельзя надоѣдать своими посѣщеніями, и дѣлаются обыкновенно въ такое время дня, когда высокопоставленный хозяинъ одинъ и не занятъ. Посѣщеніе туземца никого не стѣсняетъ; иногда онъ просто придетъ, посидитъ, спроситъ о здоровьи и уйдетъ, даже отказавшись отъ предложеннаго стакана чая. Но для самого посѣтителя и такое кратковременное свиданіе не лишено значенія—онъ побывалъ у своего стараго знакомаго, посѣтилъ высокопоставленное лицо, и, если никто не видѣлъ, какъ онъ выходилъ изъ дома, то онъ самъ всѣмъ разскажетъ о посѣщеніи.—Восточная фантазія не даетъ сарту разсказать правду и всѣ преувеличенія сводятся къ описанію того радушія, съ какимъ былъ принятъ посѣтитель въ домѣ начальника. Если-бы кто либо изъ начальствующихъ лицъ могъ услышать разсказъ туземца о посѣщеніи имъ дома начальника, онъ удивился-бы обилію подробностей, свидѣтельствующихъ о вниманіи, какое, по словамъ разсказчика, было оказано ему въ домѣ начальника. Самая обыкновенная вѣжливость при встрѣчѣ—возводится въ преувеличенномъ описаніи на степень искренней радости приходу туземца, предложенный стаканъ чая принимаетъ размѣры роскошнаго угощенія, а прощаніе уснащается добавленными отъ разсказчика просьбами заходить какъ можно чаще и обращаться со всѣми своими нуждами безъ всякой церемоніи въ какое угодно время.

Хвастливые разсказы туземца производятъ сильное впечатлѣніе на слушателей, вѣкъ свой живущихъ въ старомъ Ташкентѣ, всѣ проникаются завистью къ привиллегированному положенію разсказывающаго, къ его близости къ высокопоставленному лицу. Одинъ-два такихъ преувеличенныхъ разсказа и за извѣстнымъ лицомъ упрочено значеніе вліятельнаго человѣка, къ нему самому уже обращаются съ подобострастными просьбами о содѣйствіи черезъ знакомаго начальника. Приходится давать обѣщанія исполнить просьбу, но не всегда просьба исполнима и нельзя лѣзть къ начальству по пустякамъ, поэтому нерѣдко приходится хитрить и въ другую сторону. Одна ложь влечетъ за собою другую... Туземный политикъ обѣщалъ съѣздить и попросить за кого-нибудь изъ туземцевъ, зная навѣрно, что просьба не бу-

детъ исполнена. Тогда ходатай дѣлаетъ начальнику одинъ изъ своихъ по виду ничѣмъ не вызванныхъ визитовъ и дѣлаетъ его такъ, чтобы это видѣлъ и тотъ, за кого онъ взялся хлопотать. Выйдя отъ начальника, посѣтитель беззастѣнчиво лжетъ и увѣряетъ своего кліента, что ему стоило большого труда уговорить своего высокопоставленнаго покровителя исполнить просьбу, но что обѣщаніе исполнить просимое дано. Кто можетъ разоблачить хитреца, никому и въ голову не придетъ предположить такую тонкую политику въ наивномъ на видъ знакомомъ сартѣ.

Тщеславному любителю знакомствъ въ средѣ русскихъ надоѣло, наконецъ, разсказывать небылицы про восторженные пріемы и про короткость къ высокопоставленному лицу. Надо воочію показать остальнымъ сартамъ какъ хорошо относится начальникъ къ своему протеже. Тогда затѣвается въ подходящее время вечеринка, или пріемъ въ саду за городомъ. За нѣсколько дней до назначеннаго пріема, сартъ объѣзжаетъ самыхъ высокопоставленыхъ своихъ знакомыхъ, упрашиваетъ ихъ посѣтить его домъ и привезти къ нему своихъ знакомыхъ по своему выбору, не стѣсняясь тѣмъ, что они, можетъ быть, не знакомы съ хозяиномъ. — Приглашенія сдѣланы, сартъ не щадитъ средствъ на пріемъ гостей, но и не упускаетъ случая побесѣдовать со своими, преимущественно на тему о высокомъ положеніи своихъ гостей и о своей къ нимъ близости. Въ этихъ описаніяхъ фантазія туземца ничѣмъ не сдерживается и желаніе похвастаться короткостью съ сильными міра переходитъ иногда всякія границы. Въ старомъ Ташкентѣ мнѣ пришлось слышать по этому поводу такой разсказъ изъ прошлаго: нѣкто С.-А-й, въ первые годы послѣ завоеванія Туркестана, ближе другихъ сошелся съ русскими и прилагалъ всѣ старанія, чтобы воспользоваться своими знакомствами среди завоевателей для увеличенія своего вліянія среди туземцевъ. Вся его дѣятельность была обращена къ расширенію круга знакомствъ преимущественно среди лицъ, занимавшихъ въ то время видное служебное положеніе и къ распространенію между туземцами преувеличенныхъ разсказовъ о близости и короткости его отношеній съ высокопоставленными знакомыми. — Благодаря умѣнью и хитрости, С.-А-й достигъ блестящихъ результатовъ: весь городъ бывалъ у него и самъ онъ, какъ самый почетный туземецъ, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ столицы Туркестана. — Одного не доставало кичливому политику—у него еще не былъ генералъ Э. Направивъ всѣ усилія къ завѣтной цѣли, С.-А-й, наконецъ, успѣлъ заручиться согласіемъ генерала посѣтить его въ извѣстное, заранѣе назначенное время. Что-же дѣлаетъ польщенный обѣщаніемъ высокаго гостя сартъ у себя дома? Незадолго до назначеннаго посѣщенія генерала, онъ собираетъ своихъ дру-

зей и знакомыхъ—туземцевъ по какому-то вымышленному дѣлу и сидитъ съ ними въ гостинной, непринужденно бесѣдуя. Въ разговорѣ хозяинъ шутитъ: «а что не послать-ли за генераломъ, онъ, вѣроятно, съ удовольствіемъ пріѣдетъ посидѣть у меня часокъ». Гости поражены развязностью и самоувѣренностью хозяина, они громко выражаютъ свое сомнѣніе въ томъ, чтобы такъ легко и просто было даже для С.-А-я пригласить къ себѣ большого генерала въ любое время. Чтобы прекратить споръ, хозяинъ зоветъ своего слугу и при всѣхъ приказываетъ ему ѣхать къ генералу и просить на чашку чая отъ имени хозяина. Даже обычной въ такихъ случаяхъ записки не трудится написать обезумѣвшій отъ тщеславія сартъ: въ душѣ онъ вполнѣ увѣренъ, что генералъ сдержитъ данное ранѣе обѣщаніе. Черезъ полчаса во дворѣ появляется скачущій посланный, а за нимъ плавно вкатываетъ и коляска генерала. Удивленію присутствующихъ нѣтъ предѣловъ, а хитрый амфитріонъ согнулся въ почтительный поклонъ и подобострастно приглашаетъ высокаго гостя въ другую гостинную, гдѣ все уже приготовлено для его пріема. Подобныя описанной выходки, въ связи съ преувеличенными разсказами сблизившихся съ русскими туземцевъ, внушаютъ положительно суевѣрный страхъ всѣмъ остальнымъ обитателямъ стараго города и подобные С.-А-ю туземцы занимаютъ крайне выгодное для нихъ самихъ положеніе посредниковъ между туземнымъ населеніемъ и русскимъ начальствомъ. Нечего и говорить, что вся ихъ дѣятельность въ этой роли полна хитрости, притворства и поддакиванія: передъ русскими людьми эти посредники стараются выставить своихъ земляковъ неразвитыми и фанатизированными, себѣ же приписываютъ руссофильское вліяніе на массу и умѣнье провести въ народъ всякую новую мѣру русскаго правительства. Передъ туземцами,— посредники—ярые ревнители старины и неприкосновенности завѣтныхъ обычаевъ. Они также, какъ и остальные сограждане, ненавидятъ невѣрныхъ, также не сочувствуютъ всему, что исходитъ отъ завоевателей и прилагаютъ всѣ силы къ тому, чтобы ослабить тяжесть всѣхъ новыхъ мѣропріятій для своихъ земляковъ. Для того-то, по объясненіямъ посредниковъ, они и знакомятся съ русскими, для того-то и посѣщаютъ начальствующихъ лицъ. Одинъ и тотъ-же изворотливый актеръ играетъ одновременно двѣ роли и обѣ ему удаются только потому, что русская и туземная части города отдѣлены другъ отъ друга непроницаемой завѣсой. Кого больше обманываетъ посредникъ — сказать трудно, это зависитъ больше всего отъ обстоятельствъ и его собственной карьеры.— Народъ боится такихъ близко стоящихъ къ русскимъ туземцевъ, но не уважаетъ ихъ. У простыхъ людей есть необъяснимое чутье, подсказывающее вѣрную оцѣнку общественнымъ дѣятелямъ и это-то чутье

заставляетъ избирателей хлопотать о томъ, чтобы не только ни одинъ изъ близко стоящихъ, или отличившихся передъ русскимъ начальствомъ, лицъ не былъ избранъ на должность, но чтобы въ число избранныхъ даже не попали по возможности и туземцы, хорошо знающіе русскій языкъ.— Потому уѣздному начальнику въ большинствѣ случаевъ не изъ кого выбирать и онъ часто бываетъ вынужденъ представить къ утвержденію кандитада, не знающаго ни слова по русски.

Предоставленное туземцамъ право выборовъ должностныхъ лицъ— это такая сила, которая парализуетъ всякія поползновенія русскаго начальства провести на извѣстную должность желательнаго начальству кандидата. Мнѣ живо памятны выборы 1896 года въ Ташкентѣ. На должность Сибзарскаго народнаго судьи, вмѣсто устраненнаго вмѣстѣ съ прочими должностными лицами за безпорядки 1892 года, назначенъ былъ нѣкто Р. Х—а, который втеченіе трехлѣтія своей службы успѣлъ зарекомендовать себя человѣкомъ съ «прогрессивными» взглядами и слабо развитымъ фанатизмомъ. Прежній народный судья, наоборотъ, въ мнѣніи начальства стоялъ не высоко, какъ убѣжденный консерваторъ и фанатикъ. Передъ выборами было рѣшено въ принципѣ не допустить назначенія на должность прежняго народнаго судьи, преступно-равнодушно отнесшагося къ безпорядкамъ 1892 года и всѣми силами постараться объ утвержденіи того кандидата, который отличался желательными съ русской точки зрѣнія служебными качествами. Русскій избранникъ самъ понималъ, что начальство постоитъ за него, имѣя въ виду его важныя заслуги и нисколько не хлопоталъ о привлеченіи на свою сторону избирателей—пятидесятниковъ. Благодаря твердой увѣренности въ поддержкѣ со стороны начальства, Р. Х—а даже на словахъ не заискивалъ у пришедшихъ къ нему по знакомству пятидесятниковъ: «дѣлайте, что хотите, а я всетаки буду народнымъ судьей», сказалъ онъ своимъ доброжелателямъ. Тѣмъ времеменемъ соперникъ правительственнаго кандидата, по традиціямъ болѣе симпатичный населенію и отлично знавшій, что онъ не можетъ разсчитывать на поддержку со стороны начальства—не дремалъ. По освященному практикой обычаю, онъ съѣздилъ къ кому слѣдуетъ изъ вліятельныхъ туземцевъ, собралъ къ себѣ вечеромъ на угощеніе нужныхъ избирателей и успѣлъ увѣрить ихъ въ томъ, что во время безпорядковъ 1892 года онъ пострадалъ за свои твердыя убѣжденія и непоколебимую вѣрность избравшему его народу. Кандидатъ—консерваторъ съумѣлъ внушить избирателямъ, что и впредь народъ найдетъ въ немъ опору противъ русскаго вліянія, а что, избравши его соперника, они рискуютъ нажить себѣ много непріятностей, такъ какъ бывшій адвокатъ, съ темнымъ прошлымъ, не пользующійся уважені-

емъ среди народа, очевидно будетъ все больше и больше заискивать передъ русскими властями, поступаясь завѣтными традиціями.—Судьба выборовъ была рѣшена; кандидатъ-консерваторъ заручился большинствомъ голосовъ.—Мало того, въ день выборовъ пришлось убѣдиться, что туземцы не хуже насъ знаютъ статьи «Положенія объ управленіи Туркестанскаго края», относящіяся до выборовъ должностныхъ лицъ: предположенный начальствомъ кандидатъ по числу полученныхъ избирательныхъ голосовъ, оказался третьимъ и, такимъ образомъ, не вошелъ въ число двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ начальство по закону можетъ утвердить одного въ должность народнаго судьи. Предусмотрительный соперникъ позаботился о томъ, чтобы избирающіе его въ судьи и въ кандидаты къ нему предлагали угоднаго ему человѣка. Сартъ побѣдилъ и, въ день выборовъ, главный начальникъ края поздравилъ Р. Х-у за обѣдомъ съ избраніемъ его въ народные судьи. Причемъ-же при такихъ условіяхъ желаніе уѣзднаго начальника подбирать знающихъ русскій языкъ должностныхъ лицъ и можетъ-ли онъ исполнить распоряженіе, изложенное въ вышеприведенномъ циркулярѣ г. Туркестанскаго генералъ-губернатора?

Населеніе, если-бы и прониклось сознаніемъ необходимости выбирать должностныхъ лицъ, преимущественно изъ числа грамотныхъ по русски, встрѣтило-бы къ тому немалыя затрудненія, потому что, кромѣ недостигшихъ еще 25 лѣтняго возраста бывшихъ учениковъ русско-туземныхъ школъ, почти забывшихъ по выходѣ изъ школы русскую грамоту, почти нѣтъ среди туземцевъ людей, знающихъ по-русски, если не считать уволенныхъ отъ службы городовыхъ, джигитовъ уѣздныхъ управленій и татаръ-переводчиковъ, хотя и знающихъ немного по-русски, но за то вовсе не обладающихъ нравственными достоинствами. Есть еще практически изучившіе разговорную русскую рѣчь и грамоту сыновья ташкентскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ губерніями внутренней Россіи, но эти лица все счастіе свое полагаютъ въ торговлѣ и никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ не принимаютъ, это не кандидаты на выборныя должности.

Вторично со стороны высшаго областнаго начальства было сдѣлано распоряженіе, направленное къ распространенію между туземными должностными лицами знанія русскаго языка въ томъ-же 1891 году, но совершенно иного характера. Генералъ-лейтенантъ Гродековъ отдалъ приказъ, чтобы должностныя лица туземной администраціи постепенно перешли къ веденію служебной переписки на русскомъ языкѣ. До 1 іюля 1892 года разрѣшалось представлять служебныя бумаги, написанныя по мусульмански, съ точнымъ переводомъ мусульманскаго текста на русскій языкъ, а съ 1-го іюля 1892 года мусуль-

манскій языкъ предлагалось въ служебной перепискѣ оставить совсѣмъ.

Эта мѣра произвела на туземцевъ большое впечатлѣніе. Особенно народные судьи призадумались надъ тѣмъ, какъ имъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Ослушаться приказа было нельзя, а найти подходящее лицо для изложенія служебныхъ бумагъ на русскомъ языкѣ было очень трудно. Надо было подъискать такого человѣка, которому народный судья могъ вполнѣ довѣрить свои подчасъ серьезныя и не терпящія огласки дѣла, а такому человѣку необходимо было назначить и соотвѣтствующее содержаніе. Народные судьи остановились на мысли, какъ можно скорѣй подготовить на должности секретарей по русскому языку своихъ взрослыхъ сыновей, или родственниковъ, т. е. такихъ лицъ, которыхъ они до изданія распоряженія и не думали обучать по-русски. Пошли разспросы, гдѣ найти учителя, способнаго въ возможно короткій срокъ научить молодаго туземца русской грамотѣ, а вопросъ о дороговизнѣ вознагражденія учителю даже не подымался. Раньше и въ безплатную русско-туземную школу не хотѣли сарты отдавать своихъ сыновей, а тутъ готовы были потратить деньги на приглашеніе отдѣльнаго учителя, только чтобы скорѣй добиться цѣли—пріобрѣсти для письменныхъ занятій вѣрнаго человѣка, умѣющаго хорошо писать по-русски. Распоряженіе очевидно поставило нашихъ должностныхъ лицъ въ безвыходное положеніе и результаты получились-бы блестящіе, но 24 іюня 1892 г. случились въ Ташкентѣ безпорядки, ближайшее начальство перемѣнилось и вопросъ о введеніи служебной переписки на русскомъ языкѣ остался открытымъ, а распоряженіе военнаго губернатора понемногу забылось. Такъ и эта, вторая, мѣра не привела къ желаемому результату *).

Хотя русскій законъ предоставляетъ народнымъ судьямъ право разрѣшать «подсудныя имъ дѣла на основаніи существующихъ въ каждой части населенія обычаевъ», но на самомъ дѣлѣ народные

---

*) 6 ноября 1898 г. за № 19 объявленъ слѣдующій циркуляръ Туркестанскаго генералъ-губернатора гг. военнымъ губернаторамъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей: „Признавая необходимымъ приступить къ обсужденію вопроса объ обязательномъ введеніи Государственнаго языка въ письменныхъ сношеніяхъ лицъ туземной администраціи съ русскими властями въ краѣ, я полагалъ бы полезнымъ и своевременнымъ, впредь до осуществленія этой реформы въ полномъ ея объемѣ, потребующаго довольно продолжительнаго срока, принять на первое время мѣры къ тому, чтобы всѣ мѣстныя туземныя власти или по крайней мѣрѣ волостные управители имѣли русскихъ писарей для своихъ оффиціальныхъ сношеній съ уѣздными начальниками и приставами.

Затрудняясь, однако, опредѣлить срокъ для пріисканія необходимаго числа русскихъ писарей, а равно указать контингентъ лицъ, могущихъ занять эти должности, прошу ваше превосходительство доставить мнѣ ваше заключеніе по этому дѣлу, такъ и по общему вопросу объ обязательномъ введеніи русскаго языка въ оффиціальныхъ сношеніяхъ мѣстной туземной администраціи съ русскими властями“.

судьи осѣдлаго населенія и въ томъ числѣ народные судьи гор. Ташкента, рѣшаютъ дѣла не по обычаю, а «по шаріату». Подъ именемъ шаріата извѣстна цѣлая наука мусульманскаго права, основанная на религіозно-нравственныхъ положеніяхъ, приведенныхъ въ Коранѣ и широко разработанная многочисленными учеными юристами, посвятившими всѣ свои силы толкованію на всѣ лады юридическихъ положеній со всѣми мелочными частными случаями казуистики. Творенія отцовъ мусульманскаго права и всѣхъ ихъ послѣдователей на поприщѣ истолкованія изложены преимущественно на арабскомъ языкѣ и только нѣкоторыя юридическія сочиненія переведены на персидскій. Если собрать лишь наиболѣе чтимыя сочиненія по юридическимъ вопросамъ, то составится громадная библіотека, но въ практикѣ всетаки можетъ встрѣтиться случай, къ которому нельзя подобрать подходящей статьи въ имѣющихся на лицо книгахъ. Осмысленное чтеніе юридическихъ книгъ требуетъ отъ судьи обширныхъ познаній въ арабскомъ языкѣ, а между тѣмъ знатоки арабскаго языка между нашими учеными туземцами попадаются все рѣже и рѣже. Прежде мусульманская наука, основанная главнымъ образомъ на изученіи арабскаго языка, находилась подъ покровительствомъ мусульманскаго правительства и заботы мусульманскихъ правителей объ ученыхъ выражались матеріально въ ассигнованіи значительныхъ денежныхъ средствъ въ пользу «талабильмъ» (буквально ищущихъ знанія), т. е. учащихъ и учащихся. Мусульманскіе государи, подъ вліяніемъ высшаго духовенства и ученыхъ, занимавшихъ видное положеніе при дворѣ, считали всегда лучшимъ средствомъ къ прославленію своего имени—образованіе «вакуфовъ», или заповѣдныхъ имѣній, доходами съ которыхъ могли-бы пользоваться люди, посвятившіе свои силы мусульманской наукѣ.

Послѣ присоединенія Туркестанскаго края къ Россійской Имперіи, значительная часть вакуфныхъ имуществъ перешла въ руки частныхъ лицъ, которыя уже не такъ близко къ сердцу принимали благополучіе ученыхъ и процвѣтаніе учебныхъ заведеній, поэтому стипендіи учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній (мадраса) въ Ташкентѣ и другихъ городахъ Туркестана уменьшились, дошли до ничтожныхъ размѣровъ 3—4 р. въ годъ на человѣка. Жить на такія средства, при возрастающей дороговизнѣ продуктовъ первой необходимости, даже и при даровомъ помѣщеніи ученика въ стѣнахъ заведенія, стало немыслимо и число желающихъ учить мусульманскую науку систематически уменьшается съ каждымъ годомъ.

Только въ Бухарѣ мусульманская наука и, по преимуществу законовѣдѣніе, еще до сихъ поръ хорошо поставлена, благодаря непри-

косновенности богатыхъ «вакуфовъ» и потому хорошо подготовленные ученые выходятъ только изъ мадраса гор. Бухары.

Затрудненія, силою обстоятельствъ поставленныя распространенію высшаго мусульманскаго образованія, неблагопріятно отразились уже на составѣ народныхъ судей осѣдлаго населенія и, въ томъ числѣ, народныхъ судей Ташкента. Прежде, на видную должность казія было такъ много претендентовъ, что человѣку, получившему посредственное образованіе въ одномъ изъ незначительныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и проходившему курсъ подъ руководствомъ мало извѣстнаго преподавателя—нечего было и думать попасть въ казіи, теперь-же, между 4 народными судьями Ташкента, только одинъ окончилъ курсъ мадраса въ Бухарѣ, остальные-же трое учились при своихъ родителяхъ, не покидая Ташкента*).

Не велика была-бы для насъ, русскихъ, бѣда въ этомъ, если-бы наши народные судьи недостатокъ своего мусульманскаго образованія пополняли-бы, хотя отчасти, знакомствомъ съ европейской наукой, но оказывается, что посредственное развитіе мало учившихся людей препятствуетъ пробужденію въ нихъ интереса къ какому-бы то ни было знанію.

Народные судьи наши, не взирая на то, что обязанности ихъ по «Положенію объ управленіи Туркестанскаго края» строго ограничиваются функціями чисто судебнаго характера, никакъ не могутъ помириться съ мыслью, что при русскомъ режимѣ они стали уже не казіями, а только народными судьями. Человѣку, свыкшемуся съ дѣтства съ представленіемъ о положеніи казія, конечно, трудно измѣнить свой взглядъ на внѣшнюю обстановку и значеніе представителя правосудія. Должность казія совмѣщала въ себѣ не только власть судебную, но и духовную отчасти. Правда, казій не имѣлъ значенія священника въ тѣсномъ смыслѣ слова, но за неимѣніемъ въ исламѣ рукоположеннаго духовенства, ему приходилось исправлять и нѣкоторыя «требы».

Бракъ у туземцевъ очень рѣдко совершается въ личномъ присутствіи невѣсты, а обычаемъ установлено, что невѣста къ самому заключенію брака присылаетъ своего довѣреннаго, который и выражаетъ согласіе своей довѣрительницы на бракъ. Такъ какъ совершеніе довѣренностей вообще представляетъ актъ, свидѣтельствуемый народными судьями, то съ первыхъ же дней завоеванія Туркестана казіи усиленно хлопотали о присвоеніи имъ права совершать браки между туземцами. Исканіе этого права обусловливалось не только желаніемъ поднять свое значеніе въ глазахъ туземцевъ и пріобрѣсти права духовной власти, къ этому побуждалъ еще и матеріальный разсчетъ, такъ какъ, тоже по обычаю,

*) Въ 1899 г. и послѣдній изъ этихъ казіевъ остался не у дѣлъ.

казію, совершившему бракъ молодого человѣка съ дѣвицей, уплачивается 2 руб., а за бракъ со вдовой (джуанъ) 1 руб. при полученіи записки о бракѣ. Записка эта называется «никахъ-патта», а плата «никахъ-кана».

Вѣроятно, и на первыхъ порахъ послѣ занятія края русскими, было не мало претендентовъ на право собирать плату за совершеніе мусульманскихъ браковъ, потому что генералу Черняеву пришло на мысль сдѣлать изъ этого права арендную статью въ пользу бѣдныхъ мусульманъ и право взиманія брачнаго налога было взято на откупъ туземцемъ-же за 2500 р. въ годъ.—Впослѣдствіи этотъ порядокъ измѣнился и казіи вновь овладѣли правомъ совершать браки и собирать деньги за выдачу брачныхъ квитанцій.—Казіи до того ревниво охраняли свое право на совершеніе браковъ, что дѣло дошло до преслѣдованія всѣхъ имамовъ, которые осмѣливались, на точномъ основаніи шаріатныхъ постановленій о бракѣ, безъ вѣдома казія соединять для брачной жизни мусульманскія пары.—Такой случай дошелъ до свѣдѣнія генерала Гродекова въ Чимкентскомъ уѣздѣ въ 1891 году и военный губернаторъ вынужденъ былъ издать особый приказъ, которымъ разъяснялось, что народные судьи должны исполнять только тѣ обязанности, какія возложены на нихъ соотвѣтствующими статьями «Положенія объ управленіи Туркестанскаго края» и что отправленіе духовныхъ требъ вовсе не относится къ обязанностямъ народныхъ судей. Это распоряженіе вызвало большое неудовольствіе со стороны народныхъ судей, но населеніе привѣтствовало новую мѣру, потому что плата за бракъ имаму ограничивается 40 к., а народному судьѣ платилось раньше 2 р.—Остались, правда, нѣкоторые по преимуществу зажиточные горожане, которые приглашаютъ и теперь для совершенія брака народныхъ судей, но это уже роскошь и не обязательно.

Также не всѣ туземцы зовутъ теперь народныхъ судей въ качествѣ почетныхъ гостей на свои семейные праздники (обрѣзаніе сыновей и сговоры дочерей); похоронные обряды (джаназа) теперь также у простыхъ людей обходятся безъ присутствія народныхъ судей и сокращеніе числа приглашеній сберегаетъ бѣднымъ людямъ довольно много денегъ, такъ какъ при всякомъ такомъ посѣщеніи принято надѣвать на почетнаго гостя новый халатъ въ 4—5 рублей въ благодарность за сдѣланную посѣщеніемъ честь.

Прежде народные судьи наши утверждали свои рѣшенія и свидѣтельствовали различные акты приложеніемъ большой именной печати, оттискъ которой получался отъ намазыванья китайской тушью поверхности печати. Именныя печати имѣли видъ старинныхъ казійскихъ печатей, рѣзались на серебрѣ со всевозможными украшеніями и размѣромъ бывали больше стариннаго серебрянаго рубля. Въ ряду мѣръ, принимавшихся

для указанія бывшимъ казіямъ всѣхъ пріемовъ веденія дѣла съ тѣхъ поръ, какъ они стали народными судьями по русскому закону, между прочимъ, немаловажное значеніе имѣло и введеніе форменныхъ должностныхъ печатей съ русскою надписью, взамѣнъ прежнихъ именныхъ печатей. Областное правленіе распорядилось изготовленіемъ необходимаго числа должностныхъ печатей и прислало для раздачи всѣмъ служащимъ туземной администраціи, въ томъ числѣ и народнымъ судьямъ. Послѣднимъ очень не понравились грубыя желѣзныя печати, которыя должны были замѣнить ихъ щегольскія именныя печати, вполнѣ подходившія къ достоинству казія. Послышались возраженія, что печати даютъ плохіе неясные оттиски и областному правленію пришлось объявить къ руководству, что хорошіе оттиски новыя печати даютъ при копченіи ихъ на свѣчѣ. Далѣе наши законники подняли вопросъ о томъ, что имъ нерѣдко приходится совершать документы, которые потомъ обращаются въ сопредѣльныхъ Туркестану ханствахъ, гдѣ только именныя печати извѣстныхъ казіевъ служатъ ручательствомъ за неподдѣльность и правильность документа, а русская печать ни для кого непонятна и можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Народные судьи ходатайствовали, чтобы имъ разрѣшено было прикладывать къ документамъ двѣ печати—казенную должностную и свою именную. Въ Ташкентѣ этотъ компромиссъ разрѣшенъ не былъ, но изъ Коканда кто-то изъ народныхъ судей получилъ документъ о двухъ печатяхъ и вновь было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи прикладывать двѣ печати по примѣру Ферганской области. Мнѣ было приказано для прекращенія всякихъ домогательствъ народныхъ судей о сохраненіи казійскихъ печатей уничтожить именныя печати и надо было видѣть горе владѣльцевъ, когда я собственноручно рубилъ топорикомъ серебряныя пластинки печатей, богато разукрашенныхъ затѣйливыми арабесками.—Только послѣ уничтоженія печатей окончательно введены были вмѣсто имянныхъ должностныя и народные судьи наши заказали себѣ по формѣ казенной каучуковыя печати съ футлярами въ видѣ часовъ и красящими приспособленіями.—Такое сравнительно ничтожное нововведеніе—и столько хлопотъ прежде, чѣмъ съ нимъ примирились.

Должностные знаки, присвоенные народнымъ судьямъ и носящіе на себѣ изображеніе геральдическаго единорога въ гербѣ Туркестанскаго края тоже не пользуются симпатіями народныхъ судей, доказывающихъ, что ношеніе на себѣ изображенія живаго существа противно постановленіямъ мусульманской религіи. Это объясненіе, конечно, тоже приходитъ на умъ туземцу только потому, что прежніе казіи знаковъ не носили, они и безъ знаковъ хорошо были извѣстны народу. Когда одинъ изъ стѣсняющихся носить должностной знакъ изъ за помѣщен-

наго на немъ изображенія получаетъ первую медаль съ портретомъ Государя Императора, или тѣмъ болѣе первый орденскій знакъ для нехристіанъ установленный съ изображеніемъ въ центрѣ креста двуглаваго орла, ему даже и въ голову не приходитъ, что ношеніе такого знака отличія противорѣчитъ мусульманскимъ его воззрѣніямъ. Напротивъ, полученіе первой награды развиваетъ въ награжденномъ ненасытную жадность къ полученію новыхъ и новыхъ знаковъ отличія, двигаетъ его на щедрыя пожертвованія и другія услуги русскому правительству только-бы добиться удовлетворенія своего тщеславія. Медали и ордена уже не прячутся подъ верхнее платье какъ должностные знаки, а старательно выставляются на показъ и самыми ревностными хранителями мусульманскихъ обрядностей, видящими идолопоклонство въ одномъ только взглядѣ на изображеніе живаго существа. Только во время молитвы въ мечети принято снимать съ груди знаки отличія и потому петличныя медали и ордена туземцы помѣщаютъ обыкновенно на отстегивающуюся колодку или длинную шпильку. Если медаль одна, или двѣ, то подъ ними въ халатѣ дѣлается небольшой кармашекъ, въ который изображенія и помѣщаются на время молитвы, дѣлаясь невидимыми, а потому и безвредными въ молитвенномъ отношеніи по взгляду мусульманскихъ формалистовъ.

Вотъ сколько перемѣнъ пережилъ институтъ казіевъ при переходѣ къ исполненію обязанностей народныхъ судей по русскому закону и всѣ эти перемѣны чисто формальнаго свойства.

По наружности бывшій казій все тотъ-же: это въ большинствѣ случаевъ представительный, высокаго роста мужчина съ горделивой осанкой, съ плавными, полными достоинства манерами родовитаго туземца. Голова покрыта громадной чалмой бѣлаго цвѣта, аршинъ изъ 30-ти дорогой кисеи, верхняя одежда чаще всего изъ серебристаго «бикасаба»—полушелковой матеріи туземнаго производства, обувь туземнаго покроя, но уже изъ американской лакированной кожи. Выѣзжая изъ дому, казій предпочитаетъ экипажу верховую лошадь большую, красивую. Улицы стараго Ташкента плохо мощены для ѣзды въ экипажѣ, да и верхомъ ѣхать какъ-то важнѣе. Было время, когда никто изъ почетныхъ туземцевъ не рѣшался показаться въ экипажѣ, боясь уронить свое достоинство отступленіемъ отъ освященнаго обычаемъ способа передвиженія, теперь только казіи да ишаны предпочитаютъ верховую ѣзду. Медленно движется по улицамъ города казій, онъ ѣдетъ впереди, а позади движется въ почтительномъ отдаленіи свита верхомъ и непремѣнно бѣжитъ пѣшій конюхъ, обязанность котораго заключается въ держаніи лошади казія, вытираніи пыли съ наряднаго чепрака, шитаго шелками и подсаживаніи казія, когда онъ садится за лошадь.—

Весь выѣздъ казія дѣйствительно носитъ на себѣ отпечатокъ чисто восточной неторопливости и важности; иначе не можетъ быть у людей, руководящихся правиломъ, что «торопливость есть свойство діавола».

Далеко видитъ находящійся на улицахъ народъ медленно приближающагося казія и привѣтствуетъ его всякій почтительнымъ поклономъ и обычнымъ «ас-саляму-алейкумъ». На русскаго служащаго, даже начальника, народъ обращаетъ гораздо менѣе вниманія и нерѣдки случаи, когда приходится взыскивать съ туземца за явно презрительное отношеніе къ русскому. Объясняется это чисто религіозной ненавистью къ иновѣрцу. Словами «миръ вамъ»—«ас-саляму-алейкумъ» мусульманину полагается привѣтствовать только мусульманина-же, для привѣтствія «имѣющихъ писаніе», въ томъ числѣ и христіанъ установлена другая форма: «ас-саляму-алейман-ит-табааль-гуда,» что значитъ: миръ идущему, или направляющему на истинный путь». Изъ этого различія можно вывести заключеніе, какую строгую границу проводитъ исламъ между своими послѣдователями и исповѣдывающими другія религіи. Удивительно-ли послѣ этого, что народъ съ такимъ почтеніемъ привѣтствующій казія, въ мирѣ котораго туземцы все еще продолжаютъ видѣть высшее духовное лицо, довольно неохотно, съ выраженіемъ неудовольствія на лицѣ, поднимается при проѣздѣ одного изъ ближайшихъ своихъ начальниковъ въ старомъ городѣ.

Это-бы еще ничего, но часто можно замѣтить, что встрѣтившійся съ русскимъ на улицѣ туземецъ, особенно изъ простонародья и стариковъ, подобострастно поклонится, а пропустивъ русскаго, вслѣдъ ему звонко плюнетъ, какъ будто встрѣча съ иновѣрцемъ вызываетъ у него сильное отдѣленіе мокроты. Этимъ уже серьезно можно возмутиться, но что дѣлать въ такихъ случаяхъ, когда подобныя привѣтствія можно встрѣтить на каждомъ шагу. Вѣдь существуетъ-же у нашего русскаго простолюдина глупѣйшій предразсудокъ, что встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ неудачу и что ослабить дѣйствіе неблагопріятной примѣты можно только плевкомъ. Когда выведется у мужика глупый предразсудокъ, восходящій, вѣроятно, ко временамъ Владиміра Святаго, къ первымъ временамъ христіанства на Руси? Вѣроятно, только тогда, когда масса разовьется достаточно для того, чтобы сбросить съ себя боязнь примѣтъ и разстанется съ суевѣріемъ. Вѣроятно, и съ мусульманами придется предоставить все дѣйствію времени, въ надеждѣ, что привычка къ русскимъ, развитіе народа и изчезновеніе мнимыхъ упованій на торжество ислама въ странѣ, сдѣлаютъ свое дѣло и заставятъ мусульманъ когда-нибудь поступать съ иновѣрцами по смыслу арабской пословицы, гласящей, что «всѣ люди—люди». До тѣхъ-же поръ остается чисто административ-

ными мѣрами учить туземцевъ вѣжливости по отношенію къ русскимъ, хотя это очень трудно не только для тѣхъ, кого «надо заставить» быть вѣжливыми, но и для тѣхъ чиновъ, кому полагаются эти совсѣмъ неискреннія привѣтствія нашихъ мусульманъ.

По справедливости, долженъ, впрочемъ, упомянуть, что отчасти туземцы удерживаются привѣтствовать русскихъ своимъ обычнымъ «ас-саляму-алейкумъ» не только изъ фанатизма, потому что немногіе туземцы, исключая интеллигенціи, и знаютъ о существованіи другой формулы привѣтствія для иновѣрцевъ «имѣющихъ писаніе» (китаби). Многихъ, по моему мнѣнію, удерживаетъ отъ привѣтствія еще и опасеніе, что русскій человѣкъ не отвѣтитъ на высказанное мусульманиномъ арабское привѣтствіе, а дать «салямъ» и не получить «джуаба» (отвѣтъ на привѣтствіе) для всякаго мусульманина крайне оскорбительно. Это все равно, что поклониться на улицѣ своему знакомому и въ отвѣтъ не получить поклона, не по невниманію, а по сознательному уклоненію знакомаго отъ привѣтствія.—Для мусульманина не получить отвѣта на привѣтствіе, пожалуй, еще тяжелѣе, чѣмъ для русскаго потому, что арабское «миръ вамъ», по толкованію мусульманскихъ законниковъ, относится не къ самому человѣку, котораго привѣтствуютъ, а къ невидимо присутствующимъ при немъ безотлучно двумъ «ангеламъ записывателямъ», которые ведутъ запись добрымъ и злымъ дѣламъ человѣка для расчета на страшномъ судѣ. Поэтому-то и говорится: не «ас-саляму-алейка»—миръ тебѣ, а «миръ вамъ». Вотъ почему и становится рискованнымъ высказать вслухъ привѣтствіе ангеламъ встрѣченнаго человѣка, когда не расчитываешь въ обмѣнъ получить привѣтствіе своимъ*).

Я основываю свое мнѣніе на собственномъ наблюденіи. Зная правила привѣтствія между мусульманами, я, съ первыхъ-же дней жизни своей между мусульманами стараго Ташкента, принялъ за правило на обращенное ко мнѣ арабское привѣтствіе отвѣчать подвѣдомственнымъ мнѣ мусульманамъ арабской-же фразой, выражающей отвѣтъ на привѣтствіе: «ва-алейкум-ас-селамъ» т. е. «и вамъ миръ». Я не находилъ въ этомъ ничего для себя унизительнаго, не считалъ, что наша православная вѣра запрещаетъ намъ привѣтствовать иновѣрца, такъ-же искренно желая ему мира душевнаго, какъ и своему единовѣрцу тѣмъ болѣе, что тоже привѣтствіе, на еврейскомъ только языкѣ, произносилъ Спаситель. Въ теченіе всего времени службы въ старомъ Ташкентѣ

*) Правила приличій на всѣ случаи жизни мусульманъ весьма подробно изложены въ книгѣ „Адабу-с-салихынъ", переведенной мною съ тюркскаго и напечатанной въ одномъ изъ выпусковъ сборника матер. С. Д. обл. статист. комитета. Цѣлая глава этого сочиненія посвящена правиламъ приличій при привѣтствіяхъ.

я держался этого правила и очень скоро сталъ замѣчать, что чаще и чаще слышу отъ сартовъ арабское привѣтствіе. Подъ конецъ перваго-же года жизни среди сартовъ я почти уже не слышалъ привѣтствія «издрастъ», передѣланнаго для русскихъ изъ русскаго «здравствуй»; мнѣ или молча кланялись, или привѣтствовали словами «миръ вамъ».

Кодексъ мусульманскихъ приличій учитъ, что старшій долженъ первый привѣтствовать младшаго, а ѣдущій верхомъ первый привѣтствуетъ идущаго пѣшкомъ, стоящаго, или сидящаго. На практикѣ это весьма разумное правило рѣдко примѣняется; ѣдущій по улицѣ казій только отвѣчаетъ въ полголоса на обращенныя къ нему привѣтствія горожанъ, да прикладываетъ къ сердцу правую руку, въ которой обыкновенно при ѣздѣ держитъ онъ и свою нагайку.

Важности, важности очень много въ нашихъ народныхъ судьяхъ и, хотя почитая ихъ, народъ слѣдуетъ традиціямъ, но не малая доля почета вызывается и громадной властью, которую русскій законъ далъ народнымъ судьямъ надъ подвѣдомственными имъ туземцами. Власть эта такъ велика, что каждый туземецъ чувствуетъ страхъ передъ народнымъ судьей.

По статьѣ 217 «Положенія», «народный судъ, въ случаѣ непримиренія сторонъ, по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, независимо опредѣленія вознагражденія за вредъ и убытки, налагаетъ на виновныхъ слѣдующія наказанія: а) денежныя взысканія не свыше трехсотъ рублей, и б) заключеніе подъ стражу не свыше одного года и шести мѣсяцевъ».

Законъ, такимъ образомъ, опредѣляетъ лишь высшій предѣлъ власти народныхъ судей по наложенію взысканій и не даетъ никакихъ градацій для примѣненія этой власти въ каждомъ частномъ случаѣ, въ зависимости отъ важности содѣяннаго. Надо обладать въ высокой степени развитой справедливостью, чтобы по внутреннему убѣжденію точно опредѣлить мѣру взысканія, соотвѣтствующую для каждаго случая и, мнѣ кажется, можно съ увѣренностью сказать, что ни одинъ изъ народныхъ судей не въ состояніи провести черезъ всѣ рѣшенія свою по уголовнымъ дѣламъ одну и ту же систему назначенія наказаній. Начать съ того, что субъективные взгляды народныхъ судей очень сильно вліяютъ даже на рѣшеніе вопроса о преступности и наказуемости извѣстнаго дѣянія, при примѣненіи-же того, или другого наказанія народный судья находится въ полной зависимости отъ отношенія къ данному проступку, даже къ данному человѣку со стороны общественнаго мнѣнія. Могу указать случай, гдѣ предъ народнымъ судомъ предстала молодая сартянка, уличенная показаніями очевидцевъ въ томъ, что она, съ открытымъ лицомъ, сидѣла въ обществѣ нѣсколькихъ моло-

дыхъ людей, не находящихся къ ней въ тѣхъ степеняхъ родства, которыя допускаютъ такую короткость и не обязываютъ мусульманскую женщину закрывать лицо передъ мужчиной. Народный судья, въ раіонѣ котораго это случилось, не задумываясь, приговорилъ женщину къ содержанію подъ стражей въ теченіе полугода и при постановленіи такого явно противузаконнаго и не въ мѣру строгаго рѣшенія руководствовался лишь сознаніемъ необходимости строго карать всякое отступленіе отъ обычая, имѣющаго цѣлью охраненіе общественной нравственности. Законъ предоставляетъ право народнымъ судьямъ карать туземцевъ за «преступленіе и проступки» т. е., казалось-бы, за такія дѣянія, которыя считаются преступными по нашему европейскому кодексу, между тѣмъ въ данномъ случаѣ сартянка подверглась строгой карѣ за то, что никоимъ образомъ не можетъ считаться проступкомъ по нашимъ законамъ. Кто можетъ поручиться, что множество рѣшеній народныхъ судей не грѣшитъ такой-же односторонностью, имѣющей въ основѣ своеобразную мусульманскую этику? Я бесѣдовалъ по этому поводу съ другими народными судьями и нашелъ одного, болѣе либерально судившаго о закрываніи лица женщинами, который положительно высказался за невмѣненіе женщинѣ въ вину бесѣды съ молодыми людьми, если при этомъ не было съ ея стороны никакого другого проступка противъ нравственности. Другой случай: сынъ богатаго купца, молодой человѣкъ, былъ уличенъ въ посягательствѣ на семейное счастіе одного изъ своихъ знакомыхъ и преступность его была неоспоримо доказана. Тотъ-же народный судья, который такъ строго отнесся къ открывшей при постороннихъ свое лицо женщинѣ, ограничился на сей разъ непродолжительнымъ арестомъ, да и тотъ, по просьбѣ родныхъ осужденнаго, замѣнилъ денежнымъ штрафомъ въ 200 рублей, отлично зная, что при большомъ состояніи, уплата этого штрафа не составитъ для молодого купчика никакого затрудненія.

Въ практикѣ народныхъ судей опредѣленіе мѣры взысканія зависитъ еще и отъ общественнаго положенія обвиняемаго. Руководствуясь толкованіями шаріата, казій за одну и ту-же вину долженъ высокопоставленному туземцу написать письмо, съ указаніемъ неблаговидности его поступка, туземцу средняго класса сдѣлать внушеніе публично, а простому сарту—чернорабочему можетъ назначить самое строгое наказаніе. Развѣ это не произволъ, развѣ можетъ позволить себѣ что либо подобное нашъ мировой судья, каждый шагъ котораго точно опредѣленъ существующими законоположеніями?

Народный судья мало возвышается своимъ нравственнымъ развитіемъ надъ массой народной, а по рожденію своему и жизни онъ тѣсно связанъ именно съ тѣми туземцами, которыхъ призванъ судить. Очевидно,

что при такихъ условіяхъ народный судья далеко не свободенъ отъ стороннихъ вліяній и на каждомъ шагу, смотря по обстоятельствамъ, то мирволитъ провинившемуся, за котораго похлопочутъ у него сильные заступники, то непомѣрно строгъ къ такому подсудимому, который чѣмъ-нибудь прогнѣвилъ вліятельнаго знакомаго судьи.—Я не говорю уже о случаяхъ, когда дѣйствіями народнаго судьи руководитъ корысть; помимо личныхъ разсчетовъ, въ обстановкѣ туземной жизни такъ много обстоятельствъ, вліяющихъ на образъ дѣйствій судьи, съ такой ничѣмъ не ограниченной властью.

Страхъ населенія передъ народнымъ судьей не можетъ быть названъ безпричиннымъ: дѣйствительно есть чего бояться. Стоитъ только простому туземцу чѣмъ-либо огорчить, или прогнѣвить, не говорю уже самого народнаго судью, а хотя-бы родственника его, или близкаго человѣка и наказаніе, гораздо строже заслуженнаго, непремѣнно постигнетъ виновнаго. Всегда найдется человѣкъ, который или по наущенію самого народнаго судьи, или только съ вѣдома его способенъ начать противъ провинившагося уголовный или гражданскій процессъ и горе тому, кто, понадѣявшись на свою правоту, попробуетъ поупорствовать и не примирится заблаговременно съ близкими народному судьѣ лицами. Это упорство или обойдется туземцу очень дорого въ денежномъ отношеніи, или повлечетъ за собой заключеніе подъ стражу на продолжительный срокъ.

Помимо такихъ произвольныхъ насильственныхъ дѣйствій, народный судья страшенъ для всякаго туземца еще изъ-за присяги.—Старыя добрыя времена, когда каждый былъ вѣренъ своему слову,—прошли. Теперь никто изъ туземцевъ даже не представляетъ себѣ какъ можно было вести дѣла въ тѣ времена, когда не занимающій деньги выдавалъ росписку въ ихъ полученіи, а заимодавецъ удостовѣрялъ документомъ, что онъ далъ такую-то сумму. Очевидно, тогда случаи неуплаты долга не встрѣчались и можно было лишь опасаться того, что заимодавецъ, по забывчивости, будетъ требовать съ должника больше, чѣмъ слѣдуетъ. Обходились люди безъ документовъ, свидѣтелей и печатей. Но тѣ времена прошли невозвратно, отошла въ область преданій строгая честность предковъ теперешнихъ кліентовъ народныхъ судей и появились на свѣтъ всевозможныя доказательства справедливости иска. Нравы настолько измѣнились къ худшему, что одного словеснаго удостовѣренія извѣстнаго факта свидѣтелямъ стало недостаточно, потребовалось извѣстное давленіе на человѣка, призваннаго свидѣтельствовать передъ судомъ, для того, чтобы услышать отъ него по извѣстному дѣлу только одну чистую правду. Для подтвержденія словъ стали прибѣгать къ клятвѣ, а клятва, съ теченіемъ времени, создала и клятвопреступниковъ. Въ практикѣ

народнаго суда играетъ весьма видную роль очистительная присяга, имѣющая силу неопровержимаго доказательства, а между тѣмъ не у всякаго страхъ кары за лжеприсягу одинаковъ. Вѣрующій и дорожащій репутаціей честнаго человѣка туземецъ чѣмъ угодно пожертвуетъ, чтобы не лгать подъ присягой, человѣкъ-же, у котораго нравственное чувство слабо развито, не задумается произнести за народнымъ судьей непонятныя для него арабскія слова: «Билляги, Валлагу, Таллагу», для того чтобы пріобрѣсти такимъ путемъ матеріальныя выгоды.— Должно быть дурныхъ людей между туземцами не мало, потому что въ каждомъ обществѣ встрѣчаются, такъ называемые, «мутагамы», т. е. люди, которые приняли ложную присягу по какому-либо дѣлу. Народъ презираетъ такихъ людей и въ тоже время боится ихъ. И боязнь эта вполнѣ справедлива: вѣдь стоитъ только разъ въ жизни рѣшиться перешагнуть преграду, отдѣляющую ложь отъ истины и последующіе подобные-же случаи уже не представятъ никакого затрудненія. Между туземцами, которые, какъ самаго тяжелаго наказанія, боятся очистительной присяги, встрѣчаются и такіе субъекты, для которыхъ лжесвидѣтельство подъ присягой не представляетъ никакого затрудненія въ виду самыхъ незначительныхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ путемъ клятвопреступленія.—Присяжные лжесвидѣтели—профессіоналы сдѣлали то, что каждый туземецъ не только опасается имѣть какое либо дѣло съ легко относящимся къ клятвѣ землякомъ своимъ, но боится и самъ принять присягу передъ судомъ, даже за правое дѣло. Причину такого страха, присущаго всѣмъ туземцамъ, мнѣ кажется, надо искать именно въ профанаціи присяги завѣдомыми клятвопреступниками. Каждый порядочный человѣкъ страшится принять присягу въ доказательство своего иска или уголовнаго преслѣдованія, дабы не дать повода предполагать, что и онъ легко относится къ клятвѣ, а значитъ способенъ, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, покривить душой.—При производствѣ дѣла въ народномъ судѣ, такой, боящійся присяги человѣкъ, рискуетъ или самъ получить приглашеніе присягнуть, или-же присутствовать при клятвѣ безстыднаго лжеца, который, присягнувъ ложно, выиграетъ дѣло. Вотъ почему народъ боится присяги, а слѣдовательно и народнаго судьи; отъ котораго зависитъ назначеніе присяги. Вотъ почему лучшая часть туземнаго общества всѣми силами сторонится отъ всякихъ обращеній въ народный судъ по своимъ дѣламъ. «Я во всю жизнь свою ни разу не былъ въ камерѣ народнаго судьи» (казыхана), говоритъ туземецъ, когда хочетъ указать на свою порядочность и, дѣйствительно, это лучшая рекомендація человѣка.

Наиболѣе зажиточные туземцы стараются всѣ денежныя дѣла свои дѣлать на слово съ хорошо извѣстными имъ лицами, а если не-

обходимо сдѣлать документъ, то охотно прибѣгаютъ къ услугамъ нотаріуса, чтобы разъ навсегда избавиться отъ всевозможныхъ случайностей въ народномъ судѣ. Самимъ народнымъ судьямъ иногда приходится тоже принимать присягу; это бываетъ необходимо, когда ихъ самихъ, въ качествѣ свидѣтелей, или свѣдущихъ людей, вызываютъ въ русскія судебныя мѣста. Это очень затруднительное положеніе для полнаго достоинства народнаго судьи: принять присягу—значитъ уронить себя въ мнѣніи всѣхъ туземцевъ, потерять въ значительной степени то обаяніе, какое производитъ на простой народъ личность судьи, не принять присяги—значитъ ослушаться и не исполнить законное требованіе русскихъ властей. Въ зависимости отъ измѣненія взгляда на присягу, измѣняется и поведеніе нашихъ народныхъ судей въ такихъ случаяхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ случай, что двое старыхъ народныхъ судей, будучи приглашены въ засѣданіе Сыръ-Дарьинскаго областнаго суда въ качествѣ экспертовъ, на отрѣзъ отказались принять присягу и были за это подвергнуты штрафу въ 50 руб. каждый. Теперь такіе случаи не повторяются и народные судьи безпрекословно принимаютъ присягу передъ русскимъ судомъ.

Самая обстановка производства дѣлъ въ народныхъ судахъ настолько отличается отъ обстановки нашихъ судовъ, что стоитъ сказать о ней нѣсколько словъ. Камера народнаго судьи всегда находится въ его собственномъ домѣ, гдѣ живетъ и судья съ семействомъ. Наружный дворикъ дома (ташкари) служитъ хозяину и для пріема гостей и для отправленія правосудія. Обыкновенно все помѣщеніе состоитъ изъ двухъ комнатъ. Въ одной помѣщается самъ народный судья и его совѣтники муфтіи и аалямы, если таковые случаются на лицо, а въ другой комнатѣ располагаются писцы съ канцеляріей. Мебели ни въ той, ни въ другой половинѣ не полагается, всѣ сидятъ на полу, покрытомъ циновками и коврами. Мѣсто, гдѣ предпочитаетъ сидѣть самъ судья, иногда можно узнать по разостланной тамъ шкурѣ медвѣдя, или барсука. Ниши въ стѣнахъ комнаты обыкновенно заняты въ порядкѣ разставленными книгами, имѣющими значеніе для судопроизводства, а передъ судьей лежитъ должностной знакъ съ цѣпью, печать и письменный приборъ. Опредѣленныхъ дней недѣли, или часовъ дня у народныхъ судей для разбора не назначено. Просители начинаютъ собираться съ ранняго утра, тотчасъ послѣ утренней молитвы (намазъ бамдадъ), которая зимой оканчивается около 6 ч. утра, а лѣтомъ и еще раньше, въ зависимости отъ времени восхода солнца. Съ утра и до вечера судья безотлучно находится въ камерѣ и готовъ къ пріему просителей, разбору дѣлъ и засвидѣтельствованію актовъ.—Только съ наступленіемъ сумерокъ прекращается дневная дѣятельность судьи, но канце-

лярія его иногда далеко за полночь работаетъ, чтобы закончить переписку за день и приготовить къ слѣдующему дню необходимые для выдачи кліентамъ документы и копіи рѣшеній судьи.

Просители входятъ въ комнату, гдѣ сидитъ народный судья по одиночкѣ, или небольшими группами, если у нѣсколькихъ лицъ одно и то же дѣло. Лѣтомъ окна изъ комнаты на террасу при домѣ остаются открытыми, такъ что, желающіе слушать разборъ дѣлъ, могутъ присутствовать при разбирательствѣ не стѣсняя самого судью съ его совѣтниками и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Произнеся при входѣ въ комнату общепринятое привѣтствіе и получивъ на него отвѣтъ, проситель усаживается по ближе къ входной двери. По мусульманскому обычаю, почетными мѣстами въ комнатѣ считаются тѣ, которыя расположены противъ входной двери и дальше отъ нея въ глубину комнаты, поэтому проситель и занимаетъ подобающее мѣсто, чтобы не заслужить порицанія за невѣжество. Садится туземецъ передъ народнымъ судьей не такъ, какъ самъ признаетъ для себя удобнѣе, онъ даже не можетъ сѣсть, что называется, «по турецки», поджавъ подъ себя ноги, а долженъ непремѣнно принять позу, установленную для молитвы. Для этого нужно собственно встать на колѣни и отпустить нижнюю часть туловища на пятки ногъ. Проситель почтительно ждетъ, пока судья предложитъ ему высказать его желаніе и тогда только, стараясь быть краткимъ и сохраняя почтительность въ голосѣ, проситель излагаетъ свое дѣло. Сами туземцы являются къ народному судьѣ въ большинствѣ случаевъ только тогда, когда они обращаются къ нему, какъ къ нотаріусу, для засвидѣтельствованія различнаго рода актовъ, или когда начатое дѣло не вызываетъ никакихъ сомнѣній, не сложно само по себѣ. Чуть дѣло поважнѣе и требуетъ извѣстной ловкости и знанія судебныхъ пріемовъ, оно передается для веденія профессіональному довѣренному (вакиль). Эти лица замѣняютъ въ народномъ судѣ адвокатовъ и приносятъ очень много вреда. Искусившіеся въ различныхъ ухищреніяхъ мусульманскаго кодекса вакили пріобрѣтаютъ передъ судомъ значеніе людей, способныхъ вліять на рѣшеніе дѣла въ ту, или другую сторону и часто пользуются своимъ положеніемъ исключительно въ личныхъ разсчетахъ. Нерѣдки случаи, что туземный ходатай по дѣламъ беретъ на себя веденіе дѣла отъ имени истца и, получивъ съ него извѣстное вознагражденіе, условливается и съ отвѣтчикомъ помочь ему отдѣлаться отъ иска, подъ условіемъ уплаты повѣренному тоже извѣстнаго вознагражденія за хлопоты. Понятно послѣ этого, съ какимъ «рвеніемъ» этотъ продажный повѣренный ведетъ дѣло своего перваго и главнаго кліента. Иногда, благодаря воздѣйствію тѣхъ-же повѣренныхъ, стороны соглашаются покончить дѣло миромъ и передаютъ свои полномочія ходатаямъ. Такіе

случаи—прямая выгода для вакилей: заручившись подписками обѣихъ сторонъ на мировое разбирательство, посредники рѣшаютъ дѣло такъ, чтобы самимъ имъ это было выгодно и, въ большинствѣ случаевъ, довѣрители получаютъ только весьма незначительную часть исковой суммы, остальныя же деньги дѣлятся услужливыми миротворцами между собой. Кліентъ уходитъ послѣ примиренія, радуясь, что хоть что-нибудь получилъ и отдѣлался отъ корыстныхъ, жадныхъ посредниковъ по ремеслу. Общественное мнѣніе неодобрительно отзывается о подобнаго рода ходатаяхъ народнаго суда, слышатся часто просьбы населенія о поголовномъ изгнаніи повѣренныхъ изъ камеръ народныхъ судей, но ходатаи попрежнему остаются на занятыхъ ими у чужихъ дѣлъ постахъ, благодаря тому, что много всетаки вчиняется и передъ народными судьями столь неправыхъ исковъ, что, безъ умѣлаго веденія дѣла, нѣтъ никакой надежды выиграть такое дѣло; поневолѣ, приходится обращаться къ услугамъ повѣренныхъ, въ надеждѣ, что можетъ быть на сей разъ кто-либо изъ нихъ постѣснится поступить несправедливо, или продать дѣло противной сторонѣ. Повѣренные и сами не мало хлопочать о своихъ выгодахъ, они ищутъ кліентовъ и уговариваютъ туземцевъ начинать гражданскія и уголовныя дѣла, обѣщая несомнѣнный выигрышъ. Благодаря этому, между народными судьями, получающими вознагражденіе отъ тяжущихся, а не опредѣленное содержаніе, и ходатаями устанавливается связь, основанная на общности интересовъ. Повѣренные даютъ работу народному судьѣ и увеличиваютъ его прибыль, а судья поневолѣ снисходительно смотритъ на неблаговидные поступки вакилей, по поговоркѣ «рука руку моетъ».

Привычный вакиль сознаетъ свою силу, онъ гораздо развязнѣе держитъ себя предъ лицомъ народнаго судьи, громче говоритъ, какъ будто желая похвастаться передъ присутствующими своей храбростью, и настойчиво требуетъ того, что считаетъ нужнымъ для дѣла, ссылаясь на темныя, заранѣе подобранныя указанія шаріатныхъ постановленій.— Къ подыскиванію такихъ шаріатныхъ доказательствъ, книги шаріата представляютъ всѣ удобства какъ по многочисленности своей, такъ и по отсутствію какой-либо систематизаціи юридическихъ толкованій мусульманскаго кодекса. Кромѣ общеизвѣстныхъ классиковъ мусульманскаго законовѣдѣнія, которые довольно опредѣленно высказывали свои мнѣнія по каждому юридическому вопросу, въ мусульманской юридической литературѣ появилось съ теченіемъ времени безчисленное множество частныхъ пространныхъ толкованій на каждый отдѣльный вопросъ права и авторы, такъ называемыхъ, «патва» (или «фетва», какъ говорятъ въ Турціи) задались цѣлью такъ подробно разработать тему, чтобы руководствующійся даннымъ сочиненіемъ могъ найти въ

немъ отвѣтъ на всякій вопросъ.—Для того, чтобы написать цѣлую книгу, трактуя объ одномъ и томъ-же предметѣ, разумѣется, приходилось вдаваться въ такія подробности юридической казуистики и получился до такой степени подробный разборъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, что въ него вошли прямо таки измышленныя, не встрѣчающіяся въ жизни положенія тяжущихся, а самое изслѣдованіе до того запуталось, что только опытная рука юриста-практика можетъ найти въ книгѣ ту страницу, которая можетъ быть полезна, какъ доказательство, въ извѣстномъ дѣлѣ. Разумѣется, отъ самихъ народныхъ судей зависѣло-бы по-немногу вывести изъ употребленія пространныя толкованія и придерживаться въ практикѣ классическихъ юридическихъ сочиненій въ родѣ «Хидая-и-шерифъ», которыя, излагая весь матеріалъ въ системѣ, не останавливаются на мелочныхъ подробностяхъ и предоставляютъ совѣсти и здравому смыслу судьи полный просторъ толкованія въ каждомъ данномъ случаѣ статьи шаріата въ духѣ закона, но наши судьи не любятъ этихъ «большихъ дорогъ» шаріата, какъ они зовутъ опредѣленныя постановленія, а всѣ поголовно предпочитаютъ руководствоваться запутанными «патва» исключительно въ своихъ разсчетахъ. Классиковъ мусульманскаго законовѣдѣнія не такъ много и даже частное лицо прежде, чѣмъ пойти съ своимъ дѣломъ къ народному судьѣ, имѣетъ полную возможность справиться, какъ смотрятъ мусульманскіе законовѣды на данный вопросъ. Понятно, что заручившись подобной справкой, тяжущійся пріобрѣтаетъ возможность настаивать на исполненіи судьей своего законнаго требованія, можетъ спорить съ судьей, жаловаться на его неправосудіе. Совсѣмъ другое получается, когда въ ходу не систематическіе юридическіе трактаты, а мелочныя подробныя компиляціи. Здѣсь, при пользованіи подобными книгами съ предвзятой мыслью, можно найти указаніе на рѣшеніе дѣла въ ту, или другую сторону и все это будетъ «по шаріату». Провѣрить судью нѣтъ никакой возможности, да онъ и не отдаетъ никому отчета, какой книгой и какимъ ея указаніемъ онъ руководствовался въ данномъ случаѣ, а пишетъ въ приговорѣ, что такъ полагается «по шаріату» и только. Зато при пользованіи «патва» и для судьи подчасъ бываетъ трудно возразить на удачно подысканную умѣлымъ вакилемъ статью мало извѣстнаго автора и самого судью можно поставить въ тупикъ, пользуясь подобными пространными толкованіями. Судья въ большинствѣ случаевъ мало и споритъ, чтобы не уронить своего достоинства, онъ знаетъ, что при постановленіи рѣшенія за нимъ останется послѣднее рѣшающее слово и что жаловаться на него при описанныхъ условіяхъ судопроизводства очень трудно. Турецкіе народные судьи уже отрѣшились отъ безсистематичныхъ толкованій мусульманскихъ авторовъ и въ практикѣ тамошняго, тоже шаріатскаго

суда мы встрѣчаемъ уже судебникъ, напоминающій наше «Уложеніе о наказаніяхъ» или «Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», но хотя я и видѣлъ экземпляръ такого руководства у одного изъ нашихъ народныхъ судей, но руководствоваться этимъ опредѣленнымъ сборникомъ никто не хочетъ, всѣ предпочитаютъ туманныя указанія «патва», находя, что за статьями этихъ книгъ вѣрнѣе укрывается личное желаніе или даже пристрастіе судьи.

Какъ сказано выше, проситель сѣлъ передъ народнымъ судьей въ установленной обычаемъ позѣ. Для начала разбора дѣла необходимо именно, чтобы проситель, или стороны вообще сидѣли передъ судьей. Такъ принято и установилось обычаемъ; сартъ, говоря про обращеніе свое къ народному суду, никогда не выразитъ этого иначе какъ глаголомъ «тушмакъ»—опускаться, «казыга туштымъ»—я опустился передъ казіемъ, скажетъ каждый туземецъ въ такомъ случаѣ. Ни одинъ народный судья не станетъ разбирать дѣла, а тѣмъ болѣе не постановитъ рѣшенія, если тяжущіеся стоятъ передъ нимъ, онъ всегда сначала прикажетъ всѣмъ, заинтересованнымъ въ дѣлѣ, сѣсть. Этимъ пользуются наклонные къ сутяжничеству туземцы въ свою очередь. Истецъ, или отвѣтчикъ сидитъ передъ судьей во все время судебныхъ преній, но какъ только дѣло близится къ развязкѣ и судья собирается объявить приговоръ, недовольный исходомъ тяжбы встаетъ и лишаетъ тѣмъ самымъ судью всякой возможности покончить дѣло. Народный судья призываетъ вставшаго съ мѣста къ порядку, онъ проситъ его сѣсть, но бываютъ случаи, когда добиться этого не удается и дѣло затягивается, благодаря упорству тяжущихся, не желающихъ принять передъ лицомъ судьи ту позу, какая установлена обычаемъ. Посадить силой тяжущагося—нельзя, а не садясь самъ, онъ выражаетъ нежеланіе подчиниться рѣшенію судьи. Былъ случай, что народный судья о нежелавшемъ сѣсть отвѣтчикѣ постановилъ особый приговоръ и присудилъ его къ заключенію подъ стражу. Въ нашемъ русскомъ судѣ возможенъ совершенно обратный случай, если бы кто-либо изъ упрямства не пожелалъ встать во время чтенія приговора, но и то упрямство отвѣтчика нисколько не помѣшало-бы объявленію рѣшенія.

И такъ проситель излагаетъ свою просьбу народному судьѣ. Если просьба заключается въ желаніи получить какую-либо копію состоявшагося уже рѣшенія, или засвидѣтельствовать документъ, то просителя направляютъ въ канцелярію народнаго судьи, гдѣ привычные къ дѣлу писцы очень быстро исполняютъ приказаніе судьи, списывая копію, или внося въ актовую книгу содержаніе нужнаго документа. Очень быстро въ помѣщеніе судьи снова входитъ кліентъ съ готовой

записью, или роспиской, которую судья имѣетъ утвердить приложеніемъ своей должностной печати. Если сдѣлка происходитъ между двумя находящимися на лицо кліентами, то они снова садятся и, на вопросы судьи, опредѣленно выражаютъ свое согласіе на утвержденіе состоявшейся сдѣлки. Судья неторопливо надѣваетъ на себя цѣпь со знакомъ, присвоеннымъ его должности, такъ же неторопливо намазываетъ тушью съ мизинца желѣзную печать (если не имѣетъ красящей каучуковой) и, лизнувъ языкомъ то мѣсто документа, гдѣ текстъ заканчивается словами «приложилъ печать», прикладываетъ печать къ особой проклеенной бумагѣ туземнаго приготовленія, на которой преимущественно пишутся туземные документы. Проситель почтительно подходитъ къ судьѣ, беретъ изъ рукъ его документъ и, отступая къ двери, а не поворачиваясь спиной, оставляетъ помѣщеніе камеры.

Другое дѣло, если передъ судьей явится истецъ по гражданскому, или потерпѣвшіе по дѣлу уголовному. Здѣсь уже недостаточно словеснаго заявленія и просителю приходится изложить свои желанія письменно, написать, такъ называемый, «махзаръ», или исковое прошеніе. Исполняется это однимъ изъ писцовъ народнаго судьи за небольшое вознагражденіе. Разсмотрѣвъ прошеніе, народный судья распрашиваетъ еще просителя о подробностяхъ дѣла и выясняетъ кого именно необходимо вызвать ко дню разбора дѣла. Заготовляются повѣстки на треугольныхъ маленькихъ клочкахъ бумаги и передаются для врученія особымъ лицамъ изъ туземцевъ, постоянно находящимся при канцеляріи народнаго судьи. Эти люди больше всего извѣстны подъ общимъ названіемъ «есауловъ» и врученіе повѣстокъ составляетъ для нихъ промыселъ, дающій имъ средства къ жизни. Народный судья не платитъ содержанія есауламъ, но за врученіе каждой повѣстки посланный получаетъ небольшое вознагражденіе въ 10—25 коп. отъ истца по дѣлу. Болѣе расторопные есаулы иногда ухитряются получать деньги и за невручение повѣстокъ. Это случается тогда, если отвѣтчикъ, или свидѣтель по дѣлу, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній, находитъ необходимымъ уклониться отъ явки по вызову судьи. Въ такомъ случаѣ, вызванный платитъ есаулу за то, чтобы тотъ унесъ повѣстку назадъ и сказалъ, что не могъ найти вызываемаго и, разумѣется, платитъ немного болѣе того, что могъ-бы получить есаулъ за врученіе повѣстки.

Въ день разбора, когда явились стороны и свидѣтели, провѣряется всѣ-ли явились и затѣмъ народный судья приступаетъ къ разбирательству. Все производство ведется кратко и такъ-же кратко записывается на оборотѣ исковаго прошенія. Протоколъ судебнаго разбирательства носитъ названіе «тазкира» и содержитъ въ себѣ изложеніе послѣдовательнаго хода преній сторонъ. По окончаніи разбора, всѣ удаляются изъ камеры,

а народный судья, посовѣтовавшись съ своими аалямами и муфтіями диктуетъ своему писцу рѣшеніе по дѣлу, которое и вписывается въ книгу.

Когда рѣшеніе написано, всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ снова зовутъ въ камеру, усаживаютъ передъ народнымъ судьей и рѣшеніе объявляется присутствующимъ подъ росписку въ книгѣ рѣшеній, съ выдачей желающей сторонѣ копіи рѣшенія.

По моему описанію выходитъ, что дѣла у народныхъ судей разбираются весьма быстро, такъ оно и есть въ дѣйствительности, если только судья изъ какихъ-либо разсчетовъ, или постороннихъ соображеній, не затягиваетъ дѣла, и если повѣренные сторонъ не заинтересованы въ отсрочкѣ окончательнаго рѣшенія. Если одинъ изъ этихъ факторовъ на лицо, то нельзя даже сказать впередъ, когда кончится извѣстное дѣло, его можно затянуть на неопредѣленное время, прибѣгая для этого къ самымъ шаріатнымъ уловкамъ. Не говоря уже про то, что истецъ, начавъ дѣло, можетъ, по своему произволу, откладывать вызовъ свидѣтелей и требовать какіе угодно сроки для собранія доказательствъ, его неявка къ назначенному сроку не даетъ права народному судьѣ разобрать дѣло въ его отсутствіи; заочныхъ рѣшеній не существуетъ. Также точно и отвѣтчикъ можетъ на долгое время затянуть дѣло, не являясь по вызову народнаго судьи, или прося объ отсрочкѣ разбирательства по какой-нибудь маловажной причинѣ. Но зато если ужъ дѣло дошло до разбора, то разбирательство идетъ чрезвычайно быстро, безъ всякихъ формальностей и околичностей.

Мнѣ пришлось однажды показывать достопримѣчательности стараго Ташкента нашему маститому юристу В. Д. Спасовичу и, по его желанію, мы посѣтили камеру одного изъ народныхъ судей, во время разбора дѣлъ. Въ нашемъ присутствіи судья такъ быстро и просто разобралъ нѣсколько дѣлъ, что произвелъ видимо сильное впечатлѣніе на видѣвшаго на своемъ вѣку столько процессовъ почтеннаго профессора. Разбирательство въ народномъ судѣ носитъ на себѣ характеръ патріархальности и поражаетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ формалистики.

Иногда разборъ дѣла откладывается на весьма продолжительное время по необходомости изъ-за составленія ривоята. Я уже говорилъ выше, что ривоятъ есть справка изъ шаріатныхъ толкованій по разбираемому вопросу и стоитъ только той, или другой сторонѣ заявить о желаніи представить суду ривоятъ, и народный судья вынужденъ дать просимый срокъ для составленія этихъ мнѣній мѣстныхъ законовѣдовъ по данному вопросу, чтобы не лишить тяжущагося возможности должнымъ образомъ подкрѣпить свои исковыя требованія и обвиненія, или же, наоборотъ, привести данныя въ свое оправданіе, или опроверженіе иска.

Во всякомъ дѣлѣ по шаріату долженъ быть истецъ, это правило создаетъ для нашихъ народныхъ судей затрудненіе совершенно особаго рода при разборѣ цѣлой категоріи дѣлъ, возбуждаемыхъ помимо жалобы потерпѣвшаго. Неосторожное обращеніе съ огнемъ, преступное оставленіе человѣка въ опасности, нарушеніе санитарныхъ постановленій и тому подобные проступки, совершенные туземцами въ туземной части города, вызываютъ привлеченіе виновныхъ къ отвѣтственности передъ народнымъ судомъ, а между тѣмъ шаріатъ совершенно не предусматриваетъ подобныхъ случаевъ, когда само общество настаиваетъ на взысканіи съ виновнаго, помимо чьего-либо частнаго интереса. Дѣлая уступку времени, наши народные судьи разбираютъ и такого рода дѣла, но каждый подобный случай вызываетъ продолжительныя объясненія о томъ, кого-же слѣдуетъ въ такомъ дѣлѣ считать истцомъ, или обвинителемъ. Наложеніе взысканій за общеопасныя преступленія какъ-то не сходится съ установившимся у народныхъ судей взглядомъ, что если нѣтъ истца, то не можетъ быть и возбуждено дѣло.

Вѣрнѣе всего, что народные судьи не могутъ уяснить себѣ, что, за упраздненіемъ существовавшей въ мусульманскія времена должности «казы-раиса», часть обязанностей этого должностного лица перешла къ самимъ народнымъ судьямъ. «Раисъ», помимо наблюденія за исполненіемъ мусульманами изъ религіозныхъ обязанностей, наблюдалъ еще за благочиніемъ въ публичныхъ мѣстахъ, чистотою улицъ и площадей, вѣрностью вѣсовъ и доброкачественностью обращающихся въ продажѣ продуктовъ. Усмотрѣвъ какое-либо нарушеніе, раисъ тутъ-же наказывалъ виновнаго нѣсколькими ударами плети (дарра), при содѣйствіи состоявшихъ при раисѣ служащихъ. Теперь обнаруженіе всѣхъ проступковъ противъ общественной тишины и спокойствія лежитъ на обязанности полиціи, но наложеніе наказаній зависитъ отъ народнаго суда. Недоумѣнія народныхъ судей по поводу отсутствія, на ихъ взглядъ, въ дѣлѣ истца, требующагося по шаріату, влечетъ за собой крайнюю слабость при опредѣленіи наказаній за такіе проступки, которые обнаружены полиціей. Народный судья явно показываетъ нежеланіе наложить взысканіе, чтобы не преступить шаріатныхъ постановленій и въ то же время не отваживается совершенно игнорировать законное требованіе полиціи. Выходитъ, напр., что за загрязненіе человѣческими экскрементами каналовъ, изъ которыхъ жители пользуются водой для питья и приготовленія пищи, народный судья ограничивается нѣсколькими днями ареста и, разумѣется, такой мягкій приговоръ не производитъ никакого впечатлѣнія. Для аппеляціи на такой приговоръ нѣтъ инстанціи и потому дѣятельность народнаго суда въ этомъ направленіи приноситъ весьма мало пользы.

Рѣшенія и приговоры народныхъ судей, а въ особенности совер-

шаемые народными судьями документы на недвижимыя имущества, по установившемуся обычаю, до сего времени пишутся на персидскомъ языкѣ, съ употребленіемъ множества непонятныхъ неученымъ людямъ арабскихъ юридическихъ терминовъ. Такое изложеніе приговоровъ вызываетъ не мало неудобствъ среди населенія, сплошь владѣющаго только тюркскимъ нарѣчіемъ, каково напр., населеніе туземной части г. Ташкента, но народные судьи не желаютъ отступить отъ принятаго обычая, ссылаясь на то, что на грубомъ тюркскомъ нарѣчіи нельзя подобрать соотвѣтствующихъ выраженій для отвлеченныхъ юридическихъ понятій.

Какъ упоминалось уже выше, народные судьи не получаютъ содержанія отъ казны, а трудъ ихъ оплачивается вознагражденіемъ по обычаю, при чемъ слѣдующая въ вознагражденіе судьи сумма взыскивается съ отвѣтчика въ гражданскихъ дѣлахъ.

Обычаемъ не установлена норма вознагражденія и въ ученыхъ трактатахъ мусульманскихъ законовѣдовъ по этому предмету также не содержится опредѣленныхъ указаній, поэтому въ большинствѣ случаевъ сумма вознагражденія зависитъ столько-же отъ состоятельности того лица, съ котораго надлежитъ взыскать деньги, сколько и отъ требовательности народнаго судьи. Неудивительно, что при такой неопредѣленности часто возникаютъ изъ за нормы вознагражденія пререканія между судьями и тяжущимися и между самими народными судьями.

Тяжущіеся нерѣдко жалуются на чрезмѣрныя требованія судей и представляютъ справки изъ шаріатныхъ книгъ, намѣренно подбирая тѣ мѣста этихъ сочиненій, гдѣ авторъ-законовѣдъ, руководимый стремленіемъ поднять значеніе представителя правосудія, высказывается за полную безвозмездность рѣшеній. Судьи спорятъ между собой о нормѣ возгражденія и не могутъ придти ни къ какому соглашенію, опять таки въ виду разнорѣчивыхъ мнѣній по этому предмету мусульманскихъ законовѣдовъ. А однообразіе въ нормѣ возгражденія особенно необходимо именно въ Ташкентѣ, гдѣ народнымъ судьямъ приходится разбирать дѣла и совершать акты на весьма значительныя суммы и гдѣ судей четверо. Послѣднее обстоятельство не лишено значенія потому, что при разнообразномъ опредѣленіи вознагражденія въ пользу народнаго судьи, менѣе требовательный судья одной изъ частей города своимъ безкорыстіемъ подаетъ поводъ къ обвиненію остальныхъ народныхъ судей въ жадности и вымогательствѣ, тогда какъ они дѣйствуютъ по шаріату и повинны только въ томъ, что безкорыстіе у нихъ не такъ сильно развито, какъ у одного изъ ихъ товарищей.—Неудобство это было сознано нашими народными судьями и они, по собственному почину, возбудили предъ начальникомъ города ходатайство о томъ, чтобы норма вознагражденія судей была опредѣлена въ среднемъ раз-

мѣрѣ въ $^1/_2$% съ суммы иска, или стоимости имущества, подлежащаго раздѣлу. Начальникъ города утвердилъ эту норму, но, кажется, поступилъ опрометчиво, потому что вслѣдъ за изданіемъ по этому предмету приказа, народные судьи сами стали отступать отъ нормы и самый безкорыстный изъ народныхъ судей, приступивъ къ раздѣлу наслѣдства одного умершаго богача на общую сумму 400.000 руб., отписалъ себѣ въ вознагражденіе 4000 руб., удвоивъ на этотъ случай установленную норму.

Опекунскія дѣла и дѣла о раздѣлѣ наслѣдственныхъ имуществъ составляютъ видную часть всей дѣятельности народныхъ судей, какъ по значительности суммы наслѣдствъ, такъ и по значенію правильной постановки охранительныхъ производствъ для благосостоянія сиротъ, обезпечиваемыхъ опекунскими капиталами. Между тѣмъ эта-то сторона дѣятельности судей и составляетъ самое слабое мѣсто нашего народнаго суда. При охранѣ всякаго открывающагося наслѣдства, первая опись и приведеніе въ извѣстность оставшагося имущества производится часто несвоевременно и крайне небрежно. Благодаря этому, нерѣдко значительная часть наслѣдства исчезаетъ еще до охраны и оказывается въ рукахъ такихъ членовъ семейства, которые не имѣютъ права на наслѣдственныя доли и успѣваютъ сами обезпечить свое дальнѣйшее существованіе. То, что удалось описать, подвергается подробному изслѣдованію со стороны народнаго судьи и служащихъ при немъ, съ цѣлью опредѣленія какія именно вещи должны быть переданы народному судьѣ въ счетъ вознагражденія за предстоящій раздѣлъ наслѣдства. Разумѣется, при оцѣнкѣ вещей каждая изъ нихъ кажется судьѣ значительно дешевле дѣйствительной своей стоимости, наслѣдники-же до раздѣла такъ сговорчивы. При раздѣлѣ наслѣдства, старшіе и болѣе вліятельные наслѣдники пользуются преимущественнымъ правомъ выбора наслѣдственныхъ долей, на долю-же сиротъ, если таковые есть среди наслѣдниковъ, приходится то, что болѣе опытные изъ сонаслѣдниковъ не желаютъ оставить за собой, т. е. бездоходныя недвижимости или ненадежные документы. Вся наличность сиротскаго состоянія поступаетъ въ распоряженіе народнаго судьи, отъ котораго и зависитъ вполнѣ хранить капиталъ гдѣ ему угодно, или отдать въ ростъ. Народные судьи, ссылаясь на необходимость увеличенія принадлежащихъ сиротамъ капиталовъ, предпочитаютъ помѣщать хранящіяся у нихъ деньги на проценты и нерѣдки случаи, что кредиторами опекунскихъ капиталовъ являются близкіе родственники, или преданные люди судьи. Опредѣленіе процентовъ вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія судьи такъ-же, какъ и обезпеченіе долга. Благодаря такой постановкѣ дѣла по охранѣ сиротскихъ капиталовъ, большинство на-

слѣдствъ таетъ; проценты своевременно не уплачиваются, обезпеченія, въ видѣ недвижимостей, данныхъ въ залогъ, оказываются спорными, а сами должники—несостоятельными къ уплатѣ долга въ полной суммѣ. Сиротскій опекунъ въ такихъ случаяхъ предъявляетъ къ должнику искъ и, отъ имени сиротъ, кончаетъ дѣло миромъ, прощая часть долга, тѣмъ болѣе, что это великодушіе ему самому ничего не стоитъ. Между опекунами также встрѣчаются люди, считающіе вполнѣ справедливымъ дѣлить все пріобрѣтаемое ими для опекаемыхъ съ своей семьей, такъ что содержаніе семьи опекуна ложится всей своей тяжестью на средства опекаемыхъ.

Туземцы давно сознали все неудобство такого произвольнаго распоряженія сиротскимъ достояніемъ, но страхъ передъ народнымъ судьей заставляетъ молчать недовольныхъ. Только въ 1891 году одна вдова богача начала кампанію противъ самаго вліятельнаго народнаго судьи, выступивъ въ качествѣ опекунши своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и, при участіи русскихъ властей, ей удалось заставить народнаго судью поступить съ сиротскими деньгами вовсе не по шаріату—сдать 30.000 р. на храненіе въ отдѣленіе Государственнаго Банка, а потомъ даже пріобрѣсти на эту сумму государственныя процентныя бумаги. Деньги цѣлы до сихъ поръ, сироты отлично содержатся на аккуратно получаемые опекуншей проценты, но примѣръ народнаго судьи не увлекъ другихъ: остальные никакъ не могутъ рѣшиться преступить указанія шаріатныхъ книгъ, писанныхъ еще тогда, когда не существовало банковыхъ учрежденій, а потому и не упоминающихъ о храненіи денегъ въ банкахъ. Для туземныхъ опекуновъ, очень часто злоупотребляющихъ своими полномочіями во вредъ опекаемымъ, разумѣется, было-бы гораздо легче хранить въ банкѣ наслѣдственные сиротскіе капиталы, но закономъ они къ тому не обязаны.

Контроль надъ дѣйствіями единоличныхъ народныхъ судей по всѣмъ дѣламъ, не исключая и опекунскихъ, сосредоточивается въ рукахъ съѣзда народныхъ судей, состоящаго изъ нихъ-же самихъ. Входя въ составъ съѣзда, судьи судятъ самихъ себя, потому-что сегодня 3 народныхъ судьи повѣряютъ дѣло объ охранѣ имущества четвертаго своего коллеги и тотъ даетъ всѣ объясненія по требованію съѣзда, а завтра онъ самъ въ числѣ трехъ повѣряетъ дѣйствія остальныхъ народныхъ судей и уже одинъ изъ судей, наканунѣ бывшихъ контролерами, оказывается самъ въ роли контролируемаго и т. д.

Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ съѣздъ народныхъ судей является только фикціей и аппеляція въ эту коллегіальную инстанцію приноситъ очень мало пользы тяжущимся. Всякое рѣшеніе единоличнаго народнаго судьи любая сторона можетъ обжаловать въ съѣздѣ и большинство

туземцевъ въ случаяхъ неудовольствія рѣшеніями своихъ судей и прибѣгаетъ къ этому послѣднему средству, но почти всегда безъ всякаго результата.

Съѣздъ народныхъ судей разбираетъ дѣла подъ предсѣдательствомъ одного изъ трехъ судей, котораго на каждую сессію избираютъ остальные члены съѣзда, въ данномъ случаѣ 3 народныхъ судьи гор. Ташкента. Предсѣдатель пользуется въ съѣздѣ большимъ вліяніемъ, чѣмъ другіе члены и потому каждый изъ народныхъ судей стремится завоевать себѣ это положеніе среди коллегъ. Очевидно, что самый рѣчистый и настойчивый добивается избранія на каждую сессію и стремится ввести это избраніе въ обычай. Въ Ташкентѣ почти всегда предсѣдательствуетъ въ съѣздѣ одинъ и тотъ-же народный судья, дѣйствительно самый ловкій и рѣчистый. Такое привиллегированное положеніе вызываетъ зависть въ другихъ народныхъ судьяхъ, а безсмѣнный предсѣдатель удерживаетъ за собой значеніе, во многомъ схожее съ положеніемъ «казы-каляна», или старшаго казія, какіе были при мусульманскомъ режимѣ.—Каждый народный судья въ своей практикѣ единоличнаго народнаго судьи не можетъ дѣйствовать безпристрастно и независимо, онъ постоянно долженъ оглядываться на вліятельнѣйшихъ изъ избирателей и стараться угождать имъ, дабы обезпечить себѣ ихъ симпатіи и при выборахъ на слѣдующее трехлѣтіе. Съѣздъ народныхъ судей, состоящій изъ тѣхъ-же зависящихъ отъ населенія судей, и въ коллегіи представляетъ изъ себя судъ, не обладающій независимостью въ достаточной мѣрѣ. До 1892 года туземной частью гор. Ташкента правилъ во всѣхъ отношеніяхъ старшій аксакалъ изъ туземцевъ и русская власть въ большомъ туземномъ городѣ отсутствовала. Благодаря такому положенію, Иногамъ Ходжа Умріаходжиновъ пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ и управлялъ по своему усмотрѣнію выборами должностныхъ лицъ, а потому и съѣздъ народныхъ судей привыкъ не противорѣчить ему. Наблюденіе надъ дѣйствіемъ съѣзда принадлежитъ уѣздному начальнику, онъ вноситъ черезъ областного прокурора въ Областной судъ протестъ въ томъ случаѣ, если рѣшеніе постановлено съѣздомъ съ превышеніемъ власти, или по дѣлу народному суду не подсудному. Надо немного знать туземца и народныхъ судей въ особенности, чтобы оцѣнить значеніе такого контроля для народнаго суда. Власть суда такъ велика, что, и не превышая ея, судъ можетъ постановить весьма важное для тяжущихся рѣшеніе въ прямое нарушеніе справедливости, допустить-же въ народныхъ судьяхъ гор. Ташкента столько неопытности, чтобы кто-нибудь изъ нихъ принялъ къ своему разбирательству дѣло, ему не подсудное, прямо таки нельзя, потому-что каждый народный судья отлично знаетъ тѣ статьи «Положенія объ управленіи Турке-

станскаго края» которыя относятся до его компетенціи.—Такимъ образомъ и надзоръ русской административной власти и прокуратуры мало проникаетъ въ сущность дѣятельности народнаго суда, гдѣ каждое дѣло имѣетъ свою интимную исторію, извѣстную только жителямъ туземной части города, выводящимъ часто вѣрныя заключенія объ исходѣ дѣла только на основаніи соображеній объ отношеніяхъ и связяхъ тяжущихся, или на основаніи посѣщеній тѣмъ, или другимъ лицомъ предсѣдателя съѣзда незадолго до начала сессіи.

Нельзя спорить противъ независимости суда вообще, но если ужъ нашъ судъ находится въ полной зависимости отъ нѣсколькихъ туземцевъ-избирателей, то лучше, казалось-бы, дать большій просторъ вмѣшательству въ дѣла суда русской власти, допустивъ, напр., въ качествѣ предсѣдателя съѣзда русскаго чиновника. Присутствіе посторонняго свидѣтеля, въ особенности если-бы лицо это владѣло туземнымъ нарѣчіемъ, въ сильной степени упорядочило бы пренія суда и находчивые туземцы отлично съумѣли-бы на этомъ вмѣшательствѣ построить свою самостоятельность по отношенію къ своимъ избирателямъ, увѣривъ ихъ, что имъ пришлось на съѣздѣ дѣйствовать по закону и что присутствіе короннаго предсѣдателя препятствовало въ рѣшеніи дѣла руководствоваться симпатіями.

Прослѣдивъ, шагъ за шагомъ, обстановку, въ которой функціонируетъ народный судъ гор. Ташкента, мнѣ кажется не лишнимъ передать и тѣ впечатлѣнія чисто личнаго характера, какія я вынесъ изъ близкаго знакомства съ народными судьями, находившимися на службѣ, въ періодъ времени съ 1890 по 1897 гг. За два выборныхъ трехлѣтія перемѣнился составъ судей такъ, что я служилъ съ 8-ю разными лицами; ко всѣмъ имъ я и долженъ отнести свою характеристику.

Я выше упоминалъ уже, что общій уровень мусульманскаго образованія народныхъ судей не высокъ по сравненію съ подготовкой прежнихъ шаріатныхъ казіевъ, но это ничто въ сравненіи съ фактомъ избранія въ народные судьи совсѣмъ неграмотнаго человѣка, съ трудомъ подписывавшаго свою фамилію, а такой фактъ имѣлъ мѣсто въ Ташкентѣ, благодаря вліянію старшаго аксакала, которому необходимо было одного изъ вліятельныхъ старыхъ народныхъ народныхъ судей замѣнить болѣе податливымъ и менѣе вліятельнымъ. Послушные избиратели замедлили исполнить волю сильнѣйшаго и на должность народнаго судьи избранъ былъ нѣкто Саидъ Умаръ Махсумъ, потому, какъ говорили тогда, что отецъ его славился своей ученостью. Недолго послужилъ неученый сынъ ученаго отца, его пришлось смѣнить въ виду полнѣйшей неспособности къ принятымъ на себя важнымъ обязанностямъ, а вскорѣ онъ и умеръ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ только, какъ населеніе безразсудно пользуется предоставленнымъ ему правомъ избранія должностныхъ лицъ.

Постоянно сталкиваясь съ народными судьями по службѣ, я съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждался въ ихъ пристрастіи къ сильнымъ и богатымъ туземцамъ. Эти видные представители туземнаго населенія всегда могутъ разсчитывать на энергичную поддержку со стороны народнаго судьи и пользуются этой отраженной силой для того, чтобы давить бѣдняка. Иногда возникаетъ дѣло, гдѣ прямо видно желаніе богача доказать бѣдняку свою силу и народный судья никогда не встанетъ на защиту слабѣйшаго. Благодаря тому, что мнѣ приходилось часто имѣть бесѣды съ народными судьями при народѣ, мнѣ удавалось иногда однимъ намекомъ предотвратить неправое рѣшеніе судьи, клонящееся только къ поддержанію престижа богачей. Достаточно было иной разъ только спросить судью, въ какомъ положеніи дѣло такого-то, чтобы политичный шаріатный законовѣдъ совершенно прекратилъ несправедливыя притязанія и, вѣроятно, въ данномъ случаѣ мое косвенное вмѣшательство развязывало руки и самому народному судьѣ, получавшему полную возможность отказать богачу въ виду того, что безпочвенность иска уже не составляетъ секрета.

Кромѣ служебныхъ сношеній со всѣми должностными лицами, у меня были частныя отношенія, простое знакомство. Подобно тому какъ и прочіе неслужащіе туземцы составляютъ компаніи для собраній по очереди «джура», всѣ мы служащіе туземной части города составляли особую компанію и собирались по пятницамъ по очереди то у того, то у другого изъ лицъ, принадлежавшихъ къ нашей «джурѣ», при чемъ хозяинъ дома пользовался правомъ приглашать къ себѣ и стороннихъ гостей въ тѣ дни, когда очередь собирать компанію доходила до него. Собранія эти организовались по предложенію одного изъ народныхъ судей и я съ удовольствіемъ согласился на такой порядокъ, имѣя въ виду большую для себя выгоду отъ этихъ частныхъ сношеній со своими сослуживцами изъ туземцевъ. Я не ошибся, мнѣ удалось гораздо ближе стать къ моимъ собесѣдникамъ и пробудить въ нихъ любознательность къ разнымъ особенностямъ жизни культурныхъ народовъ и ихъ взаимнымъ между собой отношеніямъ. Зато я вполнѣ разочаровался въ моихъ собесѣдникахъ, увидавъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности и посравнивъ съ тѣмъ, какими они кажутся при оффиціальныхъ съ ними сношеніяхъ. Правду сказать, я разсчитывалъ, проводя время среди ученыхъ туземцевъ, почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ихъ науки, услышать ихъ сужденія о прошломъ ихъ народа и о значеніи русскаго завоеванія для туземнаго населенія. На самомъ дѣлѣ, мои новые знакомые обнаружили передо мной только свои человѣческія слабости, сбросивъ съ себя маску лицемѣрія и чопорности, подъ которой эти представители туземной интеллигенціи выступаютъ передъ народомъ.

Здѣсь, въ своей компаніи народные судьи больше сводили между собой счеты, да старались пощеголять своимъ остроуміемъ. Когда-же дѣло доходило до предложенія почитать какую-нибудь серьезную книгу, или бесѣда сводилась къ предметамъ, нѣсколько выступающимъ за границы повседневной жизни, мои собесѣдники обнаруживали сонливость, или подъ какимъ-либо предлогомъ торопились домой.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что и народные судьи нѣсколько измѣнили свою жизнь подъ вліяніемъ неизбѣжныхъ сношеній съ русскими людьми. Вліяніе знакомства съ русской жизнью распространилось на наружную половину (ташкари) ихъ домовъ и ихъ самихъ заставило немного сбавить пренебрежительности и гордости по отношенію къ меньшей туземной братіи. По-немногу и судья начинаетъ сознавать, что онъ слуга народа, отъ котораго зависитъ его благосостояніе, перестаетъ быть только неприступнымъ, величественнымъ казіемъ. Въ отступленіе отъ обычаевъ, разрѣшивъ себѣ ѣзду въ русскихъ экипажахъ, наиболѣе цивилизованные судьи немного перестроили свои дома, сложили въ гостинныхъ русскія печи, которыя топятъ, впрочемъ, только къ пріѣзду гостей изъ русскаго города, завели столы и буковую мебель, развѣсили по стѣнамъ часы и термометры. Вся эта наружная оболочка очень тонка, однако; за ней непосредственно толстыми слоями расположены нажитыя вѣками привычки и непоколебимыя пока основы мусульманскаго міровоззрѣнія, до которыхъ еще долго не коснутся вліянія, проистекающія изъ совмѣстной жизни съ русскимъ народомъ.

Изложивъ все, что мнѣ извѣстно о нашихъ ташкентскихъ народныхъ судьяхъ, которые, какъ я уже упомянулъ выше, могутъ считаться типичными и для другихъ мѣстностей края съ осѣдлымъ населеніемъ, я попробую сказать нѣсколько словъ и о томъ, какія стороны дѣятельности народнаго суда обращаютъ на себя вниманіе въ виду предстоящей судебной реформы и ждутъ измѣненій на пользу народа и къ достиженію правосудія въ томъ видѣ, какъ его понимаютъ европейскіе народы.

Прежде всего, при теперешней власти своей народные судьи имѣютъ на мой взглядъ слишкомъ много силы и, при врожденныхъ привычкахъ своихъ, нерѣдко злоупотребляютъ своей властью, допуская произволъ и насиліе надъ слабымъ. Власть народнаго судьи, простирающаяся до $1^1/_2$ годичнаго тюремнаго заключенія, далеко превышаетъ власть нашего мирового судьи, каждый шагъ котораго обусловленъ точно выраженнымъ законоположеніемъ. Компетенція суда по гражданскимъ дѣламъ, не ограниченная никакой суммой иска, даетъ въ руки народнаго судьи слишкомъ большую власть надъ имущественными интересами туземнаго населенія. Изъ этого слѣдуетъ, что въ интересахъ справедливости необходимо ограничить власть народнаго суда и устранить произволъ при

назначеніи мѣры взысканій, выработавъ соотвѣтственный уставъ для народнаго суда на замѣну никому невѣдомыхъ книгъ шаріата.

Нотаріальная часть дѣятельности народныхъ судей занимаетъ, какъ видно изъ таблицъ, напечатанныхъ въ № 21 газеты «Русскій Туркестанъ» за 1898 г., такую значительную долю ихъ работы, что въ интересахъ казны справедливо было-бы изъять изъ вѣдѣнія народныхъ судей всю нотаріальную часть, передавъ совершеніе всѣхъ актовъ русскимъ нотаріусамъ. А акты о недвижимостяхъ необходимо передать нотаріусу; это значительно увеличило-бы нотаріальные сборы казны и городовъ, а туземцы нисколько не пострадали бы отъ необходимости обращенія къ нотаріусу вмѣсто народнаго судьи.

Для установленія надежнаго контроля судебной дѣятельности народныхъ судей вполнѣ умѣстно было-бы обязать ихъ вести всю переписку и излагать рѣшенія на русскомъ языкѣ, съ переводомъ на туземный языкъ. Можно сказать съ увѣренностью, что это требованіе подвинуло-бы въ значительной степени стремленіе туземцевъ къ изученію русскаго языка.

Въ заключеніе, необходимо измѣнить кореннымъ образомъ съѣзды народныхъ судей съ тѣмъ, чтобы образовать изъ нихъ дѣйствительно инстанцію для обжалованія рѣшеній единоличныхъ народныхъ судей и устранить изъ дѣятельности съѣздовъ принципъ взаимной поддержки, на которомъ въ настоящемъ своемъ видѣ и зиждется съѣздъ народныхъ судей.

Всѣ предлагаемыя мѣры уменьшатъ доходы, власть и значеніе народныхъ судей, но въ значительной степени облегчатъ тяжущимся туземцамъ обращеніе къ правосудію.

Народные судьи никогда не были и не станутъ искренними сторонниками распространенія въ народѣ русской гражданственности и культуры, потому что вся власть ихъ и значеніе покоятся на непроглядной тьмѣ шаріатныхъ хитросплетеній; такъ лучше ограничить кругъ ихъ дѣятельности, распространивъ ихъ компетенцію на тѣ только дѣла, которыя рѣзко разнятся отъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ коронным судьямъ.

Н. Лыкошинъ.

Графъ Николай Яковлевичъ РОСТОВЦОВЪ.

(Матеріалы для характеристики его дѣятельности въ Самаркандѣ).

Ю. О. Янубовскаго.

23 іюля 1897 года, въ 40 верстахъ отъ города Самарканда, на Кара-Тюбинской санитарной станціи, отъ гангрены правой ноги скончался Самаркандскій военный губернаторъ, графъ Николай Яковлевичъ Ростовцовъ *), на 65 году жизни.

Не имѣя подъ рукой другихъ данныхъ для біографіи покойнаго графа, пользуюсь краткой выпиской изъ его послужнаго списка, помѣщеннаго въ мѣстной печати вскорѣ послѣ его смерти: «Покойный родился въ 1831 году и былъ сыномъ знаменитаго сподвижника императора Александра II по освобожденію крестьянъ, незабвеннаго Якова Ивановича Ростовцова. Воспитаніе покойный получилъ въ пажескомъ корпусѣ, а въ службу вступилъ въ 1848 году изъ камеръ-пажей корнетомъ въ лейбъ-гвардіи кирасирскій Его Величества полкъ, съ прикомандированіемъ къ артиллерійскому училищу, въ младшемъ офицерскомъ классѣ котораго пробылъ годъ, а затѣмъ возвратился въ полкъ. Въ 1852 г. поручикъ Ростовцовъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и черезъ два года по окончаніи въ ней курса по 1-му разряду былъ причисленъ къ генеральному штабу, а затѣмъ произведенъ въ ротмистры. Прослуживъ короткое время въ должности капитана надъ вожатыми южной арміи, покойный былъ назначенъ въ штабъ главнокомандующаго этой арміей и въ мартѣ 1855 года находился уже на сѣверной сторонѣ Севастополя; въ половинѣ того-же года онъ за отличную храбрость и примѣрное мужество, оказанное при оборонѣ Севастополя, былъ награжденъ золотою полусаблею, а за бой 4 августа на Черной рѣкѣ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ. Въ 1856 году подполковникъ Ростовцовъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству и про-

*) Ростовцовъ, а не Ростовцевъ, какъ ошибочно пишутъ нѣкоторые эту фамилію.

изведенъ въ полковники, а въ 1861 году за заслуги отца по освобожденію крестьянъ возведенъ въ графское достоинство. Въ слѣдующемъ затѣмъ году графъ Николай Яковлевичъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію съ мундиромъ и находился въ отставкѣ до 1877 года. По возвращеніи изъ заграницы, гдѣ графъ Николай Яковлевичъ провелъ много лѣтъ, онъ былъ одно время предсѣдателемъ Порховской уѣздной земской управы, а затѣмъ почетнымъ мировымъ судьей, сперва Порховскаго, а затѣмъ Псковскаго округа. Въ 1877 г. графъ вновь поступилъ на военную службу съ зачисленіемъ по генеральному штабу и лѣтомъ въ томъ же году назначенъ состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Константиновичѣ, а затѣмъ осенью того-же года графъ сопровождалъ Великаго Князя въ 1-й и 2-й ученыхъ поѣздкахъ Его Высочества въ киргизскія степи, съ цѣлью изученія коневыхъ средствъ Оренбургскаго края и для опредѣленія на мѣстѣ преимуществъ направленія Средне-Азіатской желѣзной дороги отъ Оренбурга и Троицка къ Ташкенту, предложеннаго кампаніей инженеровъ путей сообщенія. Въ 1878 и 1879 годахъ были совершены Великимъ Княземъ 3-я и 4-я ученыя поѣздки. Въ первыя три поѣздки была основательно изучена киргизская степь, а въ четвертую Великій Князь посѣтилъ Бухарское ханство и верховья Аму-Дарьи, спустился отсюда на каюкахъ въ низовья этой рѣки; былъ въ Хивинскомъ ханствѣ и изъ дельты Аму черезъ Кизылъ-Кумы вернулся въ Казалинскъ и далѣе въ Оренбургъ и Самару. Сопровождая Его Императорское Высочество графъ, Н. Я., помимо прямыхъ своихъ обязанностей, производилъ маршрутныя съемки, отмѣчалъ геологическія особенности и пр. Въ 1880 г. графъ Николай Яковлевичъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и продолжалъ службу уже въ войскахъ, сперва начальникомъ штаба 8-го армейскаго корпуса, а затѣмъ начальникомъ 4-й стрѣлковой бригады до 1891 года, когда онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Самаркандской области и командующимъ войсками въ ней. Въ послѣднихъ должностяхъ графъ пробылъ шесть лѣтъ, посвятивъ всѣ свои силы, обширныя познанія и разностороннюю опытность на заботы о процвѣтаніи ввѣренныхъ ему войскъ и области. Въ 1893 г. главный начальникъ Туркестанскаго края выразилъ графу Н. Я. Ростовцову «полную признательность за особую заботливость о преуспѣяніи во всѣхъ отношеніяхъ Самаркандской области», а въ 1896 году отдалъ приказъ «съ искренней благодарностью за трудъ его сіятельства по званію предсѣдателя Самаркандскаго областнаго статистическаго комитета». Во время двукратнаго отсутствія (въ 1895 г. и 1896 годахъ) барона А. Б. Вревскаго изъ края, графъ Н. Я. Ростовцовъ исполнялъ временно обязанности Туркестанскаго генералъ-губернатора».

Въ свое время мѣстная и столичная печать отмѣтила, какую грустную и чувствительную потерю понесло общество въ лицѣ этого гуманнѣйшаго человѣка, выдающагося въ краѣ дѣятеля. Смерть и похороны Н. Я. Ростовцова особенно краснорѣчиво говорятъ о высокихъ душевныхъ качествахъ этого красавца старика генерала, съ большой сѣдою бородой, закрывавшей всю могучую грудь, котораго въ теченіе семи лѣтъ привыкъ встрѣчать Самаркандъ съ улыбкой восторга и на улицахъ города и на всевозможныхъ торжествахъ.

Просматривая настоящую работу, я прочелъ нѣсколько статей о знаменитомъ отцѣ графа Николая Яковлевича — Яковѣ Ивановичѣ Ростовцовѣ, написанныхъ по поводу памятнаго для всѣхъ насъ дня освобожденія многомилліонной Россіи отъ крѣпостнаго рабства. Подробности о послѣднихъ дняхъ жизни этого великаго въ исторіи русскаго народа дѣятеля невольно вызвали у меня сравненіе отца съ сыномъ. Какъ много у нихъ благородныхъ общихъ чертъ, энергіи, настойчивости, душевной красоты и удивительной преданности дѣлу. А всего больше поражаютъ подробности прекрасной истинно христіанской смерти отца и сына. Сынъ умеръ 37 лѣтъ послѣ смерти отца и смерть его была такой-же геройской, какъ и отца*).

Графъ Н. Я. въ послѣдній годъ своей жизни особенно страдалъ астмой и лихорадкой. Отъ послѣдней онъ могъ-бы легко избавиться, стоило только перемѣнить мѣсто жительства, уѣхать хотя на время въ Европейскую Россію, о чемъ его такъ убѣдительно просила семья и врачи. Какъ убѣжденный гомеопатъ и старый послѣдователь этого ученія, онъ отказывался отъ аллопатическихъ дозъ хины и остался вѣренъ гомеопатіи до послѣднихъ минутъ жизни. Онъ страстно, приверженно, до самозабытія отдавался своему дѣлу, до послѣднихъ минутъ жизни, не соглашаясь покинуть свой постъ. Послѣдняя бумага была подписана наканунѣ смерти. Сознаніе и заботы о ввѣренномъ ему дѣлѣ не покидали его до послѣдней минуты. Въ музеѣ хранится нѣсколько предметовъ, пожертвованныхъ имъ за два дня до смерти. Кончина его была по истинѣ христіанская, смерть его, какъ воина, подкосила на ногахъ. Онъ умеръ въ одиночествѣ, на рукахъ своего вѣстового,

*) Предсмертная болѣзнь Ростовцова—отца (желчная лихорадка) была вызвана чрезмѣрнымъ увлеченіемъ благородною миссіею, выпавшею на его долю. Сдѣлавшись мишенью самыхъ злостныхъ и наглыхъ нападокъ со стороны крѣпостниковъ, Ростовцовъ—натура воспріимчивая и пылкая—не вынесъ этихъ безчисленныхъ уколовъ и клеветъ себялюбивой знати.—Какъ-бы предвидя неизбѣжность самопожертвованія, этотъ, въ общемъ далеко не геройскаго закала, человѣкъ такъ проникся величіемъ и трудностями своей задачи, что говаривалъ не разъ: „Я иду не крестную смерть", „я готовъ сложить голову на плахѣ" и т. п. (см. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣп. права. Берлинъ 1860, т. I, 380 и II, 256. а также рѣчь П. П. Семенова въ „Русской Старинѣ", 1892, № 3).

отказываясь даже отъ услугъ жены, посылая ее туда, гдѣ она могла быть нужна и полезна другимъ.

Въ началѣ іюля 1897 года графа совсѣмъ больного перевезли на военно-санитарную станцію Кара-Тюбе, созданную его личными стараніями. Съ каждымъ днемъ состояніе его здоровья все ухудшалось. Возобновилась старая рана на ногѣ; графъ самъ себѣ дѣлалъ перевязки. Наконецъ, въ больной ногѣ объявилась гангрена и увлекла его въ могилу. По роковой случайности, какъ я уже вспоминалъ, онъ тихо скончался въ полномъ одиночествѣ, на рукахъ вѣстового. Жена его Татьяна Валентиновна, по его же настояніямъ уѣхавшая утромъ 22-го іюля, для устройства народнаго гулянья въ Самаркандѣ, уже на второй день, 23-го, не застала его въ живыхъ.

Провожать своего любимаго губернатора собрался буквально весь русскій городъ. Такихъ торжественныхъ похоронъ, такого искренняго неподдѣльнаго чувства скорби Самаркандъ не проявлялъ въ періодъ своего тридцатилѣтняго существованія. Многотысячная толпа русскихъ, сартовъ, армянъ, русскихъ и бухарскихъ евреевъ, съ искренними неподдѣльными слезами проводили своего обожаемаго начальника до мѣста вѣчнаго упокоенія. Никто изъ насъ, провожавшихъ всѣмъ намъ дорогого и близкаго человѣка, ни на минуту не усумнился, что не праздное любопытство, не восточная страсть къ «тамашѣ» собрала это море пестрой, многоязычной толпы, разноцвѣтныхъ чалмъ и тюбетеекъ, а собрали эту толпу несомнѣнный почетъ, уваженіе и любовь къ гуманнѣйшему правителю, какого встрѣчала когда-нибудь здѣсь народная масса, привыкшая видѣть въ немъ рѣдкую въ наше время терпимость къ вѣрѣ и національности, рѣдкую отзывчивость къ частной и общественной нуждѣ.

Мѣсто для этой скромной могилы*) съ крестомъ, увѣнчаннымъ многочисленными вѣнками и лентами, выбрано самимъ графомъ, пожелавшимъ лечь рядомъ съ вытянувшимися подъ струнку шеренгами могилокъ туркестанскихъ солдатъ, которыхъ покойный, какъ отецъ, заботливо любилъ.

---

*) Когда въ іюнѣ мѣсяцѣ 1898 года вновь назначенный начальникомъ края генералъ Духовской посѣтилъ могилу графа Н. Я. Ростовцова, желая почтить прахъ этого достойнѣйшаго изъ туркестанскихъ дѣятелей, первое что его непріятно поразило — это отсутствіе памятника на могилѣ такого достойнаго администратора, о славной дѣятельности котораго онъ былъ прекрасно освѣдомленъ. Когда главный начальникъ края освѣдомился о причинѣ такого невнимательнаго отношенія къ памяти такого выдающагося дѣятеля, столько поработавшаго для Самарканда, то оказалось, что уже около года продолжается подписка на памятникъ между сослуживцами и среди населенія и по двумъ подписнымъ листамъ тогда было собрано около 1200 рублей. Начальникъ края повторилъ еще разъ желаніе видѣть поскорѣе памятникъ на могилѣ графа Н. Я. Ростовцова и предложилъ свое матеріальное участіе въ этомъ дѣлѣ.

Второй годъ проходитъ и на могилѣ его нѣтъ еще достойнаго памятника. Но печальнѣе, что до сихъ поръ никто не нашелъ біографіи этого виднаго дѣятеля, достойнаго сына одного изъ выдающихся сотрудниковъ Императора Александра II по освобожденію крестьянъ въ Россіи, виднаго представителя идей 60-хъ годовъ, судьба котораго, столкнувшая его съ Герценомъ, надолго удалила за границу, устранивъ на десятки лѣтъ отъ общественной дѣятельности въ Россіи. Настоящей слабой замѣткой я хотѣлъ бы напомнить обществу объ этой выдащейся личности, послѣдніе годы которой принадлежали всецѣло Туркестанскому краю.

Графъ Н. Я. Ростовцовъ—одинъ изъ участниковъ Севастопольской кампаніи, гдѣ выказалъ себя храбрымъ офицеромъ и большимъ радѣтелемъ духовныхъ нуждъ русскаго солдата, оставаясь ему вѣрнымъ, какъ видѣлъ читатель, до конца своей жизни. Вотъ что разсказываетъ о немъ бывшій артиллерійскій офицеръ и участникъ Севастопольской обороны—графъ Л. Н. Толстой, другъ и товарищъ Н. Я. Ростовцова*): «У насъ тогда былъ задуманъ журналъ для солдатъ, выработана программа и представлена на разсмотрѣніе. Ростовцовымъ, какъ предполагавшимся редакторомъ, были приготовлены статьи для журнала. Но журналъ тогда не былъ разрѣшенъ».

Имена графовъ Николая и Михаила Яковлевичей Ростовцовыхъ читатель можетъ встрѣтить въ интересныхъ воспоминаніяхъ В. Стасова о дѣятельности сестры своей Н. Стасовой. Въ воспоминаніяхъ этихъ молодой графъ Н. Я. Ростовцовъ является какъ одинъ изъ дѣятельныхъ пособниковъ Н. Стасовой по устройству первыхъ женскихъ высшихъ курсовъ.

Вообще прошлое Н. Я., о которомъ онъ самъ рѣдко любилъ распространяться и вспоминать, полно общественнаго интереса. Любовь къ литературѣ и живую участливость къ издательскому дѣлу графъ сохранилъ до конца жизни. Написалъ-ли онъ что-нибудь, мнѣ неизвѣстно, но въ Одессѣ онъ былъ редакторомъ Извѣстій отдѣла Географическаго общества, а въ Самаркандѣ онъ проявилъ особенное живое участіе въ организаціи изданій областнаго статистическаго комитета, въ которыя вносилъ много личнаго участія.

Въ Самаркандъ графъ Ростовцовъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ 1891 году. Самаркандская область (бывшій Зерав-

---

*) Графъ Николай Яковлевичъ съ особеннымъ удовольствіемъ выслушалъ отъ пишущаго эти строки воспоминаніе великаго писателя и пересланный ему черезъ меня изъ Ясной Поляны поклонъ и тутъ же вспомнилъ сохранившіяся у него въ памяти нѣкоторыя подробности изъ встрѣчъ съ графомъ Толстымъ въ одну изъ его поѣздокъ за границу, послѣ которой они уже ни разу не встрѣчались.

шанскій округъ) уже насчитывала болѣе 20 лѣтъ существованія. У графа было два выдающихся предшественника, такія громкія имена въ исторіи Русскаго Туркестана, какъ покойный генералъ Абрамовъ и генералъ Ивановъ. На долю этихъ крупныхъ двухъ дѣятелей выпала устроительная дѣятельность по насажденію въ краѣ русскаго элемента, гражданственности, устройства и организаціи городовъ и въ особенности Самарканда. Графу Ростовцову пришлось развить, упрочить и одухотворить эту дѣятельность. Графъ Ростовцовъ умѣлъ не только высоко цѣнить дѣятельность своихъ предшественниковъ, но и всемѣрно поддержалъ данное ими направленіе, развивая, упрочивая и одухотворяя эту дѣятельность.

Въ Самаркандѣ незадолго до пріѣзда графа учреждаются первыя двѣ частныя типографіи и первый частный органъ въ краѣ—газета «Окраина».

Графъ поддерживалъ эти начинанія. Намъ не разъ случалось слышать, насколько сочувственно графъ относился къ печати вообще и къ «Окраинѣ» въ особенности. Онъ видѣлъ въ печати полезную силу и всегда желалъ возможно широкой гласности (черта, точно унаслѣдованная отъ отца), въ интересахъ общества и администраціи. Когда въ «Окраинѣ» появлялась обличительная корреспонденція, графъ, улыбаясь, говорилъ: «такъ имъ и надо! Теперь мнѣ легко будетъ знать, гдѣ и что дѣлается и какъ вовремя прійти на помощь». Онъ и самъ порывался писать въ столичныя газеты по разнымъ мѣстнымъ экономическимъ вопросамъ, но служебное положеніе останавливало эти благородные порывы.

Первымъ серіезнымъ дѣломъ графа въ области была первая перепись населенія въ русской части Самарканда, при чемъ для упорядоченія города онъ первый ввелъ передъ переписью номерацію домовъ, для каждой улицы отдѣльную, съ четными номерами по одной и нечетными по другой сторонѣ, принятую только въ нашихъ столицахъ и на Западѣ. Съ 1893 года начинается серія очень полезныхъ, обратившихъ вниманіе въ краѣ, изданій Самаркандскаго областнаго статистическаго комитета, ежегодныхъ справочныхъ книжекъ, календарей, словарей сартовскаго языка, (трудъ Н. М. Вирскаго о виноградарствѣ въ области, трудъ В. П. Наливкина и др.), всего около 15 номеровъ.

Каждая новая справочная книжка Самаркандской области статистическаго комитета выдвигала массу новыхъ вопросовъ. Въ нихъ (книжкахъ) съ достаточной полнотою отдавался отчетъ о ходѣ работъ по области, помѣщались матеріалы работъ поземельно-податной коммисіи.

Задачей коммисіи, организованной въ 1892 году, было измѣрить культурныя земли въ области, подробно изучить производительныя силы и опредѣлить податную способность замлевладѣльцевъ. Этимъ дѣломъ графъ живо интересовался, можно сказать двигалъ его, направляя коммисію къ болѣе дѣятельной работѣ. Онъ слѣдилъ за ходомъ этого важнаго дѣла не только по докладамъ помощника губернатора, но и по представляемымъ ему камеральнымъ работамъ коммисаровъ и землемѣровъ. Ежегодно по окончаніи членами коммисіи полевыхъ работъ, онъ производилъ генеральный осмотръ плановъ, внимательно разсматривалъ и при этомъ нерѣдко поражалъ даже опытныхъ техниковъ своими дѣловыми замѣчаніями, которыя и направляли это дѣло къ лучшему.

Для изученія края графъ умѣлъ привлечь мѣстныя и пріѣзжія интеллигентныя силы. Такимъ образомъ въ его управленіе областью были сдѣланы основательныя попытки къ изученію въ области проказы, песи, маляріи, болѣзней зоба, ришты и другихъ мѣстныхъ болѣзней.

Для малярійныхъ больныхъ была устроена въ 40 верстахъ отъ Самарканда въ Кара-Тюбинской горной долинѣ санитарная и климатическая станція. По его иниціативѣ было изслѣдовано въ терапевтическомъ отношеніи грязелечебное озеро Тузъ-канъ въ Джизакскомъ уѣздѣ. Намъ извѣстно, что онъ изыскивалъ мѣры къ устройству въ этомъ, ежегодно посѣщаемомъ сотнями страждущаго народа, озерѣ пріюта, который бы давалъ возможность съ большими удобствами пользоваться больнымъ— туземцамъ и русскимъ—грязелеченіемъ. Предполагалось выстроить караванъ-сарай на двѣ половины, одну для туземцевъ, другую для европейцевъ; устроить правильное водоснабженіе, сдѣлать древесныя посадки, назначить прислугу и на время лечебнаго сезона медицинскій персоналъ. Этимъ высокогуманнымъ стремленіямъ графа не удалось, къ сожалѣнію, осуществиться при жизни его, вслѣдствіе того формализма и канцелярской волокиты, которыхъ графъ страшно не любилъ и, по возможности, избѣгалъ. Въ послѣднее время вопросъ объ устройствѣ на озерѣ Тузъ-канѣ помѣщенія для больныхъ вновь выдвинутъ на свѣтъ.

Графу принадлежитъ иниціатива по изслѣдованію питьевыхъ водъ Самарканда. Были посланы пробы воды изъ цистерны, колодцевъ, арыковъ и рѣкъ въ Ташкентскую химическую лабораторію для изслѣдованія года три тому назадъ, но, по независящимъ отъ графа причинамъ, и до сихъ поръ никому не извѣстны результаты анализовъ, если таковые были произведены!...

Относясь сердечно къ народной бѣдности, графъ первый обратилъ вниманіе на существующіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области пріюты для нищихъ, при мечетяхъ и другихъ общественныхъ туземныхъ

учрежденіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Токія». Съ задачами послѣднихъ онъ познакомился подробно и намѣренъ былъ дать этимъ скромнымъ пріютамъ возможно широкое развитіе и распространеніе въ краѣ, призывая мѣстное населеніе къ болѣе дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ.

Ирригаціоннымъ дѣломъ графъ Н. Я. Ростовцовъ въ особенности интересовался, отдавая ему первенствующее значеніе въ ряду другихъ административно-хозяйственныхъ задачъ. Въ правильномъ устройствѣ этого дѣла онъ видѣлъ главный факторъ народнаго благосостоянія и потому-то направлялъ дѣятельность администраціи къ возможно справедливому распредѣленію водъ между сельскими обществами и входящими въ нихъ единицами. Прекращеніе издавна практиковавшихся злоупотребленій по захвату общественной воды мірскими кулаками и туземцами, власть имущими, что составляло еще со временъ бухарскаго владычества въ краѣ истинное зло, обогащавшее сильныхъ на счетъ слабыхъ общественныхъ единицъ, а продажа воды мирабами, завѣдующими распредѣленіемъ воды, составляла обычное явленіе, какъ бы получившее права гражданства, и потому, главнымъ образомъ, что за свой трудъ мирабы не получали никаго вознагражденія отъ своихъ обществъ. Но если легко было справиться съ упорядоченіемъ состава мирабовъ и арыкъ-аксакаловъ, путемъ призыва на эту отвѣтственную службу порядочныхъ людей, съ назначеніемъ имъ приличнаго вознагражденія, то гораздо труднѣе было бороться съ міроѣдами, у которыхъ большинство однообщественниковъ, какъ и повсюду, находится въ экономической зависимости. Пользуясь своимъ положеніемъ, міроѣды-земледѣльцы занимались культурой главнымъ образомъ риса, который даетъ наибольшую доходность, но и требуетъ наибольшее количество поливной воды. Во времена бухарскаго владычества право воздѣлывать рисъ давалось, какъ особая привиллегія, немногимъ приближеннымъ эмира или бека. Возьмемъ Самаркандскій вилайетъ, а нынѣ уѣздъ. Въ немъ въ тѣ времена площадь подъ рисомъ не превосходила болѣе 40.000 тысячъ танановъ (10.000 десят.), съ водвореніемъ же русскихъ, культурой его стали заниматься кто хотѣлъ, главное же кто сильнѣе былъ экономически, такъ какъ воздѣлываніе риса не всякому мелкому землевладѣльцу по плечу — и съ тѣхъ поръ въ теченіе какихъ-нибудь 20—25 лѣтъ распространеніе культуры риса шло быстро и безпрепятственно на счетъ другихъ хлѣбныхъ культуръ, вслѣдствіе чего площадь подъ нимъ къ 1891 году увеличилась на 254%. Въ первые 10 лѣтъ по занятіи русскими долины р. Зеравшана оставлена была въ силѣ бухарская податная система, при чемъ обложеніе земель было понижено на половину: вмѣсто $^1/_5$ части натурой съ валоваго сбора того

или другого продукта стали брать $^1/_{10}$ часть, какъ соотвѣтствующую опредѣленіямъ шаріата и древней десятинѣ; затѣмъ практика показала, что при такой системѣ, требовавшей аптекарскаго учета сбору продуктовъ у каждаго хозяина, между тѣмъ лица туземной администраціи были всегда дурными аптекарями, обиравшими и ту и другую сторону, то пришлось установить соотвѣтственно взимавшейся суммѣ налога— постоянный налогъ на общество, безотносительно къ измѣненіямъ въ полевой культурѣ, урожаю къ продуктамъ и цѣнамъ на нихъ. Понятно, что при такомъ налогѣ, при его распредѣленіи по отдѣльнымъ хозяйствамъ, падавшемъ не на дѣйствительный урожай и ту или иную доходность земли, а на мѣру земли — танапъ, чѣмъ бы онъ не засѣвался, всякій хозяинъ стремился воздѣлывать тотъ продуктъ, который бы давалъ наибольшій доходъ, а таковымъ до развитія съ 1890 года культуры хлопка былъ рисъ. Но такъ какъ эта культура была, какъ сказано выше, не всякому по плечу, то ею стали заниматься только наиболѣе зажиточные хозяева, при чемъ естественнымъ расширеніемъ культуры риса, требующаго въ сотни разъ болѣе воды, чѣмъ другіе посѣвы, было то, что съ развитіемъ рисоводства въ верхнихъ частяхъ ирригаціонныхъ каналовъ земледѣльцы нижнихъ частей каналовъ стали получать все меньше и меньше воды, поля засыхали и ихъ, наконецъ, покидали. Такимъ образомъ убито было земледѣліе въ большей части сѣверо-западныхъ окраинныхъ волостяхъ Самаркандскаго уѣзда, гдѣ громадныя площади земель (напр., въ Полванъ-арыкской и Дюрткульской волостяхъ) сохранили и до нынѣ еще свѣжіе слѣды интенсивной поливной культуры, постепенно замирали и населеніе съ нихъ ушло въ другія мѣста. Что тутъ было дѣлать, какія мѣры принять противъ укоренившагося зла, противъ очевиднаго захвата воды сильными у слабыхъ? Какъ повернуть дѣло, чтобы вода распредѣлялась равномѣрно и умершія поля вызвать къ новой жизни, когда Положеніе объ Управленіи Туркестанскимъ краемъ санкціонировало водопользованіе по обычаю, который не будучи опредѣленъ нами, во всякій данный моментъ могъ измѣняться такъ или иначе, смотря кому было на руку такое примѣненіе. Весь экономическій интересъ русской администраціи сосредоточивается исключительно на успѣшномъ сборѣ государственныхъ налоговъ въ назначенный срокъ, всѣ же другіе вопросы внутренней экономической жизни туземнаго населенія предоставлены были рѣшенію самихъ туземцевъ по обычаю. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ требовалось не мало размыслить надъ даннымъ вопросомъ и графу Ростовцову первому удалось рѣшить вопросъ удачно: онъ издалъ обязательное постановленіе по области о сокращеніи посѣвовъ риса, начиная съ 1892 года, при чемъ особо назначенной для этого

комиссіей опредѣлены были нижеслѣдующія мѣстности, въ которыхъ слѣдовало бы уменьшить посѣвы его: 1) самыя низкія, заболоченныя; 2) тѣ, которыя, лежа въ головахъ арыковъ, обездоливаютъ водою ниже лежащія мѣстности; 3) завѣдомо вредныя для здоровья и 4) тѣ, въ которыхъ рисъ родится плохого качества.

Озабочиваясь принятіемъ мѣръ къ оздоровленію области, въ которой лихорадка и другія болѣзни, въ послѣдніе годы особенно, уносили страшную массу человѣческихъ жертвъ, графъ обратилъ особенное вниманіе на сокращеніе посѣвовъ риса въ ближайшихъ окрестностяхъ городовъ и въ особенности Самарканда. Графъ рѣшилъ замѣнить въ области культуру болотнаго риса культурой китайско-суходольнаго. Съ этой цѣлью онъ, не жалѣя собственныхъ средствъ, выписалъ сѣмена китайскаго риса, заарендовалъ у одного изъ сартовъ нѣсколько танаповъ земли и сдѣлалъ опытные посѣвы риса. Къ сожалѣнію, графу не пришлось дождаться результатовъ, а за смертью его опытамъ этимъ не дано дальнѣйшаго примѣненія.

Насколько жизненны и своевременны были эти мѣры въ области видно изъ того, что сейчасъ на Кавказѣ для оздоровленія мѣстности приняты тоже мѣры къ сокращенію рисовыхъ посѣвовъ и къ замѣнѣ болотнаго риса суходольнымъ.

Графомъ поднята и разработана масса другихъ экономическихъ вопросовъ, въ ряду которыхъ первое мѣсто принадлежитъ вопросу о туземной монетѣ.

Вопросъ о теньгѣ былъ поставленъ ребромъ. Масса больныхъ явленій въ экономической жизни населенія находилось тогда въ тѣсной связи съ обращеніемъ туземной монеты въ народѣ.

1 октября 1893 года введено было въ дѣйствіе положеніе о запрещеніи ввоза теньги въ предѣлы Туркестанскаго края. Когда были подведены итоги мѣрамъ, принятымъ для выполненія этого распоряженія и результатамъ, достигнутымъ этими мѣрами, пришлось убѣдиться, что таможенное вѣдомство, на которое было возложено наблюденіе за ввозомъ теньги, въ небольшомъ своемъ составѣ, при существованіи тысячи горныхъ тропинокъ, прекрасно извѣстныхъ только туземцамъ, при трудно опредѣлимыхъ границахъ и неуловимости сношеній одноплеменнаго населенія сопредѣльныхъ странъ, при отсутствіи точныхъ инструкцій, указывавшихъ бы, напр., что дѣлать съ конфискованной теньгой, при всѣхъ этихъ условіяхъ таможенное вѣдомство не могло справиться съ возложеннымъ на него дѣломъ, и мѣры эти не только не принесли желательныхъ результатовъ, но, наоборотъ, привели къ нѣкоторымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ, такъ, напр., по причинѣ запрещенія ввоза теньги, сократились дѣла съ русской мануфактурой,

находившей себѣ прежде большой сбытъ въ ближайшія къ Самарканду Бухарскія владѣнія. А главное, со включеніемъ Бухарскихъ владѣній въ черту русскаго таможеннаго надзора, фактическій надзоръ за ввозомъ теньги прекратился, что должно было опять выдвинуть на горизонтъ «теньговый» вопросъ.

Если надо было искать причинъ такого сильнаго наплыва теньги, то ихъ не трудно было найти въ серебряномъ кризисѣ, охватившемъ міровой рынокъ въ 1893 г. и въ несомнѣнной выгодѣ чеканки серебряной теньги для Бухарскаго правительства. Насколько была выгодна чеканка теньги, можно было усмотрѣть изъ слѣдующаго разсчета, приведеннаго въ «Справочной книжкѣ Самаркандской области»:

Изъ ямбы (ямба 4 ф. 49 зол.) серебра чеканится на бухарскомъ монетномъ дворѣ 576 тенегъ, при чемъ изъ нихъ монетнымъ дворомъ отчисляется: 4 теньги въ счетъ утраты металла при плавкѣ и чеканкѣ, 6 тенегъ въ пользу правительства, присоединяя сюда уплачиваемый правительству туземными купцами зякетъ—ввозную пошлину въ 13 тенегъ съ ямбы, окажется, что владѣлецъ серебра получаетъ съ каждой ямбы всего только 543 теньги. Въ 1893 году Бухарское правительство перечеканило 260.000 ф. серебра, на общую сумму 6.000.000 рублей, причемъ одного зякета получило 208.000 рублей. Вотъ почему правительство эмира сильно покровительствовало ввозу серебра и широко раскрыло свой монетный дворъ для перечеканки его въ теньгу. Широкое участіе въ этой биржевой игрѣ, какъ отмѣчено было въ свое время въ мѣстной печати, принялъ Московскій международный банкъ, черезъ который главнымъ образомъ шли закупки серебра въ Москвѣ.

Такое положеніе дѣла не могло не обратить на себя вниманіе графа Ростовцова и политическаго агентства въ Бухарѣ. Предлагались различные проекты, клонившіеся главнымъ образомъ къ фиксированію цѣнности теньги. Одной изъ этихъ мѣръ, выработанной въ Бухарѣ, предполагалось перечеканить теньгу въ русскіе двугривенные, съ русскимъ орломъ на одной сторонѣ и мусульманской надписью на другой. Но проектъ этотъ не пошелъ дальше кабинетныхъ предположеній.

Въ 1894 году въ судьбѣ нашего купечества приняли живое участіе московскіе мануфактуристы, вызвавшіеся хлопотать передъ министромъ финансовъ за своихъ кліентовъ, для каковой цѣли среди самаркандскаго и бухарскаго купечества составлена была на имя министра финансовъ петиція, покрытая многочисленными подписями.

Постоянныя курсовыя колебанія теньги, понижавшейся не разъ въ цѣнѣ до 30%, сдѣлали торговыя сношенія Москвы съ Бухарой и самаркандскимъ купечествомъ крайне шаткимъ и непрочнымъ при всей солидарности туземныхъ купцовъ и большой ихъ кредитоспособности.

Цѣны на предметы вывоза каракуль, шерсть, хлопокъ, рисъ, кишмышъ и пр. подвергались весьма частымъ колебаніямъ. Такое положеніе вещей пошатнуло тогда не одну фирму и угрожало еще многимъ. Непрочность курса теньги заставила многія русскія фирмы, торгующія русской мануфактурой и получающія отъ туземцевъ въ расплату теньгу, искать мѣста для сбыта ея, т. е. заниматься, часто не входящей въ кругъ ихъ дѣятельности, скупкой сырья.

Въ виду всего этого администрація, мѣстные органы министерства финансовъ, русское и туземное купечество порѣшили разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ и принять такія мѣры, которыя излечили бы зло въ корнѣ.

Послѣ многихъ совѣщаній пришли къ слѣдующимъ результатамъ: хлопотать передъ министромъ финансовъ о воздѣйствіи на бухарское правительство въ томъ смыслѣ, чтобы оно, взамѣнъ обращающейся теньги, выпустило бы мелкую размѣнную монету, соотвѣтствущую русской, которая, для упроченія своей нарицательной стоимости, имѣла-бы во всякое время безпрепятственный размѣнъ у бухарскаго правительства на русскіе кредитные билеты; каковую операцію, за счетъ эмира бухарскаго, предполагалось возложить на бухарское и самаркандское отдѣленія Государственнаго банка, оперирующіе въ районѣ обращенія бухарской теньги, при чемъ предполагалось, что обращающаяся тогда теньга могла-бы быть съ пользой изъята бухарскимъ правительствомъ для нуждъ заграничной торговли.

Отъ колебанія теньги страдали не одни только торговые интересы Самаркандскаго населенія, еще больше терпѣло населеніе кишлачное, которое, получая за продукты земледѣлія теньгу по номинальной стоимости, для взноса въ казенные платежи, должно мѣнять теньгу на кредитные знаки и терять очень много.

Графъ много и серіезно поработалъ для устраненія вредныхъ послѣдствій этого дуализма въ монетной системѣ и если не многаго достигъ, то главнымъ образомъ потому, что «теньговый» вопросъ — вопросъ международной политики.

Графъ заботился объ организаціи въ нашемъ городѣ дешеваго и общедоступнаго кредита, въ особенности ипотечнаго, въ которомъ такъ нуждались домовладѣльцы города Самарканда. Ближащееся теперь къ осуществленію открытіе отдѣленій русскихъ земельныхъ банковъ въ Туркестанскомъ краѣ завязалось еще при жизни графа. Первый изъ земельныхъ банковъ обратился за разрѣшеніемъ — Нижегородско-Самарскій.

Желая развить огородничество и садоводство въ пригородныхъ кишлакахъ Самарканда, чтобы дать туземному населенію лишній источ-

никъ дохода, а русскому населенію получать лучшаго качества огородныя овощи, графъ возложилъ на мѣстный статистическій комитетъ выписку изъ Италіи огородныхъ сѣмянъ для раздачи тузецамъ. Мѣра, не замедлившая дать прекрасные разультаты на второй и третій годъ. Теперь уже съ ранней весны сарты поставляютъ по очень дешевымъ цѣнамъ всякую зелень, къ которой такъ привыкъ русскій человѣкъ у себя на родинѣ.

При Н. Я. Ростовцовѣ въ области возникло много новыхъ обществъ и полезныхъ учрежденій: гренажная и пастеровская станціи, хлопковой арбитражный комитетъ, музей, областная типографія, работный домъ, ясли, безплатная лечебница для приходящихъ и др.; общества: покровительства животнымъ, скаковое, музыкально-драматическое общество (съ уставомъ), общество велосипедистовъ, археологическій кружокъ, гражданское общественное собраніе и др.

Приказчики и сидѣльцы въ лавкахъ получили при графѣ Ростовцовѣ праздничный отдыхъ. Но особенной заботливостью и вниманіемъ пользовался у графа вопросъ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ о мужскомъ и женскомъ.

Съ прекращеніемъ газеты «Окраина» въ Самаркандѣ, графъ, придавая особое значеніе мѣстной печати, сталъ особенно заботиться объ изданіи областныхъ вѣдомостей. Для этого прежде всего имъ была открыта казенная типографія, въ которой ощущалась настоятельная необходимость, какъ для печатанія казенныхъ книгъ и бланокъ, такъ и для выпуска изданій Областнаго статистическаго комитета.

Послѣдній и предпослѣдній годы его жизни отличались особенно живой и разнообразной дѣятельностью, съ которой всего лучше можетъ познакомиться читатель изъ «Лѣтописи Самаркандской Области», которую графъ Н. Я. велъ въ 1896 году, собранной и напечатанной М. Вирскимъ въ «Справочной книжкѣ» за 1897 годъ.

Въ этомъ обнародованномъ послѣ смерти графа документѣ, носившемъ характеръ при жизни его интимности, не упущенъ, кажется, ни одинъ вопросъ текущей административной, экономической и просто обыденной жизни. Занося въ дневникъ свои мысли, графъ какъ бы дѣлалъ изъ нихъ памятку, которую хотѣлъ имѣть передъ глазами при выполненіи программы заботливаго хозяина области.

Въ этомъ живомъ памятникѣ разносторонней дѣятельности графа Н. Я. Ростовцова, какъ въ калейдоскопѣ отражается всеобхватывающій умъ, глубокая и серіезная наблюдательность и строгое отношеніе къ дѣлу.

Въ послѣднее время графа Ростовцова особенно занималъ вопросъ, нынѣ обсуждаемый въ печати, благодаря брошюрѣ г. Стеткевича.

Графъ сознавалъ, что переоброчка съ возвышеніемъ окладовъ поземельнаго обложенія на 100% дѣло крайне трудное въ краѣ, но ему казалось, что въ этомъ и не предвидится нужды, такъ какъ при справедливыхъ требованіяхъ ни Европейская Россія не должна платить въ пользу окраины, ни окраина не должна доставлять общему бюджету излишка доходовъ надъ расходами. Для этого окраина еще слишкомъ молода, край новый и граждански неустроенный, хотя относительно можетъ быть и богатый. И вотъ графа въ высшей степени интересовалъ вопросъ о подсчетѣ расходовъ и доходовъ края, не только по даннымъ кассовой отчетности Туркестанской казенной палаты, но и по существу поступленій, вызванныхъ присоединеніемъ Туркестана и расходовъ, произведенныхъ во все время съ завоеванія Ташкента.

По даннымъ кассовыхъ поступленій Туркестана избытокъ расходовъ надъ доходами выражается, какъ извѣстно, въ 132 милліона. Но, какъ и г. Стеткевичъ, графъ думалъ, что прежде всего должна быть исключена изъ этой суммы цифра расхода на войска, необходимость которыхъ вызывается не завоеваніемъ края, а которыя находятся здѣсь на южной границѣ государства. Эту цифру, однако, графъ опредѣлялъ лишь въ половину существующихъ гарнизоновъ, а не относя всѣ войска за счетъ охраны внѣшней границы. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ дефицитъ для нынѣшняго времени въ два милліона рублей (10 милліоновъ расходовъ на 8 милліоновъ доходовъ) съ избыткомъ покрывается поступленіями косвенныхъ налоговъ внутри имперіи за продукты, потребляемые въ краѣ, чего г. Стеткевичъ не принимаетъ въ соображеніе. Такъ спиртъ, водка, пиво и спички, ввозимые въ край, частью оплачены уже акцизомъ внутри имперіи. Сахаръ, ввозимый въ количествѣ около 400.000 пудовъ, даетъ цифру акциза около 700.000 рублей (по 1 р. 75 к.). Чай, напр., за 1898 годъ далъ по Бакинской таможнѣ 1.200.000 рублей. Оперирующія въ Туркестанскомъ краѣ четыре отдѣленія Государственнаго банка приносятъ чистой прибыли свыше 100.000 рублей и проч.

Не выходя изъ размѣровъ журнальной статьи, мнѣ бы хотѣлось обратить особенное вниманіе читателя на духовную сторону дѣятельности графа Николая Яковлевича, на его обаятельную личность и вліяніе на подчиненныхъ.

Уже съ 8 часовъ утра пріемная графа была открыта для посѣтителей. Ласковость, привѣтливость и доступность графа позволяли при первой встрѣчѣ съ нимъ забывать о безсмертномъ типѣ щедринскихъ помпадуровъ. Люди всѣхъ положеній и состояній всегда уходили отъ него умиротворенные и удовлетворенные. Всѣхъ посѣщавшихъ его послѣ первыхъ словъ бесѣды поражала удивительная, всесторонняя образован-

ность этого человѣка. Это былъ рѣдкій въ нашъ вѣкъ энциклопедически образованный человѣкъ. Ему все было доступно, ничто не чуждо. Графъ прекрасно владѣлъ нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ языками. Посмотрите на письменный столъ въ его кабинетѣ, заваленный грудами книгъ, картъ, портретовъ; русскіе, французскіе и англійскіе журналы. Здѣсь «Вѣстникъ Европы» рядомъ съ книжками «Недѣли», Revue de deux Mondes, The Review of Reviews, Revue scientifique. Богатый отдѣлъ Asiatica и новѣйшая литература по гомеопатіи. Его въ одно и тоже время одинаково увлекала остроумная библіографическая децимальная система Шарля Рише, которую онъ тутъ же предлагалъ своему секретарю примѣнить при составленіи каталога въ библіотекѣ статистическаго комитета и послѣднее слово науки по ирригаціи.

Не смотря на преклонные годы, покойнаго никогда не покидало чисто юношеское стремленіе къ самосовершенствованію. Такъ, напр., онъ былъ очень недоволенъ своимъ почеркомъ. Почеркъ у графа былъ мелкій, косой и нечеткій. Въ «Недѣлѣ» онъ вычиталъ новые пріемы въ методикѣ письма, по которой перо слѣдуетъ держать между вторымъ и среднимъ пальцемъ. Тогда почеркъ получается прямой, круглый. Листъ бумаги кладется перпендикулярно къ груди пишущаго; не требуется наклоненнаго положенія туловища. И вотъ часто знакомые заставали покойнаго, какъ онъ испытывалъ этотъ новый методъ письма и очень доволенъ былъ успѣхами, при этомъ спрашивалъ, дѣйствительно-ли почеркъ его сталъ четче.

Графъ велъ ежедневно дневникъ. Въ этой привычкѣ онъ былъ такъ аккуратенъ, что гдѣ бы онъ ни находился, въ вагонѣ ли желѣзной дороги, на почтовыхъ или въ верховой экспедиціи, онъ обязательно вечеромъ записывалъ въ свои тетради дневника пережитыя впечатлѣнія дня.

Русскіе и западно-европейскіе путешественники, усталые и утомленные длиннымъ переѣздомъ по Закаспійской желѣзной дорогѣ, по пріѣздѣ въ Самаркандъ, первымъ дѣломъ стремились поклониться популярнѣйшему администратору въ краѣ — графу Ростовцову и всѣ уходили отъ него очарованные обходительностью графа.

Прочтите путевыя записки любого изъ нихъ и вы навѣрное на первыхъ же страницахъ, посвященныхъ Самарканду, встрѣтитесь съ воспоминаніями о графѣ Ростовцовѣ.

«Графъ принялъ меня любезно (пишетъ Д. Л. Мордовцовъ: «Въ гостяхъ у Тамерлана» Новости, № 295—1896 года), обязательно предложилъ свое содѣйствіе, если я въ чемъ буду нуждаться и т. п. Я былъ вполнѣ очарованъ его обхожденіемъ, и хотя наша бесѣда продолжалась недолго, однако я вынесъ изъ этого короткаго свиданія полное

подтвержденіе тѣхъ отзывовъ о выдающихся качествахъ графа, какъ рѣдко симпатичнаго человѣка и замѣчательнаго администратора, съ обширнымъ умомъ государственнаго дѣятеля—отзывовъ, которые мнѣ пришлось слышать во время моего пребыванія въ Самаркандѣ и по пути въ этотъ въ высшей степени интересный край».

Всѣмъ извѣстна его гуманность по отношенію къ туземцамъ. Она дала ощутительные результаты, создала ему уваженіе и подняла престижъ его имени. Когда надо было, графъ умѣлъ быть грознымъ и строгимъ. Разъ онъ призвалъ къ себѣ именитаго и богатаго туземца (нынѣ умершаго) Урумбаева, почтенныхъ лѣтъ старика, пользовавшагося большимъ подавляющимъ вліяніемъ среди туземцевъ. Графу доложили, что наканунѣ, въ засѣданіи хлопковаго арбитражнаго комитета, Урумбаевъ черезчуръ усердно ратовалъ противъ выбора въ комитетъ бухарскихъ и русскихъ евреевъ, стараясь повліять на туземцевъ своимъ авторитетомъ. Графъ, человѣкъ гуманный, натурѣ котораго чужды были всякіе расовые предразсудки и антагонизмъ, возмутился грубымъ поведеніемъ Урумбаева, призвалъ его къ себѣ, сдѣлалъ ему серьезное внушеніе черезъ переводчика. Строгую нотацію графъ закончилъ грознымъ «кэтъ» (прочь). Туземецъ покорно удалился и на другой день отправился въ дальнее путешествіе, на поклоненіе праху Пророка, въ Мекку и Медину, и оттуда вернулся тише воды и ниже травы.

Когда бухарскіе евреи, которыхъ въ Самаркандѣ нѣсколько тысячъ, обратились къ графу съ ходатайствомъ о допущеніи дѣтей ихъ, наравнѣ съ другими туземцами, въ русско-туземныя училища, то графъ очень энергично предстательствовалъ за нихъ передъ главнымъ начальникомъ края, указывая въ своихъ докладахъ крайнюю несправедливость примѣнять къ туземнымъ евреямъ тѣ мѣры ограниченія, какія примѣняются къ русскимъ евреямъ. Бухарскіе евреи, по мнѣнію графа, заслуживаютъ особаго поощренія; они здѣсь не исключительно занимаются ростовщичествомъ, во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ меньше сартовъ. Въ нашемъ краѣ они оказались самымъ приверженнымъ и преданнымъ намъ элементомъ, и эта преданность должна бы встрѣтить всякое поощреніе, а тѣмъ болѣе въ такомъ искреннемъ стремленіи, какое выражаютъ бухарскіе евреи, въ желаніи познакомить подростающее поколѣніе съ русской грамотой, которая такъ нужна имъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими. Въ русско-туземныя школы, только пусть будетъ имъ разрѣшено, они будутъ десятками посылать своихъ дѣтей, а не наемныхъ, какъ это еще сплошь практикуется со многими фанатиками туземцами изъ власть имѣющихъ. И въ настоящее время, когда бухарскимъ евреямъ закрытъ доступъ въ русско-

туземныя училища, % русской грамотности въ ихъ средѣ значительно больше, чѣмъ среди сартовъ.

Два раза приходилось гр. Ростовцову исполнять обязанности генералъ-губернатора въ Ташкентѣ. Съ перваго посѣщенія учебныхъ заведеній графъ сразу завоевалъ себѣ всеобщую симпатію въ городѣ. Хроника «Туркестанскихъ Вѣдомостей» того времени полна описаній восторженныхъ встрѣчъ и пріемовъ, устроенныхъ графу въ городскихъ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Вездѣ, и въ средѣ туземнаго населенія, въ войскѣ и среди учащейся молодежи графъ въ нѣсколько только мѣсяцевъ снискалъ огромную популярность.

Если графъ Николай Яковлевичъ и не обладалъ особеннымъ краснорѣчіемъ, зато онъ въ высокой степени обладалъ способностью сказать нѣсколько теплыхъ привѣтственныхъ словъ, дѣльныхъ, умныхъ, всегда глубоко западавшихъ въ душу слушавшихъ, умѣлъ при случаѣ и воодушевить. Тихо и плавно лилась рѣчь изъ устъ красиваго старика, на губахъ его всегда широкая пріятная улыбка, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи. Въ сравненіи съ могучимъ ростомъ и широкой грудью, голосъ его казался слишкомъ слабымъ. Графъ обладалъ высокимъ тактомъ вести собраніе, умѣлъ вызвать обмѣнъ мыслей, внимательно и терпѣливо выслушивалъ мнѣніе каждаго. А, главное, вы сразу чувствовали передъ собой личность недюжинную, головой отдѣляющуюся изъ толпы, импонирующую своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Терпѣніе и снисходительность въ выслушиваніи чужихъ мнѣній у графа не имѣли границъ. Мнѣ пришлось разъ присутствовать на докладѣ одного почтеннаго офицера, читанномъ въ военномъ собраніи. Докладчикъ страшно злоупотреблялъ правомъ лектора. Прошелъ часъ, два, а лекторъ все продолжалъ разсказывать свои безконечныя впечатлѣнія отъ горныхъ поѣздокъ, страшно скучныя, безсодержательныя, усыпанныя безъ конца выраженіями восторга, удивленія, неудомѣнія, немного досталось здѣсь и администраціи. Лекція началась въ 8 ч. в. и только въ $10^1/_2$ ч. сдѣланъ перерывъ. Давно уже почти всѣ покинули зало, а графъ остался, досидѣвъ до конца доклада; лекторъ прочелъ всѣ свои безконечные дневники, замѣтки и кончилъ свой докладъ далеко за полночь.

Вотъ какія воспоминанія сохранилъ о немъ редакторъ «Переводчика» г. Гаспринскій:

«Въ 1893 году, будучи въ Самаркандѣ, я могъ лично удостовѣриться, что туземцы боялись графа, но еще болѣе любили и уважали его. Боялись потому, что знали, что онъ представитель бѣлаго Царя и его великой имперіи; любили потому, что этотъ представитель былъ гуманенъ, снисходителенъ и строго правдивъ. Покойный Николай Яковлевичъ—миръ праху его—вовсе не считалъ нужнымъ казаться гро-

зой вѣками забитому, уничтоженному восточному люду; напротивъ, весь режимъ его клонился къ тому, чтобы пріободрить народъ культурнымъ управленіемъ, стремясь отучить его бояться лишь нагайки и палки, разгуливавшихъ по Средней Азіи многіе вѣка. И онъ успѣлъ доказать туземцу, что русское «нельзя» и «можно» не нуждаются въ бекскихъ атрибутахъ. «Сартишка» понималъ, что «графъ-губуръ» силенъ и могучъ, но чувствовалъ, что эта сила чтитъ въ немъ человѣка и за это глубоко любилъ его. Если позабудетъ, то не скоро Самаркандская область прекрасный обликъ Николая Яковлевича».

«Да утѣшитъ Аллахъ его близкихъ и многочисленныхъ друзей въ постигшемъ ихъ горѣ».

Въ «Сибирскомъ календарѣ» напечатанъ портретъ и краткая біографія графа Н. Я. Ростовцова, заканчивающаяся слѣдующими словами:

«Обширна и плодотворна была дѣятельность графа Н. Я. Отдаваясь дѣлу всею своею душой, онъ умѣлъ вдохновлять и своихъ сотрудниковъ. При немъ въ Самаркандѣ былъ устроенъ областной музей, по исторіи и археологіи области; при немъ появились высокоцѣнные труды Статистическаго комитета. Графъ зналъ превосходно свою область и не только изучалъ, но и входилъ во всѣ нужды ея населенія, заботясь какъ о просвѣщеніи его, такъ и о матеріальномъ благосостояніи. Между прочимъ онъ ввелъ среди населенія области культуру суходольнаго риса, вмѣсто болотнаго, что, въ виду примѣненія въ краѣ искусственнаго орошенія, давало массу выгодъ, такъ какъ суходольный рисъ не требуетъ для произрастанія много воды. Поэтому явилась возможность культировать мало орошаемыя пространства. Время губернаторства Н. Я. будетъ внесено въ лѣтопись Самаркандской области золотыми буквами».

«Усопшій графъ Н. Я. былъ человѣкомъ съ возвышенной душой и просвѣщеннымъ умомъ. Утрата такихъ дѣятелей ложится тяжелымъ камнемъ на сердца, трудно вознаградима и долго оплакивается всѣми, кому дороги благородные люди и высокополезные и вѣрные слуги отечества».

На этомъ я заканчиваю свой трудъ о графѣ Н. Я. Ростовцовѣ и буду считать задачу свою выполненною, если этой скромной работой вызову среди немалочисленныхъ поклонниковъ покойнаго желаніе подѣлиться своими воспоминаніями въ печати, пока не найдется кто-либо, кому по плечу будетъ составить его полную біографію.

г. Самаркандъ.
31 марта 1899 года.

Ю. О. Якубовскій.

Отъ Хорога до Ванча.

Западная часть хребта Базаръ-дара, наполняя пространство между рѣками Бартангомъ и Гунтомъ, отграничиваетъ Шугнанъ отъ Рошана и, спускаясь болѣе или менѣе круто къ рѣкѣ Пянджъ, опредѣляетъ культурные участки праваго побережья рѣки и общій характеръ береговой дороги изъ Шугнана въ Рошанъ.

Литературныя данныя о западной части Базаръ-дарийскаго хребта исчерпываются очеркомъ „Рушанъ" генер. штаба капитана Ванновскаго и статьею „Очеркъ Шугнана" инженеръ-капитана Серебренникова. Въ общемъ эти данныя сводятся къ тому, что водораздѣльный хребетъ между Бартангомъ и Гунтомъ, названный Ванновскимъ „Шугнанскимъ" и Серебренниковымъ „Рошанскимъ", покрытъ снѣгомъ и ледниками, что перевалы черезъ него трудно доступны и, въ предѣлахъ современной границы между Рошаномъ и Шугнаномъ, никѣмъ изъ европейцевъ не пройдены.

Высоты этого Бартанго-Гунтскаго хребта наростаютъ соотвѣтственно его общему сѣверо-восточному, относительно Пянджа, направленію; спуски же къ Пянджу, мѣстами круто обрывающіеся у самой рѣки, въ общемъ довольно легко доступны. Береговую дорогу между Хорогомъ и Бартангомъ можно раздѣлить на двѣ части: Шугнанскую—отъ Хорога до перевала Каукъ и Рошанскую—отъ перевала Каукъ до рѣки Бартанга.

На Шугнанскомъ участкѣ горы болѣе отлого спускаются къ рѣкѣ и чаще образуютъ, хотя и незначительныя, горныя поляны или пологіе скаты, на которыхъ ютятся, потонувшіе въ зелени, таджикскіе кишлаки съ миніатюрными, сложенными изъ камней, саклями, разбросанными среди урюковыхъ садовъ, окруженныхъ небольшими полями пшеницы, гималайскаго жита и бобовыхъ растеній.

На Рошанскомъ же участкѣ горы гораздо круче спускаются къ Пянджу, образуя лишь двѣ поляны, близъ которыхъ, при входахъ въ ущелья, расположены лѣтовки Пасъ-Баджуфъ и Пасъ-Хуфъ. Лѣтовки эти только тѣмъ и отличаются отъ кишлаковъ, что здѣсь построекъ почти не видно, такъ какъ жители большею частью устраиваются подъ нависшими скалами. Соотвѣтственно спуску горъ къ Пянджу, отъ Хорога до перевала Каукъ вьючная дорога идетъ то карнизами, то кишлаками; отъ перевала же Каукъ до Бартанга большею частію карнизомъ съ частыми и довольно значительными подъемами и спусками. Карнизы почти всюду достаточно широки и въ общемъ не высоко висятъ надъ Пянджемъ, который здѣсь только мѣстами широкъ (относительно) и течетъ сравнительно плавно, большею же частію онъ реветъ и пѣнится, разбиваясь о подводные камни, нерѣдко выступающіе изъ воды цѣлыми грядами.

При выходѣ на Бартангъ, раздѣляющійся въ устьѣ на нѣсколько рукавовъ, для обхода отвѣсной скалы, переѣзжаютъ два раза въ бродъ его лѣвое, довольно глубокое русло. Почти тоже самое продѣлывается и въ нѣкоторыхъ

другихъ мѣстахъ между Хорогомъ и Бартангомъ, когда по спадѣ водъ въ Пянджѣ, крутые подъемы и спуски по карнизу обходятъ обмелѣвшимъ близъ берега русломъ рѣки.

Отъ скалы при устьѣ Бартанга до переправы черезъ эту рѣку, немного выше расположеннаго на правомъ берегу кишлака Суджанъ, около семи верстъ идутъ чрезвычайно каменистой береговой тропой и переѣзжаютъ съ лѣваго берега на связанныхъ гупсарахъ, а разсѣдланныхъ лошадей переправляютъ вплавь.

Бартангъ здѣсь очень быстръ, идетъ одной трубою и самая переправа не занимаетъ болѣе 4—5 минутъ. На проѣздъ между Хорогомъ и Бартангомъ требуется около 13 часовъ за исключеніемъ всѣхъ остановокъ и потому этотъ путь удобнѣе всего раздѣлить на два дня.

Что касается лѣваго Афганскаго берега Пянджа, то Бадахшанскія горы спускаются къ лѣвому берегу рѣки нѣсколько круче, чѣмъ Бартанго-Гунтскій хребетъ—къ правому. Горныя поляны малы и немногочисленны. Изъ пологихъ скатовъ относительно порядочный по величинѣ только одинъ, на которомъ расположенъ Кала-и-баръ Пянджъ—резиденція афганскаго бека.

Береговая вьючная тропа узка и въ совершенно первобытномъ состояніи: мѣстами она идетъ по очень опаснымъ крутымъ осыпямъ, мѣстами, высоко поднимаясь надъ рѣкою, лѣпится по незначительнымъ выступамъ скалъ, или же спускается къ самому руслу рѣки и узкой лентой извивается между отвѣсными скалами и круто оборваннымъ берегомъ Пянджа. Впрочемъ, для таджиковъ лѣваго берега такая дорога ничуть не стѣснительна, такъ какъ они, какъ и жители праваго берега, на политическую границу между русскимъ и англійскимъ вліяніемъ смотрятъ, какъ на нѣчто совершенно до нихъ не касающееся и сообщаются между собою тѣми дорогами, какія въ данномъ случаѣ для нихъ удобнѣе, безъ различій береговъ.

Посѣвы въ этомъ районѣ, по крайней мѣрѣ по правому берегу Пянджа, почти обезпечиваютъ населеніе хлѣбомъ на круглый годъ. Выпасовъ для домашняго скота по ущельямъ и склонамъ горъ совершенно достаточно. Изъ домашнихъ животныхъ разводятся хвостатые бараны, козлы и довольно малорослый рогатый скотъ; лошадей мало и онѣ не однотипны.

Жители одѣваются въ домотканное сукно, изъ котораго дѣлается также, замѣняющій рубаху, нижній халатъ и порты. Впрочемъ, хотя и не часто, здѣсь уже встрѣчается и матовое*) бѣлье, а какъ рѣдкость и ситцевые халаты.

Ремеслъ никакихъ не знаютъ; въ каждой семьѣ приготовляется все необходимое, т. е. сукно, чулки и иногда чарыки или опанки изъ козлиной кожи на подобіе чулокъ. За неимѣніемъ желѣзныхъ спицъ чулки вяжутся на деревянныхъ изъ какого то горнаго кустарника. Въ кишлакахъ близъ Бартанга умѣютъ довольно изящно плести корзинки для клубка, для чего, какъ говорятъ, употребляется очищенная кора арчи. Сѣдла, хоть и рѣдко, дѣлаютъ сами изъ грубо обструганныхъ кусковъ дерева, связывая ихъ между собою жилами; чаще же пользуются легкими Бадахшанскими ленчиками туркменскаго типа и грубѣйшей работы.

Лѣтомъ здѣсь не бываетъ сильныхъ жаровъ; ночи обыкновенно теплыя даже въ августѣ. Зимы бываютъ снѣжныя, но безъ сильныхъ морозовъ.

Пространство между рѣками Бартангомъ и Язгулемомъ заполнено пограничнымъ между Рошаномъ и Дарвазомъ хребтомъ, отходящимъ отъ гигант-

*) Мата—бязь.

скаго горнаго узла, лежащаго близъ Кашалъ-Аякскаго ледника, гдѣ переплетаются между собою хребты Заалайскій, Петра I-го, Дарвазскій, Бартанго-Язгулемскій*) и Ванчъ-Язгулемскій.

Общее направленіе этого хребта относительно Пянджа и наростаніе въ немъ высотъ то же, что и въ Бартанго-Гунтскомъ хребтѣ, т. е. сѣверо-восточное; спускъ же его по Пянджу настолько крутъ, что непрерывной береговой вьючной тропы между устьями Бартанга и Язгулема не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, въ зимнее и весеннее время это единственный путь, которымъ Рошанъ сообщается съ Дарвазомъ: сообщеніе ведется исключительно пѣшее по узкимъ, иногда обледенѣвшимъ тропинкамъ и пѣшимъ оврингамъ, прототипомъ которыхъ служатъ высѣченныя въ отвѣсной скалѣ углубленія для ногъ и рукъ.

Изъ переваловъ Бартанго-Язгулемскаго хребта европейцами пройдены только два: Шидъ-Ахба—генеральнаго штаба капитаномъ Ванновскимъ съ его спутниками и Ахба-и-Іодуди—геологомъ Ивановымъ и горнымъ инженеромъ Михайловымъ въ 1897 году, военнымъ топографомъ Киргофомъ, мною и ген. шт. подполковникомъ Полозовымъ, а поручикомъ Выгорницкимъ въ 1898 году.

Судя по превосходному описанію Ванновскаго, перевалъ Шидъ-Ахба для обычнаго сообщенія между Бартангомъ и Язгулемомъ служить не можетъ и перевалъ Іодуди въ продолженіи около 3-хъ мѣсяцевъ въ году остается единственнымъ, хоть и труднымъ конно-вьючнымъ путемъ изъ Рошана въ Дарвазъ и обратно.

Изъ Кала-и-Вамара дорога поднимается къ перевалу Іодуди карнизомъ по ущелью Вамаръ-дарьи, переходя съ одного берега на другой сначала по живо-трепещущимъ мостикамъ, затѣмъ въ бродъ и, наконецъ, по естественнымъ мостамъ изъ обледенѣвшаго снѣга. Карнизъ, то поднимающійся, то опускающійся, невысоко виситъ надо водою и мѣстами на сравнительно значительныхъ растояніяхъ засыпанъ крупными и острыми обломками сланцевъ.

Подъемъ на самый перевалъ очень каменистый, крутъ и мало разработанъ; однако же и на этомъ подъемѣ все время можно сидѣть верхомъ.

Вершина перевала—слегка волнистая площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ съ двумя замѣтными склонами—на востокъ и западъ. Вся она закрыта на значительную толщину снѣжникомъ настолько слежавшимся, что подкованная лошадь оставляетъ на его поверхности еле замѣтный слѣдъ. Мѣстами по поверхности снѣжника видны ледяные острова и напротивъ—въ очень глубокихъ его трещинахъ виденъ всюду плотно слежавшійся снѣгъ.

За снѣжникомъ, на спускѣ къ Оби-Матроунъ, слѣдуетъ крутая, каменистая и грязная осыпь, затѣмъ большой спускъ зигзагами по довольно каменистой и крутой тропѣ, приводящей къ руслу Оби-Матроунъ, пологіе берега которой поросли большею частью березовымъ и арчевымъ лѣсомъ. Отсюда спускаются подъ небольшимъ уклономъ по загроможденному каменьями различныхъ величинъ и формы берегу рѣки, переѣзжая многочисленные, впадающіе въ нее справа, ручьи. На тропу здѣсь только намекъ. Далѣе, правый берегъ Оби-Матроунъ расширяется въ горную полянку, разработанную подъ посѣвы; за нею подъемъ, по каменнымъ нагроможденіямъ, на скалу, которая упирается въ рѣку. Послѣ чрезвычайно крутого и каменистаго спуска съ этой скалы—новый, но плохой, мостъ на лѣвый берегъ. Немного выше моста чудный водо-

*) П. Кузнецовъ въ своемъ сочиненіи „Дарвозъ“ называетъ этотъ хребетъ Язгулемскимъ.

падъ, который спадаетъ со скалы Оби-Матроунъ. Вскорѣ тропа переходитъ опять на правый берегъ по еще худшему мосту и почти до самого выхода на Язгулемъ идетъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, то узкими карнизами, то крупными каменными осыпями.

Отъ Кала-и-Вамара близъ устья Бартанга до кишлака Матроунъ на Язгулемѣ осѣдлаго жилья, за исключеніемъ двухъ сакль близъ выхода изъ ущелья Оби-Матроунъ, нѣтъ, зато есть лѣтовки въ верховьяхъ Вамаръ-дарьи —недалеко отъ перевала и въ урочищѣ Кугасъ—единственномъ мѣстѣ, гдѣ на правомъ берегу Оби-Матроунъ имѣется небольшая воздѣланная площадка.

Лѣтовки въ верховьяхъ Вамаръ-дарьи сгруппированы въ трехъ мѣстахъ и относительно довольно многолюдны. Сакли на этихъ лѣтовкахъ въ полномъ смыслѣ слова конуры: онѣ сложены изъ камней, ничѣмъ не сцементированныхъ между собою и покрыты плоскими сланцами, покоящимися на поперечныхъ перекладинахъ, представляющихъ изъ себя обыкновенныя палки дюйма въ $1^1/_2$—2 въ поперечникѣ. Высота сакли около $1^1/_2$ аршина, а наибольшая длина нѣсколько менѣе сажени. На крышахъ въ большинствѣ случаевъ есть слой болѣе или менѣе утрамбованной земли. Въ такихъ жилищахъ помѣщаются и люди и весь домашній скарбъ, въ составъ котораго входитъ разное рунье и убогая посуда изъ глины и дерева.

Для молодыхъ барановъ и козлятъ устроены по тому-же типу каменные мѣшки, закладывающіеся сверху плитами сланца; взрослыя же животныя помѣщаются на ночь въ загонахъ между саклями.

Съ дикой природой перевала и обстановкой на только что описанныхъ лѣтовкахъ въ верховьяхъ Вамаръ-дарьи вполнѣ гармонируетъ наружный видъ жителей и въ особенности женщинъ, нерѣдко обезображенныхъ громадными двухсторонними зобами, съ растрепанными волосами на головахъ, въ дырявомъ рубищѣ, состоящемъ изъ довольно короткой шерстяной рубахи и шароваръ. Дѣти, въ особенности мальчики, одѣты еще проще: часто единственный ихъ костюмъ составляетъ баранья и козлиная шкура, привязанная къ тѣлу поясомъ изъ шерстяной веревки. Женщины на этихъ лѣтовкахъ не понимаютъ ни по-тюркски, ни по-таджикски и говорятъ на очень благозвучномъ шугнанскомъ языкѣ.

Высота перевала Іодуди въ 14.800 футовъ вычислена Я. П. Гультяевымъ по даннымъ топографа Киргофа, добытымъ при посредствѣ кипятильника.

При значительной абсолютной высотѣ Іодуди, узкія части ущелій Вамаръ-дарьи и Оби-Матроунъ въ зимнее время забиваются глубокимъ снѣгомъ, вслѣдствіе чего сообщеніе черезъ этотъ перевалъ совершенно прекращается. Весною-же, когда начинается таяніе снѣговъ, съ откосовъ горъ, спускающихся нерѣдко въ ущелья крупно-каменными осыпями, сползаютъ снѣжныя громады, увлекая съ собою камни, загромождая ими карнизы, или вовсе срывая ихъ.

При такихъ условіяхъ капитальная разработка дороги къ перевалу была бы мало производительной, такъ какъ весною было бы разрушено многое изъ того, что могло бы быть сдѣлано предшествовавшимъ лѣтомъ, а потому до настоящаго времени всѣ заботы объ улучшеніи дороги сводились только къ тому, чтобы кое какъ поддержать, хотя и трудный доступъ къ вершинѣ перевала.

За вычетомъ всѣхъ остановокъ для переѣзда изъ Кала-и-Вамара черезъ перевалъ Іодуди въ кишлакъ Матроунъ требуется около 12 часовъ; въ виду же необходимости дать нѣсколько разъ на продолженіи этого пути отдыхъ

лошадямъ, переходъ съ Бартанга на Язгулемъ удобнѣе раздѣлить на два дня съ ночлегомъ на ближайшихъ къ вершинѣ перевала лѣтовкахъ, чѣмъ, между прочимъ, обезпечивается и болѣе удобный путь по снѣжнику, такъ какъ поверхность его раннимъ утромъ еще не успѣваетъ разогрѣться отъ солнечныхъ лучей и хорошо держитъ лошадь. По этой дорогѣ возможно движеніе только съ легкими вьюками, сопровождаемыми пѣшими проводниками.

До присоединенія Шугнана и Рошана къ Бухарскимъ владѣніямъ сравнительно рѣдкія сношенія съ Дарвазомъ велись, смотря по времени года, тремя дорогами: или по Пянджу—частью пѣшкомъ, частью на гупсарахъ, или вьючнымъ путемъ по запянджинской части Дарваза на кишлакъ Джумарчъ, или черезъ перевалъ Іодуди. Въ настоящее же время потребность въ сообщеніи Шугнана и Рошана съ центрами ханства сдѣлалась настоятельной, а вмѣстѣ съ тѣмъ вьючный путь на Джумарчъ отошелъ цѣликомъ къ Афганистану и такимъ образомъ перевалъ Іодуди, непригодный къ разработкѣ, остался единственнымъ вьючнымъ путемъ, связывающимъ Рошанъ съ Дарвазомъ и то только въ теченіи около 3-хъ мѣсяцевъ въ году. Для обезпеченія же постояннаго верховаго сообщенія остается одно: расширить существующую на протяженіи 20 верстъ дорогу по Пянджу внизъ отъ Кала-и-Вамара и далѣе разработать для коннаго движенія пѣшіе овринги до Язгулема и Ванча.

Восточная часть Дарваза, лежащая между рѣками Язгулемомъ и Ванчемъ заполнена Ванчъ-Язгулемскимъ хребтомъ, отходящимъ, какъ упомянуто было ранѣе, отъ горнаго узла близъ Кашалъ-Аякскаго ледника. Направленіе этого хребта относительно Пянджа и наростаніе въ немъ высотъ то же, что и въ Бартанго-Язгулемскомъ хребтѣ; спускъ же къ Пянджу совершенно крутъ и пѣшіе овринги здѣсь принадлежатъ къ числу наитруднѣйшихъ.

Непрерывнаго вьючнаго сообщенія между Язгулемомъ и Ванчемъ не существуетъ вовсе. Единственный, доступный около трехъ мѣсяцевъ въ году, перевалъ въ Ванчъ-Язгулемскомъ хребтѣ Ахба-и-Гушхонъ настолько труденъ, что въ лучшее время года движеніе черезъ него верхомъ возможно при непремѣнномъ условіи спѣшиванія по крайней мѣрѣ въ двухъ мѣстахъ, въ которыхъ даже легкіе вьюки необходимо нести на рукахъ.

Перевалъ этотъ пройденъ тѣми же лицами, которые прошли черезъ Шидъ-Ахба и Ахба-и-Іодуди и сверхъ того—въ 1892 году—генеральнаго штаба капитаномъ Кузнецовымъ.

Чтобы попасть на этотъ перевалъ, изъ кишлака Матроунъ идутъ вверхъ по Язгулему до кишлака Джамакъ, отъ котораго и вступаютъ въ ущелье рѣки Гушхонъ.

Путь отъ Матроуна до Джамака описанъ г-ми Кузнецовымъ и частью Ванновскимъ.

Къ наиболѣе неудобнымъ мѣстамъ на этомъ переѣздѣ слѣдуетъ отнести—очень узкій карнизъ на разстояніи около 150 саженъ на правомъ берегу Язгулема, почти противъ кишлака Матроунъ и карнизъ по правому же берегу, выше кишлака Андербагъ, оканчивающійся пѣшимъ оврингомъ, представляющимъ почти отвѣсный спускъ по каменистой осыпи, только съ намекомъ на зигзагъ. По этому оврингу вьюки проносятъ на рукахъ.

Кишлаки по Язгулему имѣютъ тотъ же общій видъ, что и по Пянджу между Хорогомъ и Бартангомъ, но Язгулемскія постройки значительно больше по величинѣ и по наружности болѣе благоустроенны. Здѣсь встрѣчаются

не только отдѣльныя сакли, но и цѣлые дворы, въ которыхъ живутъ по нѣсколько семействъ.

Бѣлыя чалмы, матовое бѣлье и ситцевые халаты здѣсь не составляютъ уже рѣдкости, хотя въ то же время мальчики до 14 лѣтъ часто прикрыты одной бараньей или звѣриной шкурой.

Зобатыхъ поразительно много; въ числѣ ихъ встрѣчаются даже и подростки.

Невольно навязывается вопросъ, не представляетъ-ли въ данномъ случаѣ эндемія зоба результатъ вырожденія, обусловленнаго физической замкнутостью страны и кровнымъ родствомъ немногочисленнаго населенія въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій? Вопросъ этотъ разбивается, повидимому, двумя возраженіями: 1) по Пянджу зобатыхъ почти не замѣтно и 2) у Язгулемскихъ и Бартангскихъ зобатыхъ нѣтъ ясно выраженнаго кретинизма.

Перевалъ Гушхонъ и подступы къ нему съ Язгулема и Ванча описаны г-ми Кузнецовымъ и Ванновскимъ. Первый изъ этихъ авторовъ, проходившій съ Ванча на Язгулемъ, о подъемѣ на самый перевалъ говоритъ: „подъемъ не трудный, идетъ по осыпи“ и затѣмъ о спускѣ до лѣтовки Шагвай, не упоминая ни о какихъ трудностяхъ, говоритъ только, что онъ, т. е. спускъ, на протяженіи трехъ верстъ идетъ по леднику.

Напротивъ, капитанъ Ванновскій, переходившій перевалъ съ Язгулема на Ванчъ и представившій, если можно такъ выразиться, литературную фотографію перевала, опубликованную въ LVI вып. Сборника матеріаловъ по Азіи, описываетъ чрезвычайно трудный подъемъ на ледникъ по крутой осыпи „саженъ въ 40—50 вышиной“; длину ледника опредѣляетъ въ $1^1/_2$ версты и о спускѣ говоритъ, что онъ „чрезвычайно крутъ, идетъ по осыпающемуся грунту, высотой около 80 саженъ“. Далѣе, оба автора согласны въ томъ, что подступы къ перевалу очень трудны и что мѣстами лошадей необходимо развьючивать.

Самый перевалъ представляетъ острый гребень, спускающійся къ западу длинной, крутой и ползучей каменистой осыпью, замыкающей ущелье, ведущее въ Ванчъ. Спускъ къ востоку также крутъ, но коротокъ и приводитъ къ довольно значительному снѣжнику, склоняющемуся къ ущелью Оби-Гушхонъ, замкнутому, какъ стѣною, каменистой осыпью гребня, чуть выступающаго надъ восточной окрестностью снѣжника, въ глубокихъ трещинахъ котораго виденъ всюду плотно слежавшійся снѣгъ; въ западной же, наиболѣе повышенной его части, имѣется небольшое, въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, ледяное озеро.

Подступъ къ перевалу съ Язгулема по узкому ущелью Оби-Гушхонъ представляетъ непрерывный, мѣстами очень крутой, подъемъ по карнизамъ каменистыхъ осыпей и гребнямъ, выступающихъ въ ущелье скалъ.

Передъ подъемомъ на снѣжникъ ущелье расширяется въ небольшую, покрытую кое гдѣ травою, горную котловину, на которую водопадами спадаютъ ручьи, составляющіе Оби-Гушхонъ, два раза пропадающую въ среднемъ теченіи подъ каменистой почвой и затѣмъ идущую бурнымъ каскадомъ до самаго устья, около кишлака Джамакъ.

Со стороны Ванча доступъ къ перевалу, до подъема на снѣжникъ, значительно легче, такъ какъ ущелье поднимается нѣсколькими ясно выраженными террасами.

Съ вершинъ близъ перевала, окутанныхъ снѣгомъ, сбѣгаютъ въ ущелье ручьи, пропадающіе въ верхней его части подъ почвой и вырывающіеся наружу нѣсколькими стремительными потоками, близъ самаго выхода на Ванчъ.

Въ обоихъ ущельяхъ есть немного арчи, частью разбросанной по склонамъ горъ, частью сгруппированной на днѣ, около половины подъема къ перевалу.

Высота Ахба-и-Гушхонъ, по даннымъ г-на Киргофа, опредѣлена Я. П. Гультяевымъ въ 14.500 футовъ. Отъ Джамака до выхода на Ванчъ, при условіи переноски легкихъ вьюковъ пѣшими туземцами, требуется за исключеніемъ всѣхъ остановокъ, около $10^1/_2$ часовъ времени. Спѣшиваться безусловно необходимо въ двухъ мѣстахъ: при подъемѣ на снѣжникъ и при спускѣ съ него. Пѣшій подъемъ по осыпи изъ ущелья Оби-Гушхонъ занимаетъ около одного часа; переѣздъ верхомъ по снѣжнику довольно медленнымъ шагомъ— около 35 минутъ; подъемъ пѣшкомъ со снѣжника на гребень перевала — около $^1/_4$ часа и, наконецъ, пѣшій спускъ по осыпи въ голову ущелья, ведущаго въ Ванчъ,—около часу. Всего удобнѣе путь отъ Джамака до Ванча сдѣлать въ одинъ день.

Мостъ черезъ рѣку Ванчъ, между красивыми и многолюдными кишлаками Гушхонъ и Ванчъ, весною 1898 года снесло и потому довольно многоводную и быструю рѣку переѣзжаютъ глубокимъ и небезопаснымъ бродомъ.

Зобатыхъ по р. Ванчу также много, какъ и по Язгулему.

Послѣ приведеннаго описанія перевала, черезъ который съ большимъ трудомъ можно перебраться только въ продолженіи около трехъ мѣсяцевъ въ году и разработка котораго ничего не обѣщаетъ, необходимо заключить, что постоянное, обезпеченное сообщеніе между Язгулемомъ и Ванчемъ возможно было-бы только при разработкѣ подъ вьючный путь пѣшихъ оврингов по Пянджу.

Н. Бронниковъ.

Какъ Самаркандъ сталъ русскимъ городомъ*).

Занятіе русскими войсками г. Самарканда и части долины р. Зеравшанъ въ 1868 г., по справедливости, считается однимъ изъ крупныхъ эпизодовъ наступательнаго движенія Россіи въ Среднюю Азію. Походъ 1868 г., кромѣ присоединенія богатой долины, далъ еще въ результатѣ паденіе престижа Бухары и поднялъ обаяніе Россіи въ Средней Азіи. Послѣ кровавой драмы въ долинѣ Зеравшана, Россія стала дѣйствительною распорядительницею судебъ Средней Азіи. Такое значеніе похода 1868 г. объясняется тѣмъ, что эта война нанесла непоправимый ударъ Бухарскому ханству, эмиръ котораго имѣлъ громадное вліяніе въ той части Средней Азіи, которая входила въ составъ Бухарскаго и Кокандскаго ханствъ. Лишивъ эмира этого престижа, Россія поставила его въ зависимость отъ себя и изъ самостоятельнаго владыки превратила въ русскаго вассала. Вся дальнѣйшая исторія Бухары есть исторія постепеннаго распространенія на нее русскаго вліянія.

Чѣмъ же, однако, была вызвана война 1868 г.? Была-ли она осуществленіемъ плановъ Россіи, заранѣе расчитанныхъ на присоединеніе долины р. Зеравшана или же походъ этотъ по необходимости былъ вызванъ сцѣпленіемъ ряда событій и потому присоединеніе г. Самарканда совершилось не въ силу желанія Россіи обладать этимъ краемъ, а какъ слѣдствіе вынужденной войны? Отвѣтить на эти вопросы и составляетъ цѣль предлагаемаго читателю очерка причинъ войны 1868 г. и обстоятельствъ, ее сопровождавшихъ.

I.

Началомъ наступательнаго движенія въ Среднюю Азію принято считать походъ Черняева и Веревкина въ 1864 г., когда первый двинулся изъ Вѣрнаго, а второй изъ ф. Перовскаго для соединенія разомкнутой линіи нашихъ укрѣпленій со стороны Оренбурга и Сибири. Этимъ походомъ предполагалось устроить нашу границу съ Кокандскимъ ханствомъ и тѣмъ упрочить подданство киргизъ, еще съ царствованія императрицы Анны Іоанновны считавшихся подданными Россіи. Другими словами, походъ 1864 г. являлся ничѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ задачъ Правительства, намѣченныхъ еще въ

*) Настоящій очеркъ составленъ на изученіи тѣхъ историческихъ документовъ, которые имѣются въ Туркестанскихъ архивахъ.

1737 году при образованіи, такъ называемой, Оренбургской экспедиціи *). Неустроенность нашей Азіатской границы влекла за собою фиктивность подданства киргизъ, грабежи и разбои въ степи, а стало быть и тормозила развитіе торговыхъ сношеній съ Средней Азіей. А между тѣмъ торговля съ послѣдней являлась однимъ изъ существенныхъ вопросовъ нашей экономической жизни. Еще Петръ Великій видѣлъ въ азіатской торговлѣ гарантію развитія русской обрабатывающей промышленности, которой не подъ силу было бороться со своей старшей сестрой—промышленностью Западной Европы. Чѣмъ скорѣе было-бы упрочено развитіе торговли съ Средней Азіей, тѣмъ скорѣе долженъ былъ быть обезпеченъ успѣхъ нашей обрабатывающей промышленности, для которой рынокъ въ Западной Европѣ былъ не доступенъ.

Чтобы упорядочить наше положеніе въ Средней Азіи, являлось безусловно необходимымъ устроить государственную границу, устроить управленіе киргизской степью и завести непосредственныя сосѣдскія сношенія съ средне-азіатскими ханствами. Государственная граница, согласно Высочайшаго повелѣнія 20 декабря 1863 г., должна была пройти отъ Перовска къ Вѣрному черезъ Туркестанъ, Чимкентъ и Ауліеата. Цѣль эта была осуществлена въ сентябрѣ 1864 г. занятіемъ г. Чимкента и изъ новыхъ земель 12 февраля 1865 г. образована была Туркестанская Область.

Дальнѣйшія завоеванія не входили въ предположенія правительства.

Занимая въ 1865 г. Ташкентъ съ Чирчикской долиной, Черняевъ имѣлъ лишь полномочіе отдѣлить этотъ богатый торговый городъ отъ Кокандскаго ханства и образовать изъ него самостоятельное владѣніе подъ протекторатомъ Россіи. И только двукратная просьба ташкентцевъ и событія 1866 г. побудили правительство въ концѣ 1866 г. присоединить Ташкентъ и Зачирчикскій край къ Имперіи. Но занятіе г. Ташкента въ 1865 г. вовлекло Россію во вражду съ Бухарой, такъ какъ владѣтель послѣдней, эмиръ Сеидъ-Музаффаръ-Этдинъ, претендовавшій самъ на Ташкентъ, потребовалъ отъ Черняева немедленнаго его очищенія. На такое заносчивое требованіе Черняевъ отвѣтилъ арестомъ въ г. Ташкентѣ всѣхъ бухарскихъ купцовъ съ ихъ товарами, причемъ просилъ Оренбургскаго генералъ-губернатора распространить эту мѣру на всю Имперію, доказывая, что въ противномъ случаѣ вліяніе Бухары усилится въ Средней Азіи въ ущербъ нашему. Но приведеніе въ исполненіе этой мѣры еще болѣе раздражило Музаффаръ-Этдина, который на арестъ бухарскихъ купцовъ въ Оренбургѣ отвѣтилъ арестомъ русскихъ купцовъ въ Бухарѣ и въ то-же время снарядилъ посольство въ Петербургъ съ жалобой на дѣйствія Черняева. Посольство это, однако, было задержано въ Казалинскѣ, такъ какъ въ то время Оренбургскому генералъ-губернатору было дано полномочіе на веденіе дипломатическихъ переговоровъ съ средне-азіатскими ханствами.

Видя, что принятыя мѣры не приводятъ къ желаемому результату, Черняевъ рѣшился измѣнить тактику и для упорядоченія сношеній съ Бухарою снарядилъ туда въ концѣ октября 1865 г. особое посольство. Послѣднее, однако, было задержано въ Бухарѣ и эмиръ не отпускалъ его, несмотря на настойчивыя требованія Черняева. Тогда въ январѣ 1866 г. Черняевъ предпринялъ походъ къ Джизаку, надѣясь этимъ движеніемъ побудить эмира освободить наше посольство. Зимнее время и вслѣдствіе этого недостатокъ фу-

*) См. Макшеевъ „Историческій Обзоръ Туркестана“ стр. 82.

ража заставили Черняева отступить отъ Джизака, не добившись намѣченной цѣли. Это отступленіе принято было въ Бухарѣ за бѣгство русскихъ и тогда Музаффаръ-Этдинъ, предполагая изгнать русскихъ изъ Ташкента, сталъ собирать войска и волновать населеніе Зачирчикской долины. Скопленіе бухарскихъ войскъ въ Голодной степи на урочищѣ Ирджаръ и броженіе въ Зачирчикскомъ краѣ заставили генерала Романовскаго, смѣнившаго Черняева, выступить изъ Чиназа и 8 мая 1866 г. съ трехтысячнымъ отрядомъ напасть на сорокатысячную армію Музаффаръ-Этдина. Пораженіе послѣдняго было полное. Романовскій двинулся вверхъ по р. Сыръ-Дарьѣ и штурмомъ занялъ г. Ходжентъ.

Этотъ успѣхъ заставилъ Музаффара освободить наше посольство и произвелъ такое впечатлѣніе на Кокандскаго хана Худояра, что послѣдній поспѣшилъ завязать съ русскимъ генераломъ миролюбивыя сношенія.

Успѣхъ Ирджарскаго дѣла, казалось-бы, былъ вполнѣ достаточенъ для упроченія мира въ Средней Азіи, но Оренбургскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Крыжановскій, прибывшій на театръ дѣйствій, не удовлетворился занятіемъ Ходжента и сначала было предполагалъ покорить Кокандское ханство, а затѣмъ передумалъ и рѣшилъ отнять отъ Бухары крѣпости Ура-Тюбе и Джизакъ, считая болѣе удобною границу по Кашгаръ-Даванскимъ*) горамъ. Чтобы имѣть предлогъ къ походу на эти города, Крыжановскій завелъ перегоры о мирѣ съ Музаффаромъ, причемъ потребовалъ отъ послѣдняго уплаты контрибуціи въ 100,000 тиллей въ десятидневный срокъ подъ угрозой дальнѣйшаго движенія. Неисполненіе этого требованія повлекло штурмы Ура-Тюбе и Джизака. Занятіемъ послѣдняго былъ оконченъ первый періодъ войны съ Бухарой и Музаффаръ-Этдинъ началъ переговоры о мирѣ, для каковой цѣли въ Оренбургъ былъ имъ отправленъ въ мартѣ 1867 г. посломъ Мусабекъ Мира-хуръ.

Съ момента начала этихъ переговоровъ и начинается рядъ событій, непосредственно связанныхъ со вторымъ періодомъ войны съ Бухарой, окончившейся для послѣдней паденіемъ Самарканда и долины Зеравшана.

II.

Если-бы лѣтомъ 1867 г. въ Джизакъ пріѣхалъ совершенно свѣжій человѣкъ, то онъ принялъ бы за шутку сообщеніе о томъ, что между Россіей и Бухарой идутъ переговоры о мирѣ, такъ какъ отношенія между двумя государствами нисколько не указывали на желаніе ихъ заключить между собою дружескія сношенія.

Въ Джизакѣ, какъ передовомъ пунктѣ, былъ сосредоточенъ отрядъ изъ 10 ротъ пѣхоты, 3 сотенъ казаковъ и 12 орудій подъ начальствомъ подполковника Абрамова. Въ теченіи зимы $18^{66}/_{67}$ г. отрядъ этотъ занятъ былъ обороною границы и сообщенія съ Чиназомъ черезъ Голодную степь отъ набѣговъ различныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя отгоняли у населенія скотъ и занимались грабежами по всей границѣ. Нападенія этихъ шаекъ особенно участились весною 1867 г., когда въ 40 верстахъ отъ Самарканда въ укрѣпленномъ бухарскомъ лагерѣ на Ташъ-Купрюкѣ (каменный мостъ) стали собираться войска Музаффаръ-Этдина. Одна изъ разбойничьихъ шаекъ, засѣвшихъ въ горахъ Кашгаръ-Даванскихъ, устроила запруду на рѣкѣ Санзаръ, отъ чего въ Джизакскомъ раіонѣ чувствовался большой недостатокъ въ ороси-

*) Такъ названъ въ сношеніяхъ съ Бухарскимъ эмиромъ Туркестанскій хребетъ.

тельной водѣ. Кромѣ того, какъ эта, такъ и другія шайки прекратили движеніе торговыхъ каравановъ, а населенію не давали возможности заниматься земледѣльческими работами. Все это, конечно, не могло способствовать спокойствію въ краѣ, населеніе котораго глухо волновалось и стало разбѣгаться. Чтобы принудить шайки очистить горы и чтобы разрушить запруду на рѣкѣ Санзаръ, Абрамовъ рѣшилъ выступить изъ Джизака и занять крѣпость Яны-Курганъ, лежащую по другую сторону Тамерлановыхъ воротъ (такъ называется узкій проходъ въ ущельи Джиланъ-Уты). Занятіе брошенной крѣпости Яны-Курганъ дѣйствительно побудило шайки очистить горы. Но при движеніи дальше къ запрудамъ на рѣкѣ Санзарѣ Абрамовъ встрѣтилъ значительный отрядъ бухарской конницы, до 6 тысячъ, съ которою и имѣлъ 26 мая небольшое дѣло. Конница бухарская отступила, но послѣ этого всѣ бухарскія войска (до 40 тыс.) съ Ташъ-Купрюка стали подходить къ Яны-Кургану, вблизи котораго и расположились лагеремъ. Такъ какъ это движеніе снова способствовало увеличенію шаекъ въ горахъ и на сообщеніи между Джизакомъ и Чиназомъ, то Абрамовъ рѣшилъ аттаковать бухарцевъ, что и сдѣлалъ 7 іюня съ 6 ротами пѣхоты, 2 сотнями казаковъ и 6 орудіями. Бѣгство бухарцевъ, разбитыхъ въ этомъ дѣлѣ, освободило Джизакскій раіонъ отъ шаекъ и населеніе успокоилось. Но это продолжалось недолго. Такъ какъ Абрамовъ не предпринималъ наступленія, а ограничился дѣломъ 7 іюня, то бухарская армія снова стала подходить къ Яны-Кургану и снова повсемѣстно на границѣ появились шайки. Когда же бухарцы вблизи Яны-Кургана устроили свою батарею, начали стрѣльбу по крѣпости и зажгли хлѣбъ на корню, тогда Абрамовъ снова аттаковалъ бухарцевъ и вторично разбилъ ихъ 2 іюля. Послѣ этого бухарцы не только прекратили свои попытки прогнать Абрамова изъ Яны-Кургана, но даже отступили и съ Ташъ-Купрюка. Но если главныя силы бухарцевъ не пытались нападать на Абрамова, то зато шайки партизановъ, видя, что Абрамовъ остается въ Яны-Кургане, а не идетъ къ Самарканду, съ конца лѣта снова появились въ Джизакскомъ раіонѣ, грабя населеніе и отгоняя скотъ. Одна изъ такихъ шаекъ подъ предводительствомъ нѣкоего Назара 4 сентября въ 30 верстахъ отъ Чиназа около станціи Малекъ въ Голодной степи захватила въ плѣнъ поручика артиллеріи Служенко, уѣхавшаго впередъ отъ оказіи, подъ охраной роты пѣхоты и сотни казаковъ, двигавшейся въ Джизакъ. Чтобы оцѣнить смѣлость шайки Назара, нужно сказать, что съ конца 1866 г. сообщеніе между Чиназомъ и Джизакомъ поддерживалось путемъ оказій. Два раза въ мѣсяцъ почта и проѣзжающіе одновременно выступали изъ Джизака и Чиназа подъ охраной роты пѣхоты и сотни казаковъ. Пѣхота останавливалась на первыхъ станціяхъ (на Малекѣ со стороны Чиназа и на Агачты-Рабатѣ со стороны Джизака), а оказіи подъ охраной казаковъ двигались дальше до станціи Мурза-Рабатъ, гдѣ джизакская сотня принимала оказію отъ Чиназской, а послѣдняя отъ первой и возвращались обратно. Такимъ образомъ шайка Назара захватила Служенко въ то время, когда и со стороны Чиназа и со стороны Джизака въ степи находились русскія войска. Служенко былъ отвезенъ въ Бухару, гдѣ эмиръ принудилъ его принять исламъ и учить бухарскихъ солдатъ военному искусству. Переписка объ освобожденіи Служенко не приводила ни къ какому результату, такъ какъ эмиръ отзывался полнымъ незнаніемъ о его плѣненіи. Когда же было узнано, что шайка Назара, плѣнившая Служенко, гнѣздилась въ сел. Ушма на сѣверномъ склонѣ Нуратинскихъ

горъ въ предѣлахъ Джизакскаго раіона, и что тамъ подъ прикрытіемъ шайки Назара живетъ сборщикъ податей бухарскаго эмира, Джума-бай Ишанъ, который собиралъ подати съ населенія Джизакскаго раіона и требовалъ отъ него покорности эмиру, то и. д. военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области (переименованной изъ Туркестанской), ген. маіоръ Мантейфель, распорядился уничтожить Ушму. Экспедиція туда была предпринята съ 30 сентября по 6 октября и, хотя Ушма была разрушена, ни Назара, ни Джума-бая захватить не удалось.

Подобное положеніе дѣлъ на нашей границѣ ясно указывало на то, что въ Бухарѣ не могли примириться съ потерею Джизака и о заключеніи мира, невыгоднаго для ханства, не думали.

Между тѣмъ 16 сентября Мусабекъ получилъ въ Оренбургѣ условія мира, подписанныя Крыжановскимъ и письма къ эмиру отъ Крыжановскаго и Кауфмана, назначеннаго Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Условія мира, проредактированныя Кауфманомъ, заключали въ себѣ 12 статей, изъ которыхъ 6 статей (4, 5, 6, 7, 8 и 9) касались правъ русскихъ купцовъ въ ханствѣ: права веденія торговли во всѣхъ городахъ ханства, права уплаты торговыхъ пошлинъ наравнѣ съ подданными ханства, права устройства товарныхъ складовъ, права имѣть торговыхъ агентовъ и права пріобрѣтать съ дозволенія Туркестанскаго генералъ-губернатора недвижимыя имущества въ ханствѣ. Статья 9 ограждала русскихъ подданныхъ отъ произвола бухарскихъ властей, такъ какъ по этой статьѣ всѣ жалобы на русскихъ подданныхъ, живущихъ въ ханствѣ должны были подлежать разбору Туркестанскаго генералъ-губернатора. Статьей 10 эмиръ обязывался принять всѣ мѣры къ развитію торговли и промышленности и къ охранѣ торговыхъ путей, а статья 3 обязывала охранять границы отъ набѣговъ всякихъ шаекъ. 11 статья указывала порядокъ будущихъ сношеній съ Россіей не непосредственно съ центральнымъ правительствомъ, а съ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Статья 1 указывала границу между Россіей и Бухарой по самымъ высокимъ точкамъ Кашгаръ-Даванскихъ и Нуратинскихъ горъ, причемъ статья 2 указывала, что точное опредѣленіе границы будетъ возложено на особую смѣшанную коммисію. Наконецъ 12 статья заключала въ себѣ взаимныя обязательства соблюденія договора.

Нужно замѣтить, что въ редакціи Кауфмана условія эти отличались отъ условій, выработанныхъ Крыжановскимъ, главнымъ образомъ по вопросу о границѣ. Крыжановскій включалъ въ предѣлы Россіи крѣпость Яны-Курганъ, Кауфманъ же предложилъ отказаться отъ Яны-Кургана, такъ какъ занятіемъ этой крѣпости не достигалась цѣль упорядоченія воднаго дѣла, а въ то-же время расположеніе въ Яны-Курганѣ русскихъ войскъ являлось какъ-бы вызывомъ къ войнѣ. Кауфманъ предполагалъ, что упорядочить водное дѣло можно было путемъ дипломатическихъ переговоровъ.

Главныя условія договора, заключавшіяся въ статьяхъ 4—10 и направленныя къ упорядоченію положенія русскихъ торговцевъ въ Бухарѣ, представляли изъ себя повтореніе всѣхъ тѣхъ требованій, которыя русское правительство неоднократно, но безуспѣшно, предъявляло Бухарѣ, желая шире открыть бухарскій рынокъ для русскихъ торговцевъ. Соблюденіе этихъ условій должно было быть выгодно и Бухарѣ, такъ какъ, во-первыхъ, несмотря на требованіе уменьшить торговую зякетную пошлину съ русскихъ купцовъ съ 10% до $2^1/_2$ %, доходы эмира должны были увеличиться отъ

большаго привоза русскихъ товаровъ, а, во-вторыхъ, расширеніе торговыхъ операцій должно было способствовать развитію экономической жизни ханства. Поэтому и Крыжановскій и Кауфманъ были увѣрены, что эмиръ не замедлитъ принять договоръ. Но тѣмъ не менѣе они, помимо условій договора, вручили Мусабеку два письма, въ которыхъ старались убѣдить Музаффаръ-Этдина въ той простой истинѣ, что жизнь въ мирѣ двухъ сосѣднихъ государствъ лучше постоянной вражды. Указывая на результаты войны 1866 г., Крыжановскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Повѣрьте, никогда, Ваше Высокостепенство, ничего не выиграете отъ войны съ Россіей; только мирныя сношенія и тѣсная съ нами дружба могутъ быть Вамъ полезны и подданнымъ Вашимъ прибыльны". Тоже писалъ и Кауфманъ: „Твердая воля Бѣлаго Царя—поддержать мирныя сношенія съ сосѣдними державѣ Его владѣніями, оказать полную защиту своимъ подданнымъ всѣхъ вѣроисповѣданій и покровительствовать добрымъ сосѣдямъ для развитія промысловъ и взаимной торговли. Война противна моему Государю, но она по волѣ Его неизбѣжна, если сосѣди не соблюдаютъ святости договоровъ и неприкосновенности границъ и несправедливо поступаютъ съ его подданными. Недавнее прошлое послужитъ тому примѣромъ и да удержитъ оно каждаго отъ вражды съ Россіей". Всѣ эти доводы, казалось, должны были ускорить подписаніе Музаффаромъ условій мира и потому Кауфманъ былъ увѣренъ, что по пріѣздѣ въ Ташкентъ онъ застанетъ тамъ Мусабека съ подписанными эмиромъ условіями.

III.

Каково-же было удивленіе Кауфмана, когда, прибывъ 7 ноября въ г. Ташкентъ, онъ узналъ, что отъ эмира нѣтъ ни подписанныхъ имъ условій, ни даже какого-нибудь письма. А между тѣмъ скорое заключеніе прочнаго мира съ Бухарою Кауфманъ считалъ необходимымъ для устройства новаго края и введенія въ немъ общественнаго управленія, согласно проекта Положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ. Этому устройству мѣшали неурядицы почти на всей нашей границѣ. Шайки всякаго сброда бродили по всему теченію р. Сыръ-Дарьи, нападая не только на мирное населеніе, но также и на вооруженные отряды. Больше же всего этихъ шаекъ было въ Джизакскомъ раіонѣ, гдѣ въ кишлакѣ Ухумъ на сѣверномъ склонѣ Нуратинскихъ горъ, (вблизи разрушенной Ушмы), а также и въ окрестныхъ кишлакахъ поселились чиновники бухарскаго эмира и собирали подати съ населенія 23 кишлаковъ, находящихся въ русскихъ предѣлахъ. Около этихъ сборщиковъ сгруппировились шайки, которыя подъ видомъ сбора податей разбойничали не только въ русскихъ предѣлахъ, но также и въ бухарскихъ. Считая Музаффаръ-Этдина самостоятельнымъ государемъ Бухары, Кауфманъ надѣялся, что по заключеніи мира будетъ водворено спокойствіе въ Джизакскомъ раіонѣ.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на передовой линіи, гдѣ онъ былъ 23 ноября, Кауфманъ для успокоенія Джизакскаго раіона снарядилъ подъ начальствомъ Абрамова экспедицію въ Ухумъ. Что эта экспедиція не должна была быть принята эмиромъ за открытіе военныхъ дѣйствій противъ него, ручательствомъ служило то, что Ухумъ лежалъ въ нашихъ предѣлахъ и что объ этой экспедиціи былъ оповѣщенъ Мусабекъ, бывшій въ то время въ Яны-Курганѣ. Оффиціальнаго пріема Мусабеку Кауфманъ не сдѣлалъ, отложивъ это до возвращенія въ Ташкентъ, гдѣ случайно пріемъ Мусабеку былъ

сдѣланъ 6 декабря въ то самое время, когда Абрамовъ уничтожалъ Ухумъ.

Вмѣсто подписанныхъ Музаффаромъ условій мира Мусабекъ привезъ съ собою только письмо своего государя. Это письмо заключало въ себѣ наборъ фразъ, изъ котораго трудно было что-либо понять. Вотъ полный текстъ этого письма:

„Губернаторъ генералъ-адъютантъ Кауфманъ. Да будетъ извѣстно Ташкентскому командующему войсками, что здоровье мое на степени спокойствія. Въ расположеніи духа затруднительнаго ничего нѣтъ. Посланное условіе съ порученнымъ Мира-хуръ Мусабекомъ получено. Предложенія, высказанныя вышесказаннымъ, доставлены. Всѣ предложенія соотвѣтствуютъ дружбѣ и надеждѣ. Посылаю вышесказаннаго съ надеждой, что онъ доставитъ отвѣтъ, равно посылаю и условія. Два государства, слившись въ одно цѣлое, доставятъ всѣмъ спокойствіе. Обоюдное сообщеніе между ними возобновитъ прежнюю дружбу".

Изъ этого образчика азіатскаго дипломатическаго языка трудно было понять что-либо. Изъ него не видно было, какъ отнесся повелитель „благородной Бухары" къ мирному договору. И если этого не видно было изъ письма, то быть можетъ возраженія эмира противъ договора были высказаны на словахъ его посломъ Мусабекомъ? Но посолъ этотъ былъ тоже представитель азіатской дипломатіи и потому ничего яснаго и опредѣленнаго онъ не сказалъ. Не возражая противъ условій мира, онъ, повидимому, соглашался со всѣмъ, но это соглашеніе было не искреннее.

Что приведенное письмо эмира не являлось результатомъ неумѣнія изложить свои желанія, ясно видно изъ письма его къ Мусабеку, въ которомъ эмиръ жаловался на Абрамова, видя въ его дѣйствіяхъ (экспедиція въ Ухумъ) отрицаніе дружбы. Онъ писалъ, что будто-бы Абрамовъ, требуя возвращенія Служенко, угрожалъ движеніемъ на Самаркандъ. „Если-бы, писалъ эмиръ, было сказано по-дружески, то четыре солдата ничего не значили и я выслалъ-бы ихъ. Но они, не взирая ни на что, пришедши, сожгли нѣсколько кишлаковъ и многихъ мусульманъ сдѣлали покойниками". Этотъ намекъ на Ухумскую экспедицію указываетъ, что на это дѣло эмиръ смотрѣлъ чуть-ли не какъ на начало военныхъ дѣйствій и иниціативу этого приписывалъ „Джизакскому коменданту".

Видя, что Музаффаръ смотрѣлъ на отношенія между Россіей и Бухарой по-азіатски и считалъ возможнымъ осуществленіе угрозы „Джизакскаго коменданта" подобно тому, какъ считалъ въ порядкѣ вещей набѣги бухарскихъ шаекъ, снаряжавшихся Санзарскимъ и Челекскимъ беками безъ вѣдома эмира, Кауфманъ въ письмѣ отъ 19 декабря, успокаивая эмира указалъ ему, что „угрозу свою, если она и была сдѣлана, комендантъ по принятому у насъ порядку не могъ привести въ исполненіе безъ разрѣшенія высшей власти, а потому и принимать это за угрозу не слѣдовало". Не ограничиваясь этимъ, Кауфманъ указывалъ эмиру на необходимость имѣть полное довѣріе другъ къ другу, разъ начаты переговоры для возстановленія и еще большаго развитія вѣковой дружбы Бухары и Россіи. Въ доказательство же готовности эмира исполнить дружескія обязанности, Кауфманъ просилъ его освободить изъ плѣна поручика Служенко съ тремя солдатами, воспретить пограничнымъ бекамъ высылать шайки въ наши предѣлы и, самое

главное, прислать въ Ташкентъ отправленныя изъ Оренбурга условія мира, утвердивъ ихъ своею печатью.

На этотъ разъ эмиръ не замедлилъ отвѣтомъ. Но отвѣтъ его заставилъ Кауфмана недоумѣвать. Возвращая Служенко и трехъ солдатъ, Музаффаръ указывалъ на это, какъ на доказательство дружбы, а по главному вопросу писалъ слѣдующее: „Посланное письмо получено въ хорошій часъ. Смыслъ письма понятъ. Въ посланномъ письмѣ написано, что въ условіи бываетъ печать. Условіе не извѣстно. Объясненное условіе съ приложеніемъ печати должно прибыть со стороны русскихъ и остаться въ благородной Бухарѣ. И съ нашей стороны слѣдующее условіе должно отослаться съ этой стороны".

Когда это письмо было предъявлено Мусабеку, послѣдній заявилъ сначала, что онъ не понимаетъ о чемъ говоритъ эмиръ, а потомъ сказалъ, что и онъ самъ не понимаетъ чего хотятъ отъ Бухары. Такимъ образомъ, оказалось, что всѣ разговоры въ Оренбургѣ объ условіяхъ мира съ Мусабекомъ были безплодны, поэтому Кауфману снова пришлось начинать дѣло сначала, причемъ онъ разъяснилъ, что Музаффару надлежало только скрѣпить своею печатью условія мира и одинъ экземпляръ утвержденныхъ его печатью условій возвратить въ Ташкентъ. Выслушавъ эти разъясненія Мусабекъ воскликнулъ. „Да это очень легко сдѣлать! Если-бы въ Бухарѣ поняли, что Вы отъ насъ требуете только этого, такъ давно бы условія договора были здѣсь". Обѣщанія Мусабека немедленно же написать объ этомъ эмиру вселили въ Кауфманѣ надежду скоро дождаться заключенія съ Бухарой мира. Однако, ни въ январѣ, ни въ февралѣ 1868 г. изъ Бухары не были получены ожидаемыя условія договора, скрѣпленныя печатью Музаффара.

Мусабекъ продолжалъ гостить въ Ташкентѣ и былъ свидѣтелемъ заключенія торговаго договора съ кокандскимъ ханомъ Худояромъ, переговоры съ которымъ быстро привели къ желаемому результату. Надѣясь, что примѣръ Худояра можетъ повліять на Музаффара, Кауфманъ въ концѣ февраля отпустилъ Мусабека въ Бухару, снабдивъ его двумя экземплярами Оренбургскаго договора, подписанными Кауфманомъ, и письмомъ къ эмиру, которому подробно было указано, какъ нужно поступить съ посылаемыми условіями. Въ этомъ письмѣ Кауфманъ, игнорируя неясность письма Музаффара, объяснялъ невысылку Оренбургскихъ условій какими-нибудь недоразумѣніями, такъ какъ въ возвращеніи Служенко видѣлъ готовность эмира исполнить долгъ дружественнаго сосѣда.

По отъѣздѣ Мусабека, Кауфманъ снарядилъ изъ Яны-Кургана подъ начальствомъ маіора Гриппенберга рекогносцировочный отрядъ, которому надлежало пройти по сѣверной сторонѣ Нуратинскихъ горъ, очистить наши селенія отъ бухарскихъ шаекъ Нуратинскаго и Челекскаго бековъ и выбрать мѣсто для постройки русскаго укрѣпленія въ западной части Джизакскаго раіона. Такою мѣрою Кауфманъ разсчитывалъ добиться водворенія спокойствія въ этой части нашихъ владѣній. Гриппенбергъ выступилъ изъ Яны-Кургана 29 февраля, а Кауфманъ 14 марта послалъ эмиру письмо, въ которомъ сообщалъ объ экспедиціи Гриппенберга, разъяснялъ цѣль этой экспедиціи и просилъ эмира „не тревожиться этимъ движеніемъ войска, такъ какъ цѣль его не война, а миръ и введеніе порядка" въ той части края, которая по мирному договору должна принадлежать Россіи. Кромѣ того Кауфманъ просилъ эмира принять мѣры къ тому, чтобы пограничные беки не высылали грабительскихъ шаекъ въ наши предѣлы.

Письмо это было написано уже послѣ того, какъ Гриппенбергъ 7 марта разбилъ подъ Ухумомъ отрядъ бухарцевъ, снаряженный пограничными беками. Узнавъ о такомъ результатѣ Ухумской экспедиціи, Кауфманъ 22 марта написалъ объ этомъ эмиру, еще разъ прося его объяснить бекамъ, что они не должны переходить границу, если дѣйствія ихъ произошли отъ незнанія границы, и наказать ихъ, если они не исполнили распоряженій эмира.

Но Ухумская экспедиція произвела на эмира не то впечатлѣніе, на какое могъ разсчитывать Кауфманъ, предполагая, что его письма достаточно разъяснили Музаффару требованія русскаго правительства.

23 марта въ Ташкентъ явился второй посолъ Музаффара, Мирза Шамсутдинъ, съ письмомъ эмира, гласившимъ: „Нѣкоторыя слова, написанныя въ условіяхъ, показались неясными нашему Высокостепенству, поэтому Мирзу Шамсутдина, человѣка, визиря Мухамедъ Ша-бій-куль Кушбеги, посылаемъ къ Вамъ". Изъ отвѣтнаго письма Кауфмана отъ 24 марта видно, что эмиру не ясенъ былъ пунктъ о границахъ. Очевидно, прося этого разъясненія, эмиръ хотѣлъ узнать въ чьихъ предѣлахъ произошло Ухумское дѣло и не есть-ли это вызовъ на войну.

Разъяснивъ Музаффару главныя основанія пункта о границахъ, т. е. что послѣдняя должна проходить по самымъ высокимъ точкамъ Кашгаръ-Даванскихъ и Нуратинскихъ горъ, Кауфманъ писалъ, что до работъ пограничной коммисіи нельзя точнѣе обозначить границу съ указаніемъ названій разныхъ горъ, такъ какъ онѣ имѣютъ разныя наименованія. Но эта неточность не должна была бы препятствовать утвержденію дружбы, такъ какъ послѣдняя, по мнѣнію эмира, изложенному въ одномъ изъ его писемъ, важнѣе горъ и песковъ. Надѣясь, что разъясненіе вопроса о границахъ должно ускорить высылку въ Ташкентъ утвержденныхъ эмиромъ условій договора, Кауфманъ просилъ Музаффара прислать эти условія въ Ташкентъ до 9 апрѣля, дня назначеннаго Кауфманомъ къ отъѣзду въ Петербургъ. Въ томъ, что Кауфманъ началъ снова надѣяться на скорое окончаніе переговоровъ, большую роль игралъ новый посолъ эмира Мирза Шамсутдинъ, который третируя Мусабека, какъ тупицу, указывалъ, что въ тупости его и заключались причины всѣхъ недоразумѣній и медленности заключенія договора. „Я сказалъ эмиру, говорилъ Шамсутдинъ о Мусабекѣ, что это дувана*), а не посолъ".

Могла-ли, однако, замѣна посла ускорить заключеніе договора? Лучшимъ отвѣтомъ на это можетъ служить очеркъ положенія дѣлъ въ Бухарѣ.

IV.

Безуспѣшность всѣхъ переговоровъ Кауфмана съ Музаффаръ-Этдиномъ съ сентября 1867 г. до марта 1868 г. происходила отъ того, что Музаффаръ не былъ тѣмъ самодержавнымъ правителемъ Бухары, какимъ его хотѣлъ видѣть Кауфманъ. Помимо того, что бухарскіе эмиры всегда подчинялись вліянію той или иной изъ мѣстныхъ партій, личныя качества Музаффара и историческія условія не позволяли ему, даже при его желаніи, рѣшиться на заключеніе мира. Музаффаръ не наслѣдовалъ отъ своего отца эмира Насруллы его душевныхъ качествъ, энергіи, рѣшительности и суровости жестокаго деспота, а историческія обстоятельства задали ему серьезную задачу. Наслѣдовавъ отъ отца громадное вліяніе на политиче-

*) Дувана—идіотъ.

скую жизнь Средней Азіи, Музаффаръ черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти Насруллы долженъ былъ вступить въ борьбу за это вліяніе съ русскими, явившимися въ Среднюю Азію въ качествѣ завоевателей. Первые шаги этой борьбы не могли разбить самоувѣренности Музаффара; наоборотъ, отступленіе Черняева отъ Джизака усилило въ немъ сознаніе его могущества и силы. Ирджарскій погромъ, происшедшій на глазахъ Музаффара, нанесъ его самоувѣренности непоправимый ударъ. Самообольщаться больше уже было нельзя. Поэтому то Музаффаръ и поспѣшилъ освободить посольство Татаринова. Но Ирджарскимъ погромомъ дѣло не кончилось. Музаффару пришлось убѣдиться, что русскіе побѣждаютъ не только въ открытомъ полѣ, но также и при штурмѣ такихъ грозныхъ въ бухарскомъ смыслѣ крѣпостей, какъ Ура-Тюбе и Джизакъ. Эти удары должны были вселить въ Музаффарѣ мысль, что продолженіе войны съ Россіей повлечетъ за собою паденіе „раеподобнаго Самарканда", этой древней столицы Тимура. Такое сознаніе, казалось, должно бы было заставить Музаффара поспѣшить заключить съ Россіей миръ, хотя-бы и на унизительныхъ для „благородной Бухары" условіяхъ. Но въ Бухарѣ, помимо эмира, были и другія силы: правящій классъ и духовенство. Съ этими силами долженъ былъ считаться Музаффаръ. А силы эти настроены были нѣсколько иначе. Правящій классъ въ Ирджарскомъ погромѣ, а также и во всѣхъ остальныхъ неуспѣхахъ борьбы съ русскими видѣлъ оскорбленіе своего національнаго чувства. Нужно помнить, что Бухарцы привыкли видѣть себя побѣдоносными вершителями судебъ если не всей Средней Азіи, то по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ ея, которыя входили въ составъ Бухарскаго и Кокандскаго ханствъ. Это-то самодовольство національнаго чувства было очень сильно какъ разъ передъ началомъ войны съ Россіей: вѣдь Музаффаръ только что совершилъ побѣдоносный походъ въ Кокандъ, гдѣ поддержалъ своего протеже, Худояръ хана. И послѣ такого-то успѣха бухарская армія бѣжитъ съ Ирджарскаго поля и не удерживаетъ за собою Ура-Тюбе и Джизакъ. Смыть этотъ позоръ—было естественнымъ желаніемъ Бухары. Вотъ почему пограничные беки собирали шайки и вели партизанскую войну въ южной части Джизакскаго уѣзда, ожидая призыва къ нападенію на русскіе баталіоны. То-же національное чувство было оскорблено и въ глазахъ бухарскаго духовенства, которое, кромѣ того, въ требованіяхъ мирнаго договора видѣло посягательство на мусульманскую религію. Вѣдь мирный договоръ требовалъ, чтобы въ Бухарѣ, одномъ изъ главныхъ оплотовъ ислама, невѣрные русскіе купцы были-бы сравнены въ уплатѣ торговыхъ пошлинъ съ правовѣрными мусульманами.

Вотъ эти то два оскорбленныя чувства, національное и религіозное, и мѣшали Музаффару согласиться на заключеніе мира на Оренбургскухъ условіяхъ. Заключить миръ на этихъ условіяхъ значило для Музаффара потерять обаяніе Бухары во всей Средней Азіи, значило нанести ударъ исламу,—продолженіе же войны, на которой настаивали духовенство и народъ, должно было-бы повлечь за собою потерю Самарканда, если не всей Бухары. Вотъ разрѣшить эту-то дилемму и надлежало Музаффару. Такая задача, заданная исторіей, была-бы, пожалуй, не по плечу и Насруллѣ хану, а не только слабому Музаффару.

Настроеніе народа сказалось еще въ октябрѣ 1867 г., когда по возвращеніи Мусабека Музаффаръ собралъ совѣтъ для обсужденія привезенныхъ изъ Оренбурга условій мира. На этомъ совѣтѣ Мусабекъ высказался за продолженіе войны, мотивируя это своимъ предположеніемъ, что русскіе,

вѣроятно, потребуютъ уплаты контрибуціи, что было-бы равносильно разоренію народа. Большинство совѣтниковъ также стояло за войну.

Видя въ своихъ совѣтникахъ стремленіе вести войну и сознавая свое безсиліе, Музаффаръ и тянулъ переговоры, готовясь къ борьбѣ. Съ этою цѣлью онъ занялся подготовленіемъ своихъ войскъ, пользуясь услугами плѣнныхъ русскихъ солдатъ и разсылая эмиссаровъ для подговора русскихъ солдатъ изъ татаръ къ дезертирству. Кромѣ того онъ завелъ сношенія съ сосѣдними ханствами (Кокандомъ и Хивой), приглашая ихъ къ союзу для изгнанія русскихъ изъ Средней Азіи. Худояръ-ханъ согласился присоединиться къ этому союзу только послѣ первой побѣды эмира надъ русскими. Такой же уклончивый отвѣтъ дали и шахрисябзскіе беки, хотя въ іюнѣ 1868 г. они сыграли очень видную роль, осаждая Самаркандскую цитадель. Хива же, конечно, была рада видѣть униженіе своей соперницы Бухары. Подготовляя свою армію, Музаффаръ былъ сильно стѣсненъ въ финансовомъ отношеніи. Съ 1865 г. торговля съ Россіей шла очень слабо и потому въ казну эмира мало поступало зякетной пошлины. Чтобы увеличить свои финансы, Музаффаръ наложилъ руку на вакуфные доходы и измѣнилъ курсъ теньги слѣдующей мѣрой. Онъ скупилъ массу теньги на базарахъ по 64 чеки, т. е. по нормальному курсу, а затѣмъ объявилъ, что въ уплату податей теньга будетъ приниматься по курсу въ 132 чеки. Эта мѣра подняла курсъ теньги до 200 чекъ. Такая финансовая мѣра вооружила противъ эмира народъ, который можно было-бы примирить съ Музаффаромъ объявленіемъ газавата, т. е. войны съ невѣрными, для чего народъ готовъ былъ жертвовать не только уплатой податей въ двойномъ размѣрѣ, но и своей жизнью. И народъ, побуждаемый духовенствомъ, ожидалъ провозглашенія газавата, что должно было произойти въ одинъ изъ праздниковъ. Въ ожиданіи этого провозглашенія бухарцы глухо волновались, ожидая съ нетерпѣніемъ праздника Курбанъ-Байрама, установленнаго въ память жертвоприношенія Исаака Авраамомъ. Но когда этотъ праздникъ прошелъ и газаватъ не былъ объявленъ, то духовенство, потерявъ всякую надежду на Музаффара, поголовно возстало противъ него и начало возбуждать къ возстанію и народъ, объявляя Музаффара неспособнымъ управлять ханствомъ и измѣнникомъ исламу, не желающимъ воевать съ русскими. Особенно сильно было волненіе духовенства въ Самаркандѣ, гдѣ Музаффару пришлось употребить военную силу для подавленія мятежа.

Подъ вліяніемъ этихъ волненій Музаффаръ собралъ въ началѣ марта новый совѣтъ для окончательнаго обсужденія вопроса о заключеніи мира съ Россіей. На этомъ совѣтѣ Музаффаръ лично не присутствовалъ, хотя и слѣдилъ изъ ближайшей комнаты за преніями. Послѣднія начались очень бурно, причемъ улемы и слышать не хотѣли о заключеніи мира. Въ одномъ всѣ сходились—именно въ томъ, что Музаффаръ по равнодушію къ вѣрѣ и благосостоянію мусульманъ не способенъ управлять ханствомъ и что мусульманство погибнетъ, если онъ останется эмиромъ. Слыша такія рѣчи, Музаффаръ рѣшилъ спастись отъ возможной смерти и тотчасъ же уѣхалъ изъ Бухары помолиться на могилѣ святаго Богу-Этдина. Послѣ его отъѣзда былъ составленъ риваятъ, объявлявшій вѣроотступникомъ всякаго, кто не возметься за оружіе для борьбы съ русскими, а затѣмъ обсуждался вопросъ о сверженіи Музаффара съ трона и о провозглашеніи эмиромъ его старшаго сына, который еще осенью бѣжалъ отъ отца въ Шахрисябзъ.

Когда Музаффару сообщили о такомъ исходѣ преній на совѣтѣ, то онъ черезъ Гишъ-Дуванъ отправился въ Кермине, гдѣ разсчитывалъ найти преданное ему населеніе. Дорогою на ночлегахъ онъ находилъ подметныя письма, угрожавшія ему смертью, если онъ не выгонитъ русскихъ изъ Средней Азіи, а населеніе всюду встрѣчаетъ его недружелюбно. Дорогою же онъ узналъ о движеніи отряда Гриппенберга вдоль сѣвернаго склона Нуратинскихъ горъ, а въ Кермине получилъ извѣстіе о результатѣ Ухумскаго дѣла.

Угнетенный и безъ того своимъ положеніемъ падающаго съ трона эмира, Музаффаръ видѣлъ въ Ухумскомъ дѣлѣ начало войны, предпринятой русскими. То, чего онъ такъ боялся—своего паденія съ трона, если онъ не начнетъ священной войны, и потери части своихъ владѣній, если будетъ война, —казалось, началось одновременно. Находясь въ такомъ поистинѣ драматическомъ положеніи, Музаффаръ отправилъ Мирзу Шамсутдина съ письмомъ къ Кауфману, желая выяснить въ чьихъ владѣніяхъ Гриппенбергъ произвелъ кровавую расправу, а самъ поѣхалъ въ Бухару, надѣясь, что Ухумское пораженіе покажетъ народу неразумность войны безъ хорошо подготовленной арміи. Но проплыть благополучно еще разъ между зловѣщими для Музаффара Сциллой и Харибдой ему не удалось. Вѣсти объ Ухумскомъ дѣлѣ и толпы бѣжавшихъ изъ подъ Ухума и изъ Нурата только разожгли страсть народа и Музаффаръ при въѣздѣ въ Бухару былъ осыпанъ градомъ упрековъ. Оставаться въ нерѣшительности въ Бухарѣ—значило стать жертвой фанатика убійцы. Теперь Музаффару нужно было уже заботиться не о сохраненіи престижа въ Средней Азіи, а о сохраненіи своей жизни и трона. Русскіе баталіоны еще далеко и еще святой Богу-Этдинъ можетъ ихъ не допуститъ занять Самаркандъ, паденіе же съ трона и смерть не за горами. Еще нѣсколько дней бездѣйствія и придется предстать на судъ Бога не въ свѣтломъ ореолѣ борца за вѣру, а съ печатью труса и измѣнника. Бороться болѣе съ волею народа Музаффаръ не могъ и потому онъ, забравъ съ собою сарбазовъ, отправился въ Кермине, гдѣ торжественно, какъ глава мусульманскаго государства, провозгласилъ газаватъ.

V.

Ожидая результатовъ послѣдняго письма къ эмиру, Кауфманъ отложилъ свой отъѣздъ въ Петербургъ съ 9 апрѣля до 14, но наканунѣ этого дня получилъ достовѣрныя свѣдѣнія о провозглашеніи газавата. При такихъ обстоятельствахъ является безусловно необходимымъ принять мѣры къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и достичь заключенія мира съ Бухарой при помощи штыковъ, разъ письма и переговоры не принесли ожидавшихся результатовъ. Рѣшительныя дѣйствія должны были заключаться въ быстромъ наступательномъ движеніи къ Самарканду, такъ какъ только такая наступательная война и могла дать хорошіе результаты. Опытъ 1866 и 1867 г. показывалъ, что оборонительный характеръ войны способствуетъ увеличенію числа партизанскихъ шаекъ, а наступательный, поражая главныя силы, способствуетъ и уменьшенію числа шаекъ. При оборонѣ нашей громадной границы отъ Казалинска до Вѣрнаго можно было всюду видѣть партизанскія шайки, которыя своимъ примѣромъ, а главное религіознымъ характеромъ войны, могли найти подражателей и въ средѣ населенія Сыръ-Дарьинской области. А это могло-бы крайне осложнить наше положеніе въ Средней Азіи, тѣмъ болѣе, что

военныя силы наши заключались въ 11.200 чел. съ 32 орудіями полевыми и 380 крѣпостными. Такой незначительной арміи пришлось бы вести оборонительную войну по всей границѣ и кромѣ того бороться противъ возставшаго населенія.

Поэтому Кауфманъ при первомъ извѣстіи о провозглашеніи газавата рѣшилъ двинуться къ Самарканду изъ Яны-Кургана, куда и приказалъ собрать войска, а самъ вмѣсто Петербурга выѣхалъ 18 апрѣля въ Чиназъ, гдѣ получилъ извѣстіе, что въ ночь на 15 апрѣля на нашъ легерь у укр. Ключеваго было сдѣлано нападеніе. Медлить долѣе было нельзя, а потому Кауфманъ ускорилъ сборы и когда къ 29 апрѣлю собрались въ Яны-Курганъ назначенныя $27^1/_2$ ротъ, 7 сотенъ казаковъ, 18 орудій и 8 ракетныхъ станковъ, то онъ 30 апрѣля выступилъ къ Самарканду съ отрядомъ въ $20^1/_2$ ротъ, 5 сотенъ, 16 орудій и 8 ракетныхъ станковъ, а 1 мая уже имѣлъ бой на Зеравшанѣ у Чупанъ-Атинскихъ высотъ.

Сборы въ Яны-Курганѣ и походъ къ Самарканду сопровождались перепиской съ Самаркандомъ, откуда 25 апрѣля было получено Кауфманомъ письмо отъ 5 собравшихся тамъ бековъ, которые извѣщали о бывшемъ въ Бухарѣ большомъ совѣтѣ по вопросу о заключеніи мира, а также и о томъ, что Кауфману скоро будутъ доставлены условія мира, утвержденныя Музаффаромъ. Свое пребываніе въ Самаркандѣ эти беки объяснили необходимостью усмиренія возставшихъ самаркандскихъ муллъ. Это письмо дало Кауфману надежду окончить дѣло безъ кровопролитія, а потому онъ замедлилъ отвѣтить самаркандскимъ бекамъ, извѣщая ихъ, что остановить его теперь можетъ исполненіе требованій, посланныхъ эмиру изъ Оренбурга. Кромѣ бековъ онъ послалъ прокламацію къ жителямъ Самарканда, убѣждая ихъ воздѣйствовать на Музаффара для скорѣйшаго утвержденія имъ договора.

Въ Яны-Курганѣ же Кауфманъ получилъ письмо отъ Музаффара, который сообщалъ, что онъ посылаетъ утвержденный договоръ съ Наджмеддинъ Ходжею, такъ какъ, де, ему стало извѣстно отъ самаркандскихъ бековъ, что Кауфманъ идетъ съ войсками не для войны, а для мира.

28 апрѣля Кауфманъ получилъ второе письмо уже отъ 8 бековъ съ увѣдомленіемъ, что они послали эмиру докладъ о скорѣйшей высылкѣ договора и что послѣдній будетъ скоро посланъ, а 30 апрѣля 17 бековъ извѣщали Кауфмана, что договоръ будетъ присланъ вечеромъ 1 мая. Въ тотъ же день, 30 апрѣля, на мѣстности Ташъ-Купрюкъ (Каменный мостъ) на полдорогѣ отъ Яны-Кургана къ Самарканду Кауфмана встрѣтилъ Мирза Шамсутдинъ съ письмомъ отъ эмира. Въ этомъ письмѣ Музаффаръ заговорилъ весьма понятнымъ языкомъ. Онъ разсказалъ про посылку имъ войскъ въ Самаркандъ для усмиренія муллъ въ самаркандскихъ медресе, пожаловался на недобрыхъ людей, которые мѣшали ему раньше утвердить условія мира, сообщилъ о принятіи договора на совѣтѣ, собранномъ въ Бухарѣ, а также упомянулъ, что вслѣдъ за Шамсутдиномъ посылается Наджмеддинъ-Ходжа съ утвержденными условіями. Все въ письмѣ этомъ было правдой, за исключеніемъ сообщенія о принятіи договора на совѣтѣ. О посольствѣ Наджмеддина эмиръ писалъ правду, ибо дѣйствительно 1 мая на берегу Зеравшана Кауфмана встрѣтилъ Наджмеддинъ-Ходжа и вручилъ Кауфману сѣрый свитокъ бумаги съ условіями договора. Но одного взгляда достаточно было, чтобы убѣдиться, что этотъ свитокъ—не тѣ условія, которыя были посланы сначала изъ Оренбурга, а потомъ изъ Ташкента. Оренбургскія условія представляли

изъ себя сшитые листы бѣлой бумагѣ, на которыхъ сначала шелъ русскій текстъ договора, а затѣмъ переводъ этого текста; въ концѣ этихъ условій была подпись и печать Крыжановскаго. Привезенный же Наджмеддиномъ свитокъ представлялъ квадратный листъ сѣрой глянцевитой бумаги, употребляемой въ средне-азіатскихъ ханствахъ. Русскаго текста, а также подписи и печати Крыжановскаго или Кауфмана на немъ не было.

Сдѣланный позднѣе переводъ этого документа обнаружилъ въ немъ много отличій отъ условій Оренбургскихъ. Существенныя отличія заключались въ слѣдующемъ: на верху документа съ одной стороны было написано „Александръ Николаевичъ" а съ другой стороны „Эмиръ Сеидъ-Музаффаръ-Этдинъ". Такой припиской эмиръ хотѣлъ показать, что договоръ заключается имъ съ русскимъ Императоромъ, а не съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Далѣе—въ текстѣ всего договора многія выраженія были смягчены. Такъ, въ статьѣ 4-й договора вмѣсто словъ: „Высокостепенный эмиръ обязуется строго наблюдать за безопасностью и сохранностью русскихъ подданныхъ, находящихся внутри предѣловъ его владѣній, съ ихъ караванами и всѣмъ вообще имуществомъ" было сказано: „эмиръ принимаетъ подъ свое высокое покровительство всю торговлю русскихъ купцовъ въ Бухарѣ." Въ статьѣ 10-й фраза: „со стороны Его Высокостепенства эмира по соглашенію съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ имѣютъ быть приняты всѣ мѣры къ развитію торговли и промышленности" была замѣнена фразой: „Высокостепенный эмиръ и туркестанскій генералъ-губернаторъ по взаимному соглашенію обязаны всѣми силами стараться объ увеличеніи торговли."

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣненіе редакціи обуславливалось несомнѣнно тѣмъ, что сановники эмира не поняли выраженій: такъ, въ 6-й статьѣ фраза о неприкосновенности караванъ-сараевъ русскихъ купцовъ въ городахъ Бухары, была переведена: „кромѣ владѣльцевъ этихъ караванъ-сараевъ никого не допускать въ нихъ". Очевидно тутъ измѣнена редакція исключительно только потому, что не понято было слово неприкосновенность. Но нельзя это сказать относительно многихъ другихъ выраженій, гдѣ измѣненіе редакціи очевидно вызывалось заботами о сохраненіи престижа эмира.

Наконецъ, въ концѣ договора имѣлась приписка, заключавшая въ себѣ соизволеніе эмира принять эти условія. Между строкъ кидался упрекъ Кауфману за движеніе войскъ. „Казалось, говорится въ концѣ этой приписки, нѣтъ болѣе повода къ непріязненнымъ столкновеніямъ. Мы должны бы быть дружны по прежнему, не причинять вреда благосостоянію и торговлѣ нашей, составлять какъ бы одно государство, руководиться однимъ общимъ стремленіемъ къ нашему общему благу и взаимной дружбѣ, чтобы теплыя молитвы угнетенныхъ и страждущихъ съ благодарностью возносились къ Богу."

Этотъ сѣрый листъ бумаги показываетъ, что всѣ разъясненія Кауфмана и указанія его какъ нужно утвердить договоръ остались безъ результата. Эмиръ писалъ Кауфману въ одномъ письмѣ: „Объясненное условіе съ приложеніемъ печати должно прибыть со стороны русскихъ и остаться въ „благородной Бухарѣ". И съ нашей стороны слѣдующее условіе должно отослаться съ этой стороны." Такъ онъ и поступилъ въ данномъ случаѣ.

Но посольство Наджмеддина не принесло желаемыхъ результатовъ, такъ какъ онъ вручилъ Кауфману бухарскую редакцію условій договора на правомъ берегу Зеравшана въ виду массы бухарскихъ войскъ, расположенныхъ на Чупанъ-ата. Поэтому Кауфманъ, въ доказательство готовности Бухары

не начинать войны, потребовалъ удаленія бухарскихъ войскъ. Наджмеддинъ послѣ неудачи посылки джигитовъ самъ поѣхалъ на Чупанъ-ата, но результатъ его поѣздки былъ иной. Лишь только онъ переѣхалъ Зеравшанъ, какъ съ Чупанъ-ата загремѣли пушечные выстрѣлы. Однако, Кауфманъ выждалъ время, назначенное Наджмеддину на исполненіе его обѣщанія и, такъ какъ бухарскія войска не покидали склоновъ Чупанъ-ата, повелъ войска въ аттаку и обратилъ бухарцевъ въ бѣгство.

Письма бековъ и хана, а также посольство Наджмеддинъ-Ходжи—имѣли цѣлью задержать Кауфмана, ибо объ искреннемъ желаніи мира не могло быть рѣчи, разъ былъ провозглашенъ газаватъ. Задержать же Кауфмана нужно было, дабы можно было приготовиться къ борьбѣ. Въ числѣ такихъ приготовленій заключалось устройство каменной плотины черезъ Зеравшанъ для увеличенія глубины брода, отчего позиція на Чупанъ-ата была-бы болѣе неприступна. Но всѣ эти мѣры не привели ни къ чему и послѣ бѣгства бухарской арміи съ Чупанъ-ата 1 мая, жители Самарканда 2 мая выслали на встрѣчу Кауфману депутацію и отворили ему ворота города.

VI.

Занявъ Самаркандъ, Кауфманъ хотѣлъ было образовать изъ него особое владѣніе подъ протекторатомъ Россіи, но отказался отъ этой мысли, такъ какъ между новымъ ханствомъ и Бухарой могла-бы возникнуть вражда, которая рано или поздно заставила-бы Россію вмѣшаться въ это дѣло и присоединить Самаркандъ.

Устроивши же нѣсколько временное управленіе въ занятомъ городѣ и обезопасивъ себя со стороны воинственно-настроеннаго Ургута, Кауфманъ готовъ былъ двинуться дальше къ Бухарѣ, но предварительно рѣшилъ возобновить переговоры съ эмиромъ. 11 мая имъ было послано письмо, въ которомъ онъ указалъ на увеличеніе войскъ и на готовность идти дальше, но, какъ говорится въ письмѣ, „зная волю Государя даровать спокойствіе народамъ“, предлагалъ Музаффару миръ. Подробно же указавъ дальше на причины, побудившія его идти на Самаркандъ, на обстоятельства, сопровождавшія этотъ походъ, особенно на неисполненіе Наджмеддинъ-Ходжею его требованія объ уводѣ войскъ съ Чупанъ-ата, результатомъ чего было дѣло 1 мая и занятіе Самарканда, Кауфманъ заключалъ, что теперь миръ можетъ быть зачлюченъ уже при условіи присоединенія Самарканда къ Россіи. При этомъ для скорѣйшаго водворенія спокойствія въ Бухарѣ онъ предлагалъ Музаффару не терять времени и поспѣшить съ утвержденіемъ новыхъ условій мира. Послѣднія Кауфманъ посылалъ въ Бухару въ двухъ экземплярахъ, причемъ еще разъ разъяснялъ эмиру какъ поступить съ этими условіями.

Это письмо застало эмира въ большомъ уныніи по поводу потери Самарканда и въ большомъ озлобленіи противъ самаркандцевъ, сдавшихъ Кауфману столицу Тимура. Но побудить въ то время Музаффара на заключеніе мира было невозможно, такъ какъ настроеніе умовъ въ Бухарѣ было крайне воинственно. Никто не могъ примириться съ потерей Самарканда. Въ ханствѣ велась сильная агитація. Къ эмиру присоединились въ это время и беки Шахрисябза. Продолжительная стоянка Кауфмана въ Самаркандѣ дала возможность эмиру собрать свою армію, а улемамъ поднять волненіе въ народѣ. Распространеніе этого волненія почти по всей долинѣ Зеравшана побу-

дило Кауфмана двинуть часть войска впередъ и занять 18 мая безъ боя г. Катта-Курганъ. Это движеніе по дорогѣ къ Бухарѣ нѣсколько ослабило волненіе въ ближайшихъ къ Самарканду частяхъ Зеравшанской долины и въ Бухарѣ, чѣмъ и возпользовался Музаффаръ, прославъ въ Катты-Курганъ своихъ пословъ съ утвержденными его печатью Оренбургскими условіями мира. Послы Музаффара привезли его письмо, въ которомъ гордый владыка „благородной Бухары" понизилъ тонъ, прося оставить бѣднымъ мусульманамъ ихъ города и тѣмъ обрадовать его и весь народъ. „Вѣдь города эти ничего не значатъ для Могущественнаго Бѣлаго Царя". Въ этомъ же письмѣ Музаффаръ высказывалъ свою готовность уплатить по силѣ возможности контрибуцію.

Пріѣхавшій въ день прибытія посольства (21 мая) Кауфманъ радушно принялъ этихъ пословъ и поручилъ правителю своей канцеляріи, генералъ-маіору Гейнсу, переговорить съ ними о новыхъ условіяхъ мира.

Имъ было предложено сначала возвратить Бухарѣ всѣ земли, занятыя въ 1868 году подъ условіемъ уплаты въ теченіи восьми лѣтъ 1.150.000 тиллей, т. е. 4.600.000 рублей. Эта сумма представляла собою вѣроятный доходъ восьми лѣтъ съ Самаркандскаго и Катта-Курганскаго вилайетовъ. Но на такой выкупъ части Зеравшанской долины послы эмира не согласились, а потому имъ было предложено оставить эти земли въ рукахъ побѣдителей. Иныхъ условій Кауфманъ предложить не находилъ возможнымъ, такъ какъ совершенно безвоздмездно возвратить занятые города значило бы предать населеніе этихъ городовъ жестокой мести эмира.

Послы Музаффара, возвращаясь 23 мая назадъ, повезли съ собой отвѣтное письмо Кауфмана, который, выражая свое искреннее удовольствіе по поводу вступленія Музаффара на путь мира, разъяснялъ эмиру порядокъ точнаго опредѣленія границы и назначалъ ему какъ сроки внесенія контибуціи въ 125.000 тиллей, т. е. въ 500.000 рублей, такъ и указалъ девятидневный срокъ для утвержденія условій мира и для присылки первыхъ десяти тысячъ тиллей въ уплату контрибуціи. Назначая такой срокъ, Кауфманъ на этотъ разъ не постѣснился пригрозить эмиру тѣми послѣдствіями, которыя могли быть связаны съ неисполненіемъ его требованій. „Неутвержденіе Вами этихъ условій, писалъ Кауфманъ, повлечетъ за собою всѣ тѣ бѣдствія, которыя вмѣстѣ съ враждебными отношеніями къ Россіи должны обрушиться на Васъ и на Бухарское ханство. Предупреждаю Васъ, что чѣмъ долѣе отношенія къ Россіи Бухарскаго ханства останутся неопредѣленными и чѣмъ долѣе, Ваше Высокостепенство, будете откладывать окончательное заключеніе прочнаго и твердаго мира, тѣмъ тяжелѣе будутъ условія, которыя я принужденъ буду предложить вамъ и тѣмъ затруднительнѣе станетъ Ваше личное положеніе. Торопитесь, Ваше Высокостепенство, покуда есть еще время обезпечить Ваше спокойствіе и счастіе, равно какъ спокойствіе и счастіе управляемаго Вами народа".

Въ полной увѣренности, что Музаффаръ, вступивъ на путь заключенія мира, поспѣшитъ съ окончаніемъ этого дѣла, Кауфманъ возвратился въ Самаркандъ ожидать 2 іюня, назначеннаго срокомъ присылки утвержденныхъ условій мира.

Но и на этотъ разъ ожиданія Кауфмана не оправдались. Попытка Музаффара выйдти изъ подъ опеки улемовъ и сановниковъ и дѣйствовать самостоятельно вызвала мятежъ. Массы мятежниковъ собрались въ окрестно-

стяхъ Бухары въ степи Чуль-Малекъ и готовились идти на Бухару, если эмиръ не будетъ продолжать войны съ русскими. Музаффаръ принялъ энергическіи мѣры и нѣсколькими аттаками конницы разсѣялъ мятежниковъ, а чтобы окончательно утишить мятежъ, выслалъ къ нимъ одного ишана, который и успокоилъ народъ. Къ этому времени вернулись изъ Катта-Кургана послы эмира и своими разсказами о малочисленности русскихъ возбудили надежду на успѣхъ при продолженіи войны. Однако, эмиръ самъ лично не рѣшился продолжать-ли войну или заключить миръ, а для обсужденія этого вопроса снова собралъ совѣтъ, на которомъ всѣ стояли за продолженіе войны.

Мятежъ въ Чуль-Малекѣ, энергично подавленный Музаффаромъ, нашелъ, однако, отголосокъ во всей долинѣ Зеравшана. Народъ повсюду готовился къ войнѣ. Къ эмиру присоединился киргизскій султанъ Садыкъ Кенисаринъ, который уже съ 27 мая началъ ежедневно тревожить лагерь генералъ-маіора Головачева около Катта-Кургана. А шахрисябзскіе беки того же 27 мая имѣли дѣло съ Абрамовымъ у Кара-Тюбе къ югу отъ Самарканда. На настроеніе народа указываетъ тотъ фактъ, что Абрамовъ, возвращаясь отъ Кара-Тюбе, въ окрестностяхъ Самарканда былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ садовъ и сакель. Такое положеніе дѣлъ показало Кауфману, что надежды его на скорое заключеніе мира тщетны, а потому онъ рѣшилъ двинуться противъ главныхъ силъ эмира, которыя тревожили лагерь Головачева. 30 мая онъ выступилъ изъ Самарканда, а 2 іюня нанесъ Музаффару окончательное пораженіе на высотахъ Зерабулака. Въ тотъ же день шахрисябзскіе беки съ толпами возставшаго народа начали свои штурмы Самаркандской цитадели. Шестидневная осада этой цитадели, обороняемой горстью русскихъ войскъ (658 штыковъ, 2 орудія и 2 полупудовыя мортиры), поколебала энергію населенія. Подъ стѣнами этой цитадели взявшійся за оружіе народъ увидѣлъ свое собственное пораженіе, а въ Зерабулакскомъ боѣ—пораженіе войскъ эмира.

Во всей этой несчастной для Бухары войнѣ страннымъ является тотъ фактъ, что самаркандскіе жители, сдавшіе 2 мая свой городъ Кауфману, въ концѣ мая берутся за оружіе противъ русскихъ. Странно также и то, что газаватъ, провозглашенный въ концѣ марта, только къ концу мая могъ выразиться въ массовомъ возстаніи мусульманъ противъ русскихъ. Чтобы понять это, надо помнить, что за газаватъ стояло главнымъ образомъ мусульманское духовенство въ лицѣ улемовъ и ишановъ, наставниковъ массъ народа въ исламѣ. Подъ давленіемъ этихъ вѣроучителей народъ взялся за оружіе, а послѣ того какъ ишаны разбѣжались подъ выстрѣлами русскихъ ружей, онъ сложилъ оружіе и принялся за свои обычныя занятія. Главнѣйшая роль въ газаватѣ 1868 г. принадлежитъ ишанству. Одинъ изъ дагбитскихъ ишановъ, Омаръ-Ходжа, былъ въ числѣ главныхъ распорядителей при осадѣ Самаркандской цитадели.

Слово ишанъ по буквальному переводу значитъ они. Называя кого-либо ишаномъ, мусульмане тѣмъ самымъ желаютъ отличить этого человѣка отъ прочей толпы. Именуются же этимъ словомъ исключительно тѣ наставники и учителя ислама, которые, усвоивъ въ совершенствѣ ученіе пророка Магомета, преподаютъ это ученіе множеству своихъ мюридовъ, для которыхъ они являются духовными отцами и руководителями въ ихъ жизни. Мюриды находятся въ полномъ повиновеніи у своихъ ишановъ и въ сомнительныхъ случаяхъ или лично являются къ ишанамъ, или сносятся письмами, прося

указаній, какъ имъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Мюриды, утвердившіеся въ вѣрѣ и пріобрѣвшіе богословскія познанія, получаютъ отъ своихъ ишановъ благословеніе быть, такъ сказать, младшими пирами, халифами, т. е. намѣстниками своихъ ишановъ, а потому могутъ пріобрѣтать своихъ мюридовъ. Число мюридовъ у ишановъ считается тысячами. Такъ у Омара-Ходжи было до 10.000 мюридовъ въ долинѣ Зеравшана. Понятно, что при такой организаціи поддержанія религіи въ народѣ ишанамъ легко подвинуть своихъ мюридовъ на священную войну съ невѣрными. Благодаря ишанамъ, подобнымъ Омару Ходжѣ, народъ присоединился къ борьбѣ съ русскими. Но когда ишаны бѣжали, то и народъ прекратилъ свои аттаки на самаркандскую цитадель.

Пораженіе народа подъ стѣнами самаркандской цитадели, а арміи Эмира на Зерабулакскихъ высотахъ, были послѣдними актами кровопролитной драмы 1868 г. Эти послѣднія событія, а также и вновь вспыхнувшій въ Бухарѣ мятежъ подѣйствовали на Музаффара угнетающимъ образомъ. Если послѣ потери Самарканда онъ скорбѣлъ и говорилъ своимъ приближеннымъ „лучше бы богъ лишилъ меня жизни, чѣмъ этого города", то послѣ Зерабулакскаго боя онъ просилъ у Кауфмана позволенія „прибыть со всею арміею во владѣнія Великаго Государя и, увидѣвъ его, объяснить свое положеніе Великому Бѣлому Царю, а затѣмъ ѣхать въ Мекку". Такимъ образомъ Кауфману предоставлялась полная возможность вычеркнуть съ географической карты Бухарское ханство. Но онъ отвѣтилъ эмиру, что „никогда я не имѣлъ цѣли и желанія уничтожать Бухарское ханство. Какъ прежде, такъ и теперь повторяю, что миръ и спокойствіе сосѣднихъ съ Россіей владѣній составляютъ цѣль моихъ трудовъ и даже моихъ войнъ. Когда могу добиться мира, я войну прекращаю; такова воля Великаго Русскаго Царя". Ободряя эмира заявленіемъ, что онъ не желаетъ уничтоженія Бухарскаго ханства, онъ указалъ, что армія Музаффара можетъ пригодиться ему самому для усмиренія возстанія и упроченія своей власти, въ чемъ Россія даже можетъ помочь ему. „Вѣрьте же, наконецъ, моему слову, что только въ дружбѣ съ Россіей Вамъ можно будетъ возстановить свою власть и ввести порядокъ и спокойствіе между народами, Вамъ подданными". Это ободряющее письмо совпало съ прекращеніемъ волненія въ Бухарѣ, населеніе которой, не видя въ столицѣ эмира, на время скрывшагося, начало успокаиваться, выслушивая рѣчи Наджмеддина-Ходжи и поѣдая его обѣды и все болѣе и болѣе сознавая невозможность борьбы съ Россіей. Поэтому, когда Музаффаръ собралъ въ Кермине совѣтъ, всѣ рѣшили, что продолжать борьбу немыслимо. Эмиръ подписалъ условія, привезенныя ему изъ Катта-Кургана и 23 іюня прислалъ Кауфману 10 тысячъ тиллей, какъ первый взносъ контрибуціи.

VII.

Заключенный Кауфманомъ съ Музаффаромъ миръ отличался отъ условій Оренбургскаго проекта только статьей о границѣ. Событіе 1868 г. и отказъ пословъ Музаффара въ маѣ мѣсяцѣ отъ уплаты въ теченіе 8 лѣтъ 4.60.0000 руб. за возвращеніе занятаго края побудили Кауфмана потребовать перенесенія границы отъ Нуратинскихъ и Кашгаръ-Даванскихъ горъ къ западу отъ Катта-Кургана. Эмиръ въ свою очередь долженъ былъ согласиться на это условіе. Но увеличеніе предѣловъ имперіи не входило въ предположенія

правительства и потому Государь Императоръ Александръ II желалъ возвратить занятую страну Бухарѣ. Однако, возвращеніе не могло быть осуществлено тотчасъ же по заключеніи мира съ Музаффаромъ, такъ какъ такой мѣрой былъ-бы подорванъ престижъ Россіи, только что высоко поставленный туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, имѣвшимъ Высочайшее полномочіе на веденіе всѣхъ дѣлъ съ сосѣдними ханствами съ правомъ объявлять войну и заключать миръ.

Начиная переговоры съ Музаффаромъ о заключеніи мира, Кауфманъ предупреждалъ его, что „война противна Государю, но она по волѣ его неизбѣжна, если сосѣди не соблюдаютъ святости договоровъ и неприкосновенности границъ". Шестимѣсячные затѣмъ переговоры не привели къ желательному результату. Въ томъ же духѣ могли-бы продолжаться эти переговоры, если бы Музаффаръ не былъ принужденъ провозгласить газаватъ. Война стала неизбѣжной. Но и во время войны Кауфманъ сначала убѣждалъ самаркандскихъ бековъ предупредить кровопролитіе воздѣйствіемъ на эмира; затѣмъ снова возобновилъ переговоры съ Музаффаромъ. Но всѣ старанія его были безуспѣшны. Только бой на Зерабулакскихъ высотахъ и геройская оборона самаркандской цитадели помогли Кауфману добиться заключенія мира. Понятное дѣло, что заключеніе послѣдняго могло состояться на такихъ условіяхъ, которыя, являясь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ начатой Бухарою войны, были-бы ощутительны для бухарскаго эмира. Таковыми условіями и были присоединеніе Самарканда и Катта-Кургана къ Россіи и военная контрибуція.

Война 1868 г. высоко подняла престижъ Россіи въ Средней Азіи. Возвращеніе занятыхъ земель неминуемо должно было-бы повлечь за собою упадокъ этого престижа, ибо и въ Бухарѣ, и въ другихъ ханствахъ Средней Азіи отказъ отъ результатовъ войны 1868 г. былъ-бы объясненъ слабостью Россіи, а никакъ не милостью сильнаго государства къ слабому. Послѣдствіемъ же упадка престижа Россіи могла быть новая война съ Бухарой. Поэтому Государь Императоръ, не оставляя своего желанія возвратить Бухарѣ занятыя въ 1868 г. земли, предоставилъ Кауфману право осуществить этотъ возвратъ Самарканда и Катта-Кургана въ такой моментъ, когда-бы эта мѣра, не вызывая новыхъ осложненій въ Средней Азіи, могла-бы въ то-же время послужить къ большему возвышенію престижа Россіи.

Возстаніе Катты-Кургана 1868 г., подавленное только при помощи русскихъ войскъ, безпрерывная вражда шахрисябзскихъ бековъ съ эмиромъ, непопулярность послѣдняго и все болѣе и болѣе увеличивавшееся въ народѣ расположеніе къ Россіи — не могли считаться удобными моментами для возвращенія Бухарѣ долины Зеравшана. Когда же населеніе этой долины привыкло къ управленію русской власти—возвращеніе страны Бухарѣ отдавало-бы это населеніе во власть бухарскихъ сборщиковъ податей, уже забывавшихся народомъ.

Кромѣ этихъ соображеній, на необходимость окончательнаго присоединеніе края къ Россіи указывали и слѣдующіе доводы. Первымъ доводомъ являлось географическое положеніе Самарканда. Рѣка Зеравшанъ, орошая своими водами занятыя въ 1868 г. земли, орошаетъ въ то же время и значительную часть ханства. А такъ какъ верховья Зеравшана съ 1868 г. перешли во владѣніе Россіи, то отъ послѣдней находилась въ экономической зависимости вся Бухара. Другимъ же доводомъ служила граница, пролегавшая по населенной мѣстности. Такое положеніе границы позволяло населенію ханства убѣждаться,

что подъ русскимъ владычествомъ живется лучше, чѣмъ подъ властью эмира, а потому въ случаѣ военнаго столкновенія не такъ легко было-бы поднять противъ Россіи пограничное населеніе. „Я пришелъ къ тому убѣжденію,— писалъ Кауфманъ въ одномъ изъ донесеній 1870 г., — справедливость котораго подтверждается трехлѣтнимъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ въ краѣ, что при нашемъ нравственномъ и матеріальномъ превосходствѣ надъ сосѣдями, самая выгодная для насъ граница въ Средней Азіи—это искусственная, проходящая черезъ населенныя и обработанныя мѣста. Всякая другая, такъ называемая, естественная граница, находясь по большей части внѣ возможнаго съ нашей стороны контроля, легко становится притономъ разбойничьихъ шаекъ и потому можетъ насъ заставить идти впередъ“.

Несмотря, однако, на всѣ эти соображенія, вопросъ о присоединеніи долины Зеравшана къ Россіи былъ окончательно рѣшенъ только 4 декабря 1872 г. въ особомъ совѣщаніи, бывшемъ у князя канцлера Горчакова при личномъ участіи Государя Императора Александра II, а въ 1886 г. по нынѣ дѣйствующему Положенію объ управленіи Туркестанскаго края, земли, занятыя въ 1868 г. составили Самаркандскій и Катта-Курганскій уѣзды вновь образованной Самаркандской области.

О. Шкапскій.

Поѣздка къ каменнымъ бабамъ около Мерке.

Узнавъ, что въ предгорьяхъ Александровскаго хребта, недалеко отъ Мерке, встрѣчаются каменныя бабы, авторъ этой статьи, султанъ А. Т. Темировъ, два ученика Туркестанской учительской семинаріи, Адиль Нурходжиновъ (киргизъ Казалинскаго уѣзда) и Карабай Адильбековъ, 10 августа 1896 года, отправились въ аулъ мѣстнаго богатаго киргиза Нурумбета Бакова, верстахъ въ 10—15 отъ Мерке. Тамъ мы переночевали и на другой день вмѣстѣ съ хозяиномъ, въ сопровожденіи управителя Карагистакской волости, направились осмотрѣть каменныя бабы, расположенныя по близости Мерке. Путеводителемъ былъ самъ Нурумбетъ Баковъ, хорошо знающій мѣстоположеніе бабъ, такъ какъ ему пришлось нѣкоторыя изъ нихъ показывать г. Бартольду и въ прошломъ году французской экспедиціи г. Шафанжона. Сначала онъ намъ показалъ двѣ бабы, привезенныя изъ ущелья Карасай, недалеко отъ его аула, и брошенныхъ въ мѣстности Талды-Булакъ, около старыхъ зимовокъ; ихъ свезли съ горъ, но не довезли до мѣста и бросили. Эти бабы были взяты нами и посланы въ Ташкентъ, а съ оставшихся на мѣстѣ семинаристомъ Адилемъ Нурходжиновымъ сняты фотографіи. Затѣмъ мы отправились по ущелью Карасай къ мѣстности Чуль-Джайлау. Здѣсь въ трехъ мѣстахъ, на разныхъ высотахъ, мы осмотрѣли каменныя груды, около которыхъ лежали бабы. Здѣсь, какъ говорили сопровождавшіе насъ киргизы, кѣмъ-то производились хищническія раскопки, и дѣйствительно камни были разбросаны, ямы разрыты, и бабы нѣкоторыя съ отбитыми частями валялись между камней. Первая группа представляла собою яму, въ одну сажень глубины; камни были раскиданы кругомъ, одна баба оказалась безъ головы, а другая съ отбитой нижнею частью туловища. Повыше оказалась тоже разрытая груда камней, среди которыхъ въ ямѣ лежала баба очень большихъ размѣровъ и хорошо сохранившаяся. Наконецъ, еще выше, на склонѣ горы, съ чуднымъ видомъ на снѣжный хребетъ и близъ лежащія высоты, была еще разрытая груда съ разбросанными камнями, среди которыхъ мы нашли одну цѣлую бабу небольшихъ размѣровъ и другую, разломанную на три части. Цѣльная баба была взята нами и отвезена къ Меркенскому участковому приставу, въ домѣ котораго и оставлена; части же третьей были собраны и срисованы. Великолѣпный видъ открывался съ этого мѣста кругомъ, такъ что, если это было мѣстомъ погребенія, то оно было выбрано съ большимъ вкусомъ; это было самое высокое мѣсто въ горахъ, выше котораго мы уже не поднимались, такъ какъ намъ сказали, что вблизи по Чуль-Джайлау каменныхъ бабъ нѣтъ, или на нихъ по крайней мѣрѣ не на-

тыкались. Отсюда мы стали спускаться и пріѣхали въ ущелье Карасай, обратно въ аулъ, гдѣ отдохнули и затѣмъ спустились въ долину. Тутъ въ мѣстности Бакъ-Текень оказалась масса камней, изъ которыхъ многіе были, очевидно, собраны въ кучи рукою человѣка; нѣкоторыя изъ нихъ проросли кустиками, называемыми у киргизъ „тасъ-джаргенъ". Здѣсь въ кучѣ камней, намъ удалось увидѣть только одну бабу; она была небольшихъ размѣровъ и оказалось сброшенною; окружавшіе ее камни тоже были разбросаны. Затѣмъ черезъ киргизскія распашки мы добрались до одной изъ курганчей, гдѣ Нурумбетъ намъ показалъ собранныя киргизами въ долинѣ четыре бабы; изъ нихъ три стояли во дворѣ курганчи, а четвертая съ замѣчательно хорошо сохранившимся выраженіемъ лица, повидимому, мужчины, оказалась вдѣланною въ стѣну курганчи. Находившіяся на дворѣ были нами взяты и также отправлены въ Ташкентъ, а вдѣланная осталась на мѣстѣ, но съ нея Адилемъ Нурходжиновымъ былъ тщательно снятъ рисунокъ[1]). Въ этотъ день я съ г. Темировымъ уже поздно вечеромъ вернулся домой, сдѣлавъ, такимъ образомъ, около 40 верстъ; семинаристы Карабай и Адиль остались ночевать въ аулѣ Нурумбета, чтобы убѣдиться, есть ли на самомъ дѣлѣ недалеко отъ этого аула бабы, еще врытыя въ землю. На другой день они ихъ розыскали и убѣдились, что на мѣстности Джаланамъ, въ долинѣ, находятся двѣ уцѣлѣвшія груды камня и при нихъ врытыя въ землю бабы, съ которыхъ они и сняли рисунки. Вслѣдствіе этого, я 25-го августа опять отправился одинъ, чтобы осмотрѣть ихъ, при содѣйствіи того же Нурумбета. Дѣйствительно, невдалекѣ отъ его аула мнѣ показали двѣ груды камня, уцѣлѣвшія отъ хозяйничанья искателей мнимыхъ кладовъ, и около нихъ съ восточной стороны стояли двѣ каменныя бабы, обращенныя лицомъ къ восходу солнца, врытыя въ землю по плечи. Сразу бабы незамѣтны; надо хорошо знать мѣстность и имѣть зоркій глазъ киргиза, чтобы ихъ не пропустить и отличить отъ простыхъ камней. Недалеко отъ нихъ, на одномъ пригоркѣ мнѣ показали груду камня, около которой валялась баба съ отбитой головой; мы искали ея голову, но нашли только часть туловища отъ другой бабы. Очевидно, здѣсь были раскопки, и бабы были сброшены и разбиты. Мы ограничились осмотромъ этихъ бабъ, такъ какъ, за недостаткомъ свободнаго времени, не могли предпринять болѣе продолжительной экскурсіи. Между тѣмъ, по разсказамъ киргизъ и чалдаварскаго лѣсного объѣздчика Черепкова, участокъ котораго находится въ горахъ, тамъ повсюду, въ мѣстностяхъ: Аралъ-Тюбе, Чай-Сандыкѣ, Чинъ-Булакѣ, на Коинѣ, подъ Карабалтами и еще далѣе, за Александровскимъ хребтомъ, до такъ называемаго Таласскаго Алатау, находятъ массу бабъ, среди груды камней на разныхъ высотахъ, какъ въ предгорьяхъ и ущельяхъ, такъ и въ долинахъ. Семинаристъ Карабай, самъ мѣстный киргизъ, говоритъ, что видѣлъ одну хорошо сохранившуюся бабу на Сусамырѣ, изъ бѣлаго камня, на перевалѣ Коккія, и слышалъ, что ихъ тамъ встрѣчается много.

Всѣ видѣнныя нами бабы, очевидно, сдѣланы изъ одного матеріала, краснаго камня, напоминающаго ту породу, изъ какой выбиты каменные остатки въ развалинахъ Ахыръ-Ташъ. По внѣшнему виду онѣ различаются можно по нѣкоторымъ признакамъ отличить мужчину отъ женщины: у нѣкоторыхъ верхушка головы закругленная, у другихъ, напротивъ, заостренная'

[1]) Протоколъ 11-го декабря 1892 г. Т. К. Л. Арх.

напоминающая какъ бы высокую шапку или тіару. Всѣ онѣ выбиты со сложенными на животѣ руками, держащими чашу. Это рѣшительно у всѣхъ бабъ; у нѣкоторыхъ замѣтны пальцы, придерживающіе сосудъ. Всѣ бабы были вкопаны въ землю около каменныхъ грудъ, служившихъ, вѣроятно, для погребенія лицъ того племени, черты которыхъ ихъ современники хотѣли оставить своимъ потомкамъ и которыя дошли до насъ черезъ столько вѣковъ. По своимъ размѣрамъ, бабы не очень велики; самая большая въ величину человѣка средняго роста. Вытесаны онѣ, конечно, очень грубо, но всетаки каждая, по выраженію лица, отдѣлкѣ камня, отличается одна отъ другой, сохраняя нѣкоторую индивидуальность. Послѣднія двѣ бабы взяты не съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онѣ стояли, а уже раньше были сдвинуты и свезены киргизами къ себѣ. Одну только мы рѣшились взять съ мѣста, нарушивъ ея вѣковой покой, и оставили въ домѣ пристава, такъ какъ, находясь тамъ, она будетъ недалеко отъ своего прежняго мѣста и этимъ можетъ привлечь къ себѣ вниманіе проѣзжающихъ. Изъ нихъ могутъ найтись люди знакомые съ археологіей, которые заинтересуются этими бабами и найдутъ, быть можетъ, возможность взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ бабы еще находятся на мѣстѣ. Раіонъ распространенія каменныхъ бабъ очень значителенъ въ городахъ, по всему Александровскому хребту и въ долинѣ Сусамыра. Если осмотрѣть ихъ въ большомъ количествѣ, то можно возсоздать до извѣстной степени внѣшній обликъ или общій типъ того племени, черты лица котораго сохранились на этихъ бабахъ. Ранѣе предполагалось, что каменныхъ бабъ въ отрогахъ Александровскаго хребта, къ западу отъ Мерке, по направленію къ Ахыръ-Ташу и далѣе, къ низовьямъ рѣки Таласа, повидимому, не встрѣчается; но послѣ этого въ 1897 году было найдено г. Каллауромъ много каменныхъ бабъ въ разныхъ мѣстахъ: на Кокталѣ у границы Чимкентскаго уѣзда, на рѣкѣ Урмаролѣ, около с. Дмитріевки и даже въ городѣ; всѣ эти бабы разныхъ видовъ и формъ, но довольно грубой выдѣлки*).

Профессоръ Н. Ѳ. Катановъ, въ Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Казанскомъ университетѣ (Т. XII за 1894 г.), въ своей интересной статьѣ „О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ центральной и восточной Азіи“ даетъ, мнѣ кажется, разгадку какому народу принадлежатъ тѣ могилы, на которыхъ стоятъ эти бабы и если мы при этомъ всмотримся въ черты лица ихъ, то съ большимъ вѣроятіемъ можемъ отнести ихъ къ одному изъ тюркскихъ племенъ. Обратимся поэтому къ подлиннымъ словамъ проф. Катанова. Говоря на стр. 3-й о Дулгасцахъ, авторъ замѣчаетъ: „Дулгасцы, или „Тугю (Тюрки), происходившіе отъ Гунновъ и родственные Уйгурамъ, жили „по Черному Иртышу и въ сѣв. части Гобійской пустыни въ V—VII вѣкахъ „по Р. Х. Если кто умиралъ, то брали лошадь, на которой ѣздилъ покой„никъ и вещи, которыя онъ употреблялъ, и потомъ все сожигали вмѣстѣ съ „покойникомъ. Въ зданіи, построенномъ при могилѣ, ставили нарисованный „обликъ покойника и описаніе сраженій, въ которыхъ онъ участвовалъ. Они „женились на мачихахъ, невѣсткахъ и теткахъ, по смерти ихъ мужей. Такъ „поступали и предки ихъ Гунны“.

На стр. 5-й авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о Половцахъ, со словъ Гильема Рюнсбрюка, отправленнаго къ Татарамъ въ 1253 году коро-

*) Сообщеніе г. Каллаура. Каменныя бабы въ Аулієатинскомъ уѣздѣ. (Пр. Т. К. Л. Арх. 11 Декабря 1897 г.).

лемъ Людовикомъ IX. Онъ говоритъ, „что Татары оплакиваютъ своего покой-„ника громкими рыданіями и воплями и затѣмъ освобождаются отъ платежа „податей на весь годъ. Присутствовавшій при чьей-нибудь смерти не можетъ „переступить черезъ порогъ великаго хана цѣлый годъ". Тотъ же Рюнсбрюкъ сообщаетъ, „что у Половцевъ существуетъ обычай дѣлать надъ могилою „умершаго насыпь и ставить на нее статуи съ лицомъ, обращеннымъ къ во-„стоку, и съ чашкою въ рукѣ. Надъ могилами богатыхъ и знатныхъ лицъ „ставятъ маленькіе срубы на подобіе пирамидъ. Надъ могилою вѣшаютъ 16 „лошадиныхъ шкуръ, по 4 съ каждой стороны. На могилѣ они ставятъ въ „посудѣ кумысъ и мясо. Могилы обносятъ камнями, вертикально поставлен-„ными; 4 камня, стоящіе по угламъ, обозначаютъ страны свѣта. Насыпь надъ „могилою дѣлали изъ камней, набросанныхъ въ кучу и обсаживали хвойными „деревьями"[1]).

Въ главѣ о Бельтирахъ (инородцахъ Минусинскаго округа Енисейской губерніи) встрѣчаемъ на стр. 10-й „что они сверху могилы набрасываютъ „много камней. У Сагайцевъ покойниковъ—шамановъ—часто несутъ на высо-„кую гору, тамъ кладутъ шамана на землю, а возлѣ него ставятъ на полкѣ „бубенъ и шубу. Плохого шамана на гору не носятъ. Далѣе у нихъ же „на могилу сверху накладывается куча камней, называемая „кая" (т. е. „скала). Кладбище каждаго улуса находится на горѣ 2—2½ верстахъ (стр. 15)".

Объ Урчихайцахъ, на Черномъ Иртышѣ, на стр. 20. авторъ замѣчаетъ: „Урчихайцы, кочующіе въ Сѣверной Монголіи по Черному Иртышу, дѣлаютъ „изъ древесныхъ вѣтвей подобіе стола и кладутъ на него покойника. Если „покойникъ пользовался уваженіемъ народа, то возлѣ него ставится его изо-„браженіе, вытесанное изъ камня или вырѣзанное изъ дерева. Подлѣ покой-„ника кладутся вещи, употреблявшіяся въ этомъ мірѣ". И, наконецъ, заключая свою интересную замѣтку Лобъ-Норскими татарами, авторъ до-бавляетъ на стр. 32-й: „подобно Тарбагатайскимъ казакъ-киргизамъ, Лобъ-Норскіе татары накладываютъ на могилу кучу камней". Такимъ образомъ, мы находимъ у такого авторитетнаго изслѣдователя прямыя указанія на то, что кучи камней, а иногда изображенія людей слѣдуетъ отнести къ погре-бальнымъ обрядамъ тюркскихъ племенъ. При этомъ нужно вспомнить обычай татаръ ставить такъ называемые кулыгъ-тасы, съ надписями на могилахъ, перешедшій отъ татаръ къ киргизамъ. Такъ напримѣръ, въ Кара-Кумахъ, на возвышенности Кокъ-Дусабакъ, откуда открывается величественный видъ на открытые пески, на вершинѣ ея показываютъ старыя могилы, которыя киргизы почему-то считаютъ „ногайскими",—находится старинный кулыгъ-тасъ. Необходимо обратить вниманіе на форму послѣднихъ, такъ какъ не-

[1]) Капитанъ Масловъ, недавно ѣздившій на Сусамыръ говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ холмъ, окруженный высокими камнями, обрамлявшими его подошву въ стоячемъ положеніи. Въ этомъ же году я видѣлъ около озера Бійликуль, противъ ущелья Биръ-Кара цѣпь кургановъ, до 30, изъ которыхъ нѣкоторые обрамлены рядами невысокихъ камней, врытыхъ въ землю въ стоячемъ положеніи и расположенныхъ около подошвы кургановъ правильными рядами, четыреугольникомъ; курганы эти обложены камнями и на вершинахъ навалены кучки каменьевъ; говорили мнѣ, что въ этомъ мѣстѣ киргизы находили кое какіе предметы: бусы, кусочки металлическихъ украшеній и т. п. достать, однако, ничего не удалось.—Интересно, что каменья, которыми обложены курганы двухъ цвѣтовъ темнаго и бѣлаго, такъ что издали два большіе кургана, которые ближе къ озеру, кажутся, какъ будто въ бѣлыхъ пятнахъ.

вольно приходитъ на мысль, не составляетъ ли эта форма переживаніе прежняго изображенія человѣка, которое мы встрѣчаемъ въ каменныхъ бабахъ. Но, помимо ознакомленія съ внѣшнимъ видомъ могилы и находимыхъ при нихъ изображеній, чтобы придти къ болѣе рѣшительному заключенію, необходимо разрыть нѣкоторыя могилы, въ которыхъ должны быть предметы, указывающіе на культуру того племени, къ которому принадлежалъ покойникъ, такъ какъ, по словамъ того же профессора Катанова (на стр. 1) „Тюркскія „племена въ самое отдаленное отъ насъ время всѣ были шаманистами, а по„томъ, когда въ силу историческихъ обстоятельствъ имъ пришлось разсе„литься по разнымъ странамъ, они столкнулись съ народами, исповѣдывавши„ми христіанство, мусульманство и буддизмъ, и стали исповѣдывать эти три „религіи, сохранивши, впрочемъ, нѣкоторыя обряды прежней своей вѣры, т. е. „шаманства. Болѣе всего шаманскихъ обрядовъ сохранилось у племенъ, ис„повѣдующихъ въ настоящее время христіанство и буддизмъ. Они глубоко „вѣруютъ, что въ загробномъ мірѣ есть свое солнце и своя луна, свои люди „и свой скотъ; что въ загробномъ мірѣ будетъ такая же жизнь, какъ и въ „этомъ, только съ меньшими невзгодами. Глубоко вѣруя, что загробная жизнь „есть продолженіе настоящей, шаманисты клали и кладутъ въ могилу умер„шаго человѣка всѣ предметы, которые онъ употреблялъ въ домашнемъ оби„ходѣ: сѣдло любимаго коня и одежду умершаго, деньги, водку въ сосудѣ, „лукъ, стрѣлы, табачную трубку, кисетъ или кошелекъ съ табакомъ и пищу „въ мѣшкѣ. Обычай класть въ гробъ покойника запасъ пищи и другіе пред„меты существуетъ и теперь, какъ у тюркскихъ племенъ, такъ и у многихъ „другихъ народовъ Урало-Алтайской семьи: у черемисовъ, вотяковъ, мордвы, „пермяковъ, вогуловъ, мещеряковъ, тептярей—язычниковъ, чувашей, лопарей, „остяковъ, якутовъ, тунгусовъ, коряковъ, шляковъ и др.“

Слѣдующая поѣздка, произведенная въ 1898 году, даетъ нѣкоторое понятіе о содержимомъ въ тѣхъ могилахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ мою поѣздку въ с. Мерке весною, киргизъ Асимъ-тюря передалъ мнѣ небольшой свертокъ предметовъ, извлеченныхъ изъ могилы, раскопанной въ горной долинѣ р. Карагистанъ, на Акъ-тасѣ (Александровскій хребетъ). Добраться до этой мѣстности въ маѣ было невозможно, потому что перевалъ былъ закрытъ еще снѣгомъ, а потому я ограничился только тѣмъ, что записалъ со словъ старика Асимъ-тюря. Могила, которая была раскопана, находится на лѣтовкахъ киргизъ Карагистакской волости. Она представляла изъ себя груду камней, подъ которой, на высотѣ человѣческаго роста, были найдены кости, уже истлѣвшія и разсыпавшіяся. При нихъ оказались разныя вещи, которыя были расположены въ извѣстномъ порядкѣ. Послѣднее обстоятельство дало основаніе Асимъ-тюрѣ предположить, что здѣсь погребенъ былъ всадникъ съ лошадью. Подъ камнями находился слой арчи, а затѣмъ могила. Каменнаго изображенія на ней не было, что, по мнѣнію Асимъ-тюри, указываетъ на погребеніе въ этомъ мѣстѣ незнатнаго человѣка: по преданіямъ киргизъ, изображенія ставились лишь у могилъ знатныхъ лицъ. Найденныя вещи не всѣ могли быть извлечены въ цѣлости, такъ какъ при прикосновеніи разсыпались. Извлечь удалось части костяной обкладки сѣдла, кусочки кожи и какой-то матеріи, какіе-то остатки въ пакетикѣ; куски серебряной чаши, разломавшейся при извлеченіи ея; металлическія части удилъ и стремянъ; три наконечника стрѣлъ[1]). Здѣсь напомнимъ, что на стр. 2-й проф. Катановъ упо-

[1]) Вещи переданы въ Т. К. Л. Арх.

минаетъ Плано-Карпини, отправленнаго папою Иннокентіемъ IV къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ 1246 году, который говоритъ, „что если „татары хоронятъ начальника, то погребаютъ также верховое животное со „всей сбруей и сѣдломъ; ѣдятъ на могилѣ другую лошадь". Несмотря на то, что найденные предметы сохранились въ весьма небольшомъ количествѣ и не въ цѣломъ видѣ, но они даютъ нѣкоторое указаніе на способъ погребенія того народа, могилы котораго разбросаны по всему Александровскому хребту и его подошвамъ и изображенія котораго сохранились въ многочисленныхъ каменныхъ бабахъ, найденныхъ въ Аулієатинскомъ уѣздѣ. Я не рѣшаюсь дѣлать какіе-либо выводы на основаніи найденныхъ остатковъ погребальнаго обряда, но не могу не обратить вниманія лицъ, интересующихся археологіей, что найденныя вещи указываютъ на нѣкоторыя стороны культуры того племени, къ которому принадлежалъ погребенный въ этой могилѣ человѣкъ. Напримѣръ: металлическія части сѣдельнаго прибора и наконечники стрѣлъ даютъ указаніе на принадлежность ихъ къ желѣзному вѣку, серебряная чаша и погребеніе съ лошадью даютъ понятіе о тѣхъ представленіяхъ, которыя имѣли люди той эпохи о загробной жизни и т. д. По словамъ Асимъ-тюри, могила была киргизами разрыта для очага, но это неправда, такъ какъ изъ поѣздки съ г. Темировымъ въ горы, мы убѣдились, что киргизы повсемѣстно разрываютъ могилы, извлекая изъ нихъ часто довольно цѣнныя вещи... Такъ, напримѣръ, намъ говорили, что въ одной могилѣ нашли серебряное сѣдло... Находимыя вещи расходятся по рукамъ, и получить ихъ послѣ невозможно. Въ сообщеніи моемъ о каменныхъ бабахъ, читанномъ въ засѣданіи кружка 11 декабря 1896 г., я обращалъ вниманіе на множество сброшенныхъ и разбитыхъ каменныхъ бабъ, что ясно указываетъ на практикуемое мѣстными жителями разрываніе могилъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Асимъ-тюря весьма точно опредѣлилъ значеніе найденныхъ вещей.

У киргизъ появилась въ этомъ отношеніи нѣкоторая наметанность. Любопытно при этомъ переданное однимъ старикомъ преданіе, что въ этихъ мѣстахъ перемѣнилось семь народовъ съ ихъ царствами, управленіями и культурами; къ одному изъ нихъ, къ какому именно, разумѣется, неизвѣстно, киргизы и пріобщаютъ могилы, съ находимыми въ нихъ предметами. Необходимо при этомъ обратить вниманіе на то, что костяки въ нихъ не сохраняются и кости разсыпаются при первомъ же прикосновеніи къ нимъ и притокѣ свѣжаго воздуха, что указываетъ на большую древность этихъ могилъ.

Ассистентомъ при Финляндской Археологической коммиссіи д-мъ Гейкелемъ сдѣланы въ этомъ году, около с. Дмитріевки, на верхнемъ Таласѣ, интересныя раскопки, которыя даютъ представленіе о культурѣ племенъ, оставившихъ слѣды своего существованія по всей вѣроятности въ очень отдаленную отъ насъ эпоху.

И. Аничковъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КИРГИЗСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Киргизъ Сыръ-Дарьинской области, Перовскаго уѣзда, занимающій нынѣ должность Яны-курганскаго волостнаго управителя, Абдулла Ніязовъ, человѣкъ весьма почтенный, по своему очень развитой, видѣвшій на своемъ вѣку многое изъ жизни своего народа, говоритъ, что киргизъ только тогда вполнѣ счастливъ, когда обладаетъ скотомъ, необходимымъ въ обиходѣ степнаго хозяйства.

Онъ весьма обстоятельно разсматриваетъ каждую породу скота, съ которымъ приходится имѣть дѣло киргизу. Описываетъ ихъ жизнь отъ рожденія до смерти, уходъ за ними и, наконецъ, ту пользу, которую извлекаетъ киргизъ отъ той или другой породы скота.

Находя сообщенія Абдуллы Ніязова не лишенными интереса какъ въ научномъ, такъ и въ сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ, мы рѣшились подѣлиться съ читателями, добытыми отъ него свѣдѣніями.

Скотъ, которымъ обладаютъ кочевники-киргизы, Ніязовъ дѣлитъ на пять представителей, а именно: верблюдъ, лошадь, корова, баранъ и козелъ. Изъ нихъ: верблюдъ, корова, баранъ и козелъ, относятся къ разряду قرا مال кара-мал[1]), т. е. жвачныхъ.

Верблюды представляютъ изъ себя два главныхъ типа: جالغوز اوركوش джалгыз-уркуш, т. е. одногорбый и آير اوركوش аир-уркуш—двугорбый. При этомъ самца одногорбаго верблюда называютъ لوك люк, а самку آروانه арвана. Самца двугорбаго верблюда—بورا бора, а самку اينكـكان—инганъ.

Благодаря скрещиванію одногорбыхъ верблюдовъ съ двугорбыми, въ настоящее время получилось семь разновидностей одногорбаго верблюда. Виды эти распадаются на слѣдующія названія: 1) آروانه لوك арвана-люк, 2) بيك باتچه نار бек-батча-нар, 3) قول باتچه نار кол-батча-нар, 4) جامپوز نار джампуз-нар, 5) جونيك نار джунек-нар, 6) قيلاغاى نار кылагай-нар и 7) سوقباق نار—сокбак-нар. Двугорбые же верблюды дѣлятся на три вида:

---

[1]) Въ виду того, что въ Ташкентскихъ типографіяхъ нѣтъ шрифта знаковъ смягченія, мы прибѣгли къ арабской транскрипціи названій животныхъ, встрѣчающихся въ этой статьѣ.

1) آير بورا آير اينلكان — аир-бора — аир-инган, 2) مرضه قوسباق мурза-косбак и 3) كرستى قوسباق — кирсты-косбак.

Вотъ тѣ условія, при которыхъ получились шесть разновидностей одногорбаго верблюда и три разновидности двугорбаго верблюда. Если бора спарить съ арвана, то получится бек-батча-нар, если люк спарить съ кир-инган— получится кол-батча-нар, если спарить бек-батча съ кол-батча — получится джампуз-нар. Если спарить люк, бек-батча и кол-батча съ арвана или съ джампуз, то получится джунек-нар, которыхъ въ Бухарѣ называютъ كينك قولتوق — кенг-колтук. Если спарить люк съ джунек или джунек съ арвана, получится кылагай-нар, если спарить бек-батча, кол-батча и джампуз съ двугорбымъ бора, или же, наоборотъ, означенные верблюды будутъ спарены съ двугорбымъ инган — получится мурза-косбак. Если спарить мурза-косбак съ люк, или арвана съ мурза-косбакъ, то получится кирсты-косбак. Наконецъ, если спарить кирсты-косбак съ кылагай-нар или косбакъ съ кылагай-нар, получится сокбак-нар. Такимъ образомъ у насъ получилось десять разновидностей верблюдовъ. Тутъ не лишне сказать, что беременныхъ верблюдицъ киргизы называютъ بواز боазъ, а небеременныхъ قسر — ксыръ.

Теперь разсмотримъ внѣшній видъ перечисленныхъ верблюдовъ. Начнемъ съ того, что люк и арвана имѣютъ шерсть курчавую, ростъ высокій, на плечахъ шерсть длинную, на концѣ хвоста шерсть также длинную; хвостъ носитъ у него особое названіе چال قويرق чал-куйрук. Арвана обладаетъ большими длинными сосками и даетъ много молока. Длинная шерсть, которая спадаетъ прядями съ шеи и плечъ люка, называется قالغان калкан.

Бекъ-батча-нар имѣетъ высокій горбъ, обладаетъ курчавою густою шерстью, большими бедрами, длинной шеей, корытообразной головой и толстыми ногами. Отличительная черта бек-батча-нар та, что онъ никогда не реветъ.

Далѣе идетъ кол-батча-нар, по внѣшности онъ во всемъ сходенъ съ бек-батча-нар и отличается отъ него тѣмъ, что немного реветъ.

Джампуз-нар имѣетъ шерсть курчавую, не вонючую, какъ это бываетъ у нѣкоторыхъ верблюдовъ, горбъ невысокій, подъ мышками, а также около гладкой части груди, два пучка длинной шерсти, которые называются زولوف зулюфъ. Джампуз-нар никогда не реветъ.

Джунек-нар обладаетъ большимъ животомъ, бедра узкія, шерсть на подобіе козьей—прямая, некурчавая, вѣки толстыя; отличается постояннымъ ревомъ.

Кылагай-нар имѣетъ жиденькую некурчавую шерсть, тонкія ноги, маленькую голову и отличается вообще плохимъ развитіемъ. Реветъ очень много.

Сокбак-нар обладаетъ высокимъ горбомъ, который стоитъ торчмя, роста высокаго, шерсть некурчавая, на видъ некрасивъ, реветъ много.

Двугорбые верблюды, какъ сказано выше, распадаются на три вида. Первый видъ аир-бора-инган—обладаетъ высокимъ ростомъ, имѣетъ большой животъ, шерсть густая, длинная.

Второй видъ мурза-косбак—обладаетъ крѣпкимъ сложеніемъ, курчавою шерстью, на видъ очень красивъ, горбы низенькіе, разстояніе между ними

небольшое, но достаточное для помѣщенія одного человѣка; мурза-косбак не реветъ.

Наконецъ, третій видъ—это кирсты-косбак, онъ съ перваго взгляда очень похожъ на одногорбаго верблюда, потому что горбъ его, имѣя одно широкое основаніе, раздваивается на верху настолько незначительно, что выемку эту можно лишь ущупать руками. Шерсть у него бываетъ длинная, густая, на подобіе козьей, некурчавая. Кирсты-косбак тоже реветъ.

Взрослыхъ некастрированныхъ самцовъ называютъ: люк, нар-бора, а такихъ же молодыхъ: буирчинъ, люкча и нар-борча. Кастрированныхъ одногорбыхъ самцовъ называютъ: акта-люкъ, акта-нар, а двугорбаго атан. Кастрація совершается въ 4-хъ лѣтнемъ (дунен) возрастѣ.

Случный періодъ верблюдовъ всѣхъ породъ начинается съ января и тянется по апрѣль мѣсяцы; исключеніе составляетъ люк, котораго спариваютъ съ января и до 1 мая. При чемъ люк въ состояніи покрыть 30 верблюдицъ, а бора—20. Случный возрастъ самцовъ начинается съ пяти лѣтъ, а самки въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ уже мечутъ первыхъ дѣтенышей.

Періодъ беременности одногорбой верблюдицы продолжается двѣнадцать мѣсяцевъ, а двугорбой четырнадцать. Новорожденныхъ верблюжатъ всѣхъ вообще породъ называютъ—„бота“ съ прибавкою къ этому названію породы, отъ которой произошелъ верблюженокъ, такъ, напримѣръ: люк-бота, нар-бота, косбак-бота, аир-бота, и т. д.

По достиженіи двухлѣтняго возраста (тайлакъ) верблюдамъ прокалываютъ ноздри, а въ три года (кунанъ) уже начинаютъ понемногу пріучать къ вьюку.

Молоко верблюжье служитъ киргизамъ какъ пищевой продуктъ, они его пьютъ, дѣлаютъ изъ него „кымранъ“, т. е. прибавляютъ туда кобылье молоко, квасятъ и получаютъ нѣчто вродѣ кумыза.

Періодъ доенія верблюдицы продолжается обыкновенно 12 мѣсяцевъ. Кромѣ молока верблюды даютъ еще шерсть, которую снимаютъ киргизы одинъ разъ въ годъ, а именно, начиная съ апрѣля до мая мѣсяца.

У двугорбаго верблюда два первые зуба выпадаютъ въ пятилѣтнемъ возрастѣ, а у одногорбаго (нара) въ семилѣтнемъ. У верблюдовъ бываетъ восемь зубовъ, которые носятъ названіе كورك курак, т. е. „лопатка“, иными словами лопаточные зубы. Два среднихъ зуба у двугорбаго верблюда выпадаютъ въ пятилѣтнемъ, а у нара въ семилѣтнемъ возрастѣ. При чемъ вновь вырѣзавшіеся зубы бываютъ, обыкновенно, длиннѣе старыхъ и они называются „каска—тыс“. Послѣ того ежегодно съ обѣихъ сторонъ выпадаютъ по два зуба и замѣняются новыми. Такимъ образомъ двугорбый верблюдъ заполняетъ полный комплектъ зубовъ въ восьмилѣтнемъ возрастѣ, а одногорбый въ десятилѣтнемъ. Признакомъ того, что у верблюда выпали всѣ первые зубы и замѣнились новыми, служитъ то, что всѣ зубы бываютъ у него въ это время уже ровные. Въ одиннадцатилѣтнемъ возрастѣ у верблюда первые два зуба, начинаютъ откалываться; явленіе это киргизы называютъ „бурчак-урды“, оно переходитъ ежегодно въ порядкѣ постепенности и на другіе зубы. Затѣмъ съ тринадцати лѣтъ у верблюда начинаютъ зубы стираться и представляютъ собой, какъ выражается Ніязовъ, точильный камень „кайракъ“, т. е. ровную плоскость. Послѣ двадцатилѣтняго возраста у верблюда почти окончательно стираются зубы, а къ тридцати годамъ остаются только однѣ мясистыя красныя десны. Животное къ концу своей жизни, не имѣя возможности жевать кормъ, подыхаетъ голодною смертью.

Кормъ, употребляемый верблюдами дѣлится на два главныхъ вида, а именно: آق اوط „бѣлая растительность“ и آششى اوط „горькая растительность“. Главнымъ образомъ верблюдъ питается второю. При наличности этого корма верблюдъ вовсе не обращаетъ вниманія на кормъ, называемый Ніязовымъ—„бѣлая растительность“, потому что кормъ послѣдней категоріи не сытный и верблюдъ, питаясь, худѣетъ, и для того, чтобъ поддержать его силы, приходится прибѣгать къ побочному средству, а именно, давать верблюду чаще соли, иначе животному грозитъ истощеніе и смерть.

„Бѣлую растительность“ составляютъ камышъ, мія, биданкъ, дженышка, ачрыкъ, куда и бетеке. „Горькая растительность“: саксаулъ, кара-баткынъ, кара-сура, джантакъ, куйреукъ, чинкылъ, талъ, джида, туранга, торгай-уты, балыкъ-кузъ, кекре, ала-бута, бозъ-бота, джалманъ-кулакъ, бузау-басъ, кокбекъ, джиртылдакъ, читыръ, кызгалдакъ, терскенъ, джузгенъ, акъ-басъ, текесакалъ и т. д.

Въ весеннее время надо остерегаться пасти верблюдовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ произрастаютъ въ это время крайне вредныя для ихъ желудка растенія. Напримѣръ по Сыру растетъ ايراويق „правыкъ“, или же на старыхъ унавоженныхъ мѣстахъ растетъ قراصوره „кара-сура“; оба вида этого растенія весьма вредно дѣйствуетъ на верблюда. Вообще въ отношеніи подножнаго корма нужно беречь верблюдовъ отъ вредныхъ травъ, начиная съ начала года, до нарожденія звѣздъ „Уркаръ“ (Плеяды), т. е. до 10 іюля. Также нужно быть осторожнымъ и въ отношеніи питьевой воды. Въ періодъ съ мая до августа не слѣдуетъ поить верблюдовъ стоячей водой (сары-су) и застоявшейся дождевой водой.

Лучшими верблюдами по качеству считаются люк, арвана, аиръ (двугорбый), бек-батча-нар, кол-батча-нар, джамшуз-нар, мурза-косбак и чунек-нар., плохіе: сокбак, кылагай и кирсты-косбак.

Вторымъ животнымъ въ хозяйствѣ киргиза стоитъ лошадь. Взрослую жеребую кобылу киргизы называютъ „боазъ-біе“, нежеребую „улькунъ-кысръ“, а молодую кобылицу „кысракъ“. Взрослыхъ жеребцовъ называютъ „айгыръ“, а молодыхъ „саурыкъ“. Меріновъ называютъ „атъ“ и „акта“. Здѣсь кстати замѣтимъ, что жеребцовъ холостятъ по 4 году.

Жеребцы спариваются съ кобылами съ апрѣля мѣсяца по 15 іюля. Послѣ этого кобылы жеребятся (колундайды) черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Новорожденные жеребята, смотря по породѣ, получаютъ разныя названія, напримѣръ: „аргамакъ-кулунъ“, „кара-баиръ-кулунъ“ и „казакы-кулунъ“. Частица „кулунъ“ въ переводѣ значитъ „жеребенокъ“. По достиженіи одного года, т. е. въ возрастѣ „тай“, жеребенка уже начинаютъ объѣзжать верхомъ, а по 4 году, въ возрастѣ „дунанъ“, уже онъ годенъ для случки, а кобылица по достиженіи одного года.

Кобыла доится въ теченіе шести месяцевъ. Молоко ея годно исключительно для кумыза, и въ другомъ видѣ въ пищу не употребляется.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ жеребятамъ одного года стригутъ гриву и хвостъ, а жеребятамъ „кунанъ“, т. е. 2-хъ годовалымъ, съ 3-й весны, стригутъ только гриву. Небременнымъ кобылицамъ стригутъ также гриву и хвостъ.

У лошадей выпадаютъ два первыхъ зуба въ возрастѣ „кунанъ“, т. е. двухъ лѣтъ, въ возрастѣ трехъ лѣтъ выпадаютъ съ верхней и нижней челю-

стей четыре лопаточныхъ зуба, затѣмъ въ четыре года съ тѣхъ же челюстей еще четыре зуба, потомъ въ 5 лѣтъ выпадаютъ зубы, находящіеся около корневыхъ зубовъ. Такимъ образомъ, когда выпадутъ всѣ первые зубы и замѣнятся новыми, появляются уже корневые зубы. Лошадь имѣетъ какъ въ верхней, такъ и въ нижней челюстяхъ по шести лопаточныхъ зубовъ. Лошади плохого качества въ шестилѣтнемъ возрастѣ стираютъ такъ называемыя „неровныя поверхности" зубовъ нижней челюсти, а въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ стираются неровныя поверхности и верхней челюсти. Хорошія лошади достигаютъ 40 лѣтняго возраста и никогда не стираютъ своихъ зубовъ.

Перейдемъ теперь къ коровамъ. Взрослую стельную корову называютъ: بوازسغير — „боазъ-сыгыръ", яловую قسير سغير „ксыръ-сыгыръ", а взрослую телку آقتاماق — „актамакъ".

Врослаго быка называютъ بوقه „бока", молодого بوقه‌چه „бокача", а вола اوكوز „окузъ". Послѣдняго кастрируютъ въ 2-хъ лѣтнемъ возрастѣ. Случный періодъ быка съ мая по августъ мѣсяцы. При чемъ одинъ быкъ можетъ покрыть до восьми коровъ.

Коровы телятся послѣ случки черезъ десять мѣсяцевъ. Новорожденыхъ телятъ называютъ: بوزاو „бозау"

Быка пріучаютъ въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ къ верховой ѣздѣ, а также навьючиваютъ тяжестью. Быкъ въ возрастѣ двухъ лѣтъ годенъ къ случкѣ, а телка годна къ этому же по достиженіи одного года. Корова доится въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Молоко ея идетъ въ употребленіе въ разномъ видѣ. Его пьютъ въ сыромъ видѣ, дѣлаютъ простоквашу قاتيق „катыкъ", разбавляютъ потомъ его водой и пьютъ. Напитокъ этотъ называется „айранъ". Изъ сливокъ добывается масло.

Въ двухлѣтнемъ возрастѣ у коровъ выпадаютъ первые два зуба, затѣмъ въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ выпадаютъ два зуба съ верхней челюсти, итакъ потомъ у ней ежегодно выпадаютъ по два зуба. Такимъ образомъ къ восьмилѣтнему возрасту у коровы всѣ первые зубы замѣняются новыми. Продолжительность жизни коровъ и быковъ достигаетъ до двадцатилѣтняго возраста.

Въ то время какъ верблюдъ предпочитаетъ горькую растительность, лошади и рогатый скотъ питаются исключительно „бѣлою растительностью". Коровамъ, быкамъ, а въ особенности верблюдамъ, въ зимнее время надо давать подстилку изъ стараго навоза и отнюдь не давать ложиться на снѣгъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они будутъ худѣть, а затѣмъ болѣть и дохнуть.

Всѣ перечисленныя животныя, достигаютъ полной зрѣлости и силы въ пятилѣтнемъ возрастѣ.

Далѣе, въ четвертой группѣ стоятъ бараны. Взрослую овцу называютъ بوازصاوليق „боазъ-саулыкъ", молодую بوازتوساق „боазъ-тусакъ", а яловыхъ توقدى — „токты".

Взрослыхъ барановъ называютъ قوشقار „кошкаръ", молодыхъ توقدى قوشقا „токты-кошкаръ". Самцы эти въ состояніи покрыть до 50 матокъ. Кладеныхъ барановъ называютъ „азбанъ" и „секъ".

Съ августа мѣсяца подъ брюхо барановъ привязываютъ кошемную котомку كويالك „куякъ“ для того, чтобы они не случались преждевременно съ самками, иначе послѣднія могутъ ягниться въ зимніе холодные мѣсяцы и такимъ образомъ ягнята должны замерзнуть. А снимаютъ эти котомки въ октябрѣ. Въ словарѣ Будагова между прочимъ сказано, что котомка снимается съ 5 по 10 ноября.

Самки ягнятся послѣ случки черезъ пять мѣсяцевъ и пять дней и доятся три мѣсяца. Родившіяся ягнята называются قوزى „кузы“. Ягнята — самцы черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ рожденія уже годны къ случкѣ, а ягнята—самки въ томъ же возрастѣ бываютъ уже въ періодѣ первой беременности.

Съ апрѣля по іюль съ барановъ снимаютъ „джабагу“ (грубая, сбившаяся шерсть), а въ сентябрѣ стригутъ шерсть. Ягнятъ же стригутъ два раза, а именно: въ іюнѣ и сентябрѣ. Ягнятамъ—самцамъ въ 3-хъ мѣсячномъ возрастѣ обрываютъ сѣменной канатикъ.

Предѣльный возрастъ жизни барана ограничивается двѣнадцатью годами. Переваливъ пять лѣтъ они уже начинаютъ стариться.

Въ заключеніе остается сказать кое-что о козлахъ. Говоримъ кое-что потому, что жизнь этихъ животныхъ находится почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ баранами.

Взрослыхъ беременныхъ козъ называютъ „боазъ-ишки“, молодыхъ—„боазъ туча“, а яловыхъ: „ту-ишки“. Взрослыхъ козловъ называютъ: تكه „теке“, молодыхъ: „илакъ-теке“.

Самцы способны покрыть тридцать козъ. Кастрированныхъ козловъ называютъ „серке“.

Состояніе періода беременности у козъ длится 5 мѣсяцовъ и 5 дней. Ягнятъ ихъ называютъ لاق „лакъ“.

Коза доится пять мѣсяцевъ. Шерсть у нихъ стригутъ разъ въ годъ, а именно: въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Козловъ кастрируютъ въ томъ же возрастѣ какъ и барановъ. Продолжительность жизни козла достигаетъ 12 лѣтъ.

Уходъ въ зимнее время за козлами и баранами такой-же какъ и за верблюдами.

Къ настоящей нашей статьѣ мы считаемъ не лишнимъ приложить чертежи верблюжьихъ сѣделъ и описаніе ихъ, позаимствованное нами изъ книги Н. И. Гродекова: „Война въ Туркменіи“. Сѣдла эти различнаго устройства, смотря потому—назначаются ли они для двугорбаго верблюда или одногорбаго.

Сѣдло для двугорбаго верблюда состоитъ изъ трехъ частей: потника (бильдыкъ), орау и собственно сѣдла.

Потникъ имѣетъ видъ, изображенный на фигурѣ 1-й. Узкая часть потника помѣщается между горбами верблюда. Середина потника на разстояніи 12—14 вершковъ отъ хребта, въ обѣ стороны, подшивается другимъ листомъ кошмы, для лучшаго предохраненія спины животнаго.

Орау имѣетъ форму, изображенную на фигурѣ 2-й, и состоитъ изъ двухъ сшитыхъ вмѣстѣ листовъ кошмы, между которыми помѣщаются еще обрѣзки той-же кошмы. Орау имѣется при каждомъ сѣдлѣ, назначеніе ихъ—прикрытіе горбовъ, кочекъ. Орау обвертываютъ переднюю кочку съ передней,

а заднюю съ задней стороны, при чемъ основаніемъ, длинной стороной, кладется кверху. Орау имѣетъ у основанія двѣ веревочки, которыми оно привязывается къ сѣдельнымъ палкамъ. Сначала кладется бильдыкъ, затѣмъ орау и потомъ сѣдло.

Сѣдло состоитъ изъ кошемной кольцеобразной годушки, двухъ палокъ, привязанныхъ къ ней, и двухъ подпругъ. Подушка имѣетъ видъ, изображенный на фигурѣ 3—4, и набивается обыкновенно камышемъ или соломой. Чрезъ всю подушку по верху и по низу ея продергиваются веревочки; посредствомъ ихъ подушка распускается, для исправленія набивки, и стягивается по желанію. Подушка пригоняется по верблюду при помощи двухъ палокъ, соединяемыхъ между собою по концамъ веревками; укорачивая или удлинняя веревки, сближаютъ или раздвигаютъ палки. Подпруги состоятъ изъ волосяныхъ веревокъ или лентъ. Одна изъ нихъ обхватываетъ верблюда почти у переднихъ ногъ, другая обхватываетъ брюхо ближе къ заднимъ ногамъ.

Сѣдло для одногорбаго верблюда бываетъ разнаго устройства. Чаще встрѣчается сѣдло, носящее названіе арвуана, совершенно сходное съ сѣдломъ для двугорбаго верблюда, только для защиты кочки дѣлается особое приспособленіе изъ дерева, имѣющее видъ двухъ лѣсенокъ, боковые брусья которыхъ нѣсколько согнуты, при чемъ бруски одной стороны соединены вверху съ соотвѣтствующими брусками другой стороны. См. фиг. 4, изображащую приспособленіе сбоку, и фиг. 5, изображающую его сзади или спереди.

Другого устройства сѣдло для одногорбаго верблюда изображено на фиг. 6-й сбоку, на фиг. 7-й сзади и на фигурѣ 8-й спереди. Сѣдло это состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ кошемныхъ или изъ другой прочной ткани подушекъ, набитыхъ камышемъ и сшитыхъ такимъ образомъ, что задніе концы ихъ образуютъ заднюю луку сѣдла. Къ подушкамъ прикрѣпляются четыре палки, по двѣ съ каждой наружной стороны сѣдла, какъ показано на фиг. 6-й, назначеніе которыхъ сжиманіе подушекъ и защита горба. Для той-же цѣли служатъ два деревянныхъ бруска, сдѣланныхъ и связанныхъ, какъ показано на фиг. 8-й, и образующихъ какъ бы переднюю луку сѣдла.

Къ сѣдламъ одногорбыхъ верблюдовъ, кромѣ подпругъ, привязываются еще волосяные подхвостники, изображенные на фигурѣ 6-й.

Потника къ этимъ сѣдламъ не дѣлаютъ.

Орау имѣетъ форму, изображенную на фиг. 9-й и 10-й. Одно орау, изображенное на фиг. 10-й, кладется на спину сзади горба, узкой стороной вверхъ, и привязывается веревочками къ палкамъ сѣдла, когда оно будетъ положено. Другое, изображенное на фигурѣ 9-й, кладется спереди горба.

А. Диваевъ

ДЖУГАРА (SORGHUM CERNUUM W.).

Характеристика, пользованіе (особенно при кормленіи лошадей) и разведеніе этого растенія.

I.

Джугара (Sorghum cernuum W.) относится къ небольшой группѣ растеній изъ многочисленнаго видами семействами злаковъ (Gramincae), которое явилось бы сущимъ благодѣяніемъ нетолько для коннозаводчиковъ, но и для всего сельскаго населенія, особенно тѣхъ мѣстностей, гдѣ чуть ли не изъ года въ годъ выгораютъ отъ зноя и засухи овсы и другіе колосовые хлѣба, а также колосовыя и луговыя травы. Обширныя мѣстности въ Африкѣ, въ Аравіи, Египтѣ, Индіи, Китаѣ, Палестинѣ, Туркестанѣ» и др., извѣстныя крайними засухами, держатся если не исключительно, то почти исключительно джугарой и нѣкоторыми другими видами рода Sorghum, каковы: Sorghum vulgare Pers. (дурра или вѣничное сорго), Sorghum effusum (развѣсистое сорго). Лошади, скотъ, домашняя птица и люди получаютъ кормъ и пищу отъ этихъ растеній, между которыми джугара занимаетъ первое мѣсто, какъ одно изъ выносливѣйшихъ и нетребовательныхъ кормовыхъ, да пожалуй и хлѣбныхъ растеній.

Если порыться въ нашей періодической сельско-хозяйственной печати, то читатель найдетъ не мало отчетовъ по опытной культурѣ джугары, и всѣ они отмѣчаютъ выгодность этого растенія. Еще больше такихъ хозяевъ,

которые не сообщали въ печати о своихъ опытахъ съ джугарой. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что только сопастановкой всѣхъ этихъ данныхъ, добытыхъ въ Европейской Россіи, культура джугары могла бы основаться на незыблемыхъ основаніяхъ и распространяться въ глубь Россіи, занимая надлежащее мѣсто въ сѣвооборотахъ, какъ помѣщичьихъ такъ и крестьянскихъ, потому что тѣ и другіе нигдѣ не могутъ похвалиться избыткомъ кормовыхъ и пищевыхъ средствъ.

Только что высказанное замѣчаніе указываетъ, что джугара не новое у насъ растеніе, что кое-гдѣ и особенно на югѣ съ нимъ многіе хозяева уже знакомы. Но все же это растеніе не достаточно оцѣнено и приходится настойчиво будить къ нему вниманіе хозяевъ, если они, введеніемъ въ полеводство новыхъ и новыхъ растеній, желаютъ какъ бы застраховать свои хозяйства отъ абсолютныхъ неурожаевъ, обычныхъ тамъ, гдѣ число воздѣлываемыхъ растеній крайне ограничено, такъ какъ извѣсто, что неблагопріятныя климатическія вліянія не въ одинаковой мѣрѣ отражаются на растеніяхъ, между которыми всегда будутъ такія, которыя легче переносятъ эти вліянія, а то и совершенно не уязвимы.

Остановимся нѣсколько на описаніи этого растенія, которое, какъ мы увидимъ ниже, пріобрѣтаетъ особое практическое значеніе при содержаніи лошадей.

Джугара (Sorghum cernuum), называемая въ Хивѣ «джигури, джуари, джури», извѣстна у сартовъ также подъ названіемъ «гумай», хотя послѣднее названіе распространяется и на Sorghum halapense Pers. Благодаря употребленію въ пищу, зерна джугары на востокѣ часто называютъ «бухарскимъ пшеномъ», «египетскимъ просомъ» и др.

Какъ сказано, джугара—растеніе злаковое, т. е. родственное кукурузѣ, конскому зубу, просу, пшеницѣ, ржи и т. п.; но джугара отличается отъ ближайшихъ своихъ родичей, т. е. отъ другихъ видовъ рода «Sorghum», своеобразнымъ соцвѣтіемъ, которое хотя и представляетъ со-

бою метелку, но не рыхлую и значительно развѣтвленную, какъ напр. у Sorghum vulgare (метельчатое просо), или у Sorghum saccharatum (сахарное просо), но плотную, удлиненно яйцевидную, всегда поникшую къ землѣ. Эта форма соцвѣтія получается отъ того, что вѣточки или стебельки метелки соцвѣтія джугары сильно укорочены, значительно развѣтвлены и болѣе сжаты, чѣмъ у другихъ изъ названныхъ видовъ. Наклоненіе же метелки къ землѣ происходитъ вслѣдствіе того, что главный цвѣтоносъ, выйдя изъ листового покрова, начинаетъ постепенно дугообразно изгибаться, такъ что все соцвѣтіе, поникаетъ и обращается къ землѣ. Ни одинъ изъ видовъ рода «Sorghum» не обнаруживаетъ такого свойства, поэтому и джугару нельзя смѣшать съ иными сорговыми растеніями, съ которыми описываемое растеніе имѣетъ въ другихъ отношеніяхъ много сходства. Впрочемъ у джугары такъ называемыя кроющія чешуйки колосковъ бѣлаго цвѣта, тогда какъ у другихъ сорговыхъ растеній онѣ окрашены въ бурый, или каштаново-бурый цвѣтъ. Вообще же соцвѣтіе, когда оно уже наполнено зернами пріобрѣтаетъ пепельный оттѣнокъ оттого, что членистая ость плодовой пленки чернобураго цвѣта и наружные чешуйки колоска покрыты черными волосками.

Зерна или сѣмена джугары безукоризненнаго бѣлаго цвѣта, шаровидныя, слегка сплюснутыя, вообще же болѣе крупныя, чѣмъ у турецкаго проса (S. vulgare) и сахарнаго сорго (S. saccharatum) и гаоляна. Въ среднемъ діаметръ зеренъ джугары = 3 миллиметрамъ. Зрѣлое соцвѣтіе джугары вѣситъ 2 — 3 фунта, но нерѣдко вѣсъ его достигаетъ 5-ти фунтовъ. При молотьбѣ у большинства зеренъ отдѣляется наружная плодовая пленка, тогда какъ у другихъ сорговыхъ растеній плодовая пленка не отдѣляется отъ зерна. Если джугара не дозрѣла на корню и чѣмъ сырѣе ея соцвѣтіе во время молотьбы, тѣмъ больше въ намолоченномъ зернѣ бываетъ зеренъ плотно покрытыхъ пленками. Обстоятельство это имѣетъ важное хозяйственное значеніе, такъ какъ зерна джугары

покрытыя пленками очень скоро покрываются плѣсѣнью и трудно сохраняются; такая джугара (зерно), извѣстна въ Туркестанѣ подъ названіемъ «башъ-джугара» [1]). Она на рынкѣ цѣнится очень низко и въ качествѣ посѣвнаго зерна признается негодной. Чѣмъ неблагопріятнѣе лѣто (особенно при холодныхъ ночахъ) и чѣмъ раньше наступаютъ въ данной мѣстности осенніе заморозки, тѣмъ больше получается недозрѣлыхъ, заключенныхъ въ пленки зеренъ джугары, т. е. «башъ-джугары». Зерна джугары очень мучнисты и не обладаютъ непріятнымъ вяжущимъ вкусомъ, свойственнымъ зернамъ метельчатаго проса гаоляна и сахарнаго сорго.

Тысяча зеренъ джугары вѣсятъ, въ зависимости отъ величины ихъ, отъ 10,28 до 32,82 грамм. Для посѣва, будутъ ли сѣмена добыты въ собственномъ хозяйствѣ или пріобрѣтены на сторонѣ, всегда слѣдуетъ пользоваться тяжеловѣснымъ, свободнымъ отъ пленокъ зерномъ.

По опытамъ, произведеннымъ въ Херсонской губ. Щербинскимъ [2]), который высѣялъ на $^1/_8$ десятины 1 гарнецъ джугары, собралъ же съ этого участка 7 четвертей зерна, или 21 четверть съ казенной десятины, а годъ спустя разсѣявъ по 4 гарнца на десятину собралъ съ 10 десятинъ 170 четвертей зерна, что составляло колоссальный урожай—самъ 272. Такого обильнаго урожая на югѣ не даетъ ни одинъ хлѣбъ, а между тѣмъ по словамъ г. Щербинскаго—это былъ годъ (1876) далеко неблагопріятный даже для столь устойчиваго растенія, каковымъ является джугара [3]). Г. Измаильскій, производившій опыты съ воздѣлываніемъ джугары въ той же Херсонской губ. (на опытномъ полѣ Херсонскаго Земледѣльческаго училища), былъ менѣе счастливъ относительно урожая зерна джугары. Онъ получилъ съ удобренной деся-

---

[1]) *А. Ф. Миддендорфъ* «Очерки Ферганской долины». Спб. 1882, стр. 242.

[2]) «Землед. Газета» 1877 г. № 11.

[3]) Записки Импер. Общ. сельск. хозяйства южн. Россіи 1877 года. Январь, стр. 56.

тины 126 пуд. зерна и съ неудобренной—92 пуда; но при этомъ указываетъ, что причиною столь незначительнаго урожая были воробьи, стаи которыхъ почти постоянно держались на дозрѣвающей джугарѣ и выклевывали зерна.

Въ русскомъ фунтѣ насчитывается среднимъ числомъ 19400 сѣмянъ разной величины (отъ 2 до 5 миллиметтовъ въ діаметрѣ). По опредѣленіямъ г. Измаильскаго удѣльный вѣсъ зерна джугары=1,343, для зерна же полученнаго изъ Туркестана, онъ значительно ниже и не превышалъ 1,285 [1]).

Такъ какъ зерно джугары составляетъ главную цѣль этой работы, то приведемъ нѣкоторые изъ имѣющихся анализовъ ихъ: по Кенигу [2]), въ зернѣ средне-азіатской джугары содержалось: воды 11,6%, азотистыхъ (бѣлковыхъ) веществъ 19,5%, жира 2,2%, безазотистыхъ экстрактивныхъ веществъ и клѣтчатки 64,2% и золы 1,90%. Зерна джугары съ шелухой, по Штакману [3]), содержатъ: азота 16,493%, безазотистыхъ экстрактивныхъ веществъ, въ томъ числѣ—крахмала 54,031%, декстрина и сахара 9,875%, жира 4,412%, клѣтчатки 1,569%, золы 1,621% и воды 11,594%.

По анализу химической лабораторіи Министерства Земледѣлія, произведенному по порученію Ученаго Комитета того же Министерства [4]), причемъ были анализированы образцы зерна изъ Дюрткульскаго аксакальства, Дюрткульской волости, Шухаранскаго участка, Аму-Дарьинскаго Отдѣла и кромѣ того изъ хозяйства К. В. Нозикова, хуторъ Караулъ-Тепе; эти анализы обнаружили: воды 10—11%, безазотистыхъ экстрактивныхъ веществъ 72,6% (крахмала и растворимыхъ углеводовъ 47—50%),

---

[1]) *Измаильскій.* «Джугара», стр. 3.

[2]) Chemie der menschlichen Nahrungs-und Genussmittel. Berlin. 1880 I. 618.

[3]) Кавказскаго Медицинскаго Общества Протоколы. 3 ч. 1888 г. № 10.

[4]) См. Отчетъ с. хоз. химической лабораторіи Минист. Земледѣлія и Госуд. Имуществъ, вып. III 1892—1900 г., стр. 86.

жира 3,3%—4,3%, клѣтчатки 0,9—1,1% и бѣлковыхъ веществъ 9,6—10,4. Приведенныя аналитическія данныя относились къ урожаю 1898 г., который въ среднемъ достигалъ 120 пуд. зерна съ десятины. При суглинистой почвѣ участокъ для джугары постоянно удобряется навозомъ, смѣшаннымъ съ землей, взятой съ солончаковъ.

По анализамъ Мостынскаго [1]) зерно джугары содержало:

	Азота.	Безазот. экстр. вещ.	Жира.	Клѣтчатки	Золы.	Воды.
Асхабадской	8,53%	69,38%	4,42%	3,24%	2,10%	12,33%
Маргеланской . . .	10,59%	69,34%	4,19%	3,08%	2,25%	10,55%
Кіевской	11,60%	66,82%	4,09%	3,35%	2,59%	11,55%

По Александру Пакалини [2]) стеблевыя части растенія содержатъ:

10,78	14,85	0,2	18,08	2,42	54,41

Все растеніе, въ зеленомъ состояніи содержитъ [3]):

7,86	22,30	1,92	13,17	4,54	51,01

По анализу Штокмана просѣянная мука джугары содержитъ.

16,8	9,578	4,258	1,671	1,907	11,246

Бронниковъ, въ «Архивѣ ветеринарныхъ наукъ» за 1892 г., январь, приводитъ слѣдующій анализъ зерна джугары съ щелухой (плодовыя оболочки): азота 8,6%, безазотистыхъ экстрактивныхъ веществъ, въ числѣ коихъ — плодового сахара 0,6%, тростниковаго сахара 0,6%, крахмала 60,20% и камеди 1,80%; жира 3,20%, клѣтчатки 3,40%, золы 2,50% и воды 9,70%.

Приведенныя выше данныя составныхъ частей зерна джугары показываютъ болѣе или менѣе значительныя колебанія; но подобныя колебанія всегда обнаруживаются и при анализахъ другихъ хлѣбовъ, въ зависимости отъ почвы, климата и пріемовъ культуры.

---

[1]) Южно-Русская Сельско-Хозяйств. газета 1902 г. №№ 18 и 19.

[2]) König. Zusammensetzung und Verdaulichkeit der Futtermitt. 1891 s. 906.

[3]) König. Chemie der menchl. Nahrungs und Lenussmittel. Bd. 1. 1893. s.s. 545 549 559.

Чтобы выяснить пищевое и кормовое значеніе джугары интересно сравнить ее съ зерномъ другихъ растеній, употребляемымъ въ пищу и въ кормъ лошадямъ:

	Азотистыхъ веществъ.	Безазотистыхъ веществъ.	Жиръ.	Клѣтчатки.	Золы.	Воды.
Джугара	11,16%	68,45%	4,06%	2,93%	2,21%	11,14%
Кукуруза	9,45%	69,33%	4,29%	2,29%	1,29%	13,35%
Овесъ	10,66%	58,37%	4,99%	10,58%	3,29%	12,11%
Ячмень	9,66%	66,99%	1,93%	4,95%	3,42%	14,05%

Только что приведенное сравненіе показываетъ, что зерно джугары по богатству азотистыхъ веществъ превосходитъ кукурузу, ячмень и овесъ; особенное же практическое значеніе заключается въ томъ, что въ джугарѣ въ 3—6 разъ менѣе, нежели въ овсѣ, и въ 1—7 разъ менѣе, чѣмъ въ ячменѣ, трудно переваримой клѣтчатки. Относительно же содержанія безазотистыхъ экстрактивныхъ веществъ, главную часть которыхъ составляетъ крахмалъ, джугара стоитъ значительно выше овса и не уступаетъ въ этомъ отношеніи кукурузѣ и ячменю.

По содержанію жира джугара нѣсколько уступаетъ овсу, зерно котораго, какъ извѣстно, изъ всѣхъ хлѣбныхъ злаковъ самое богатое содержаніемъ жира. Относительно свойства жира джугары мы имѣемъ необыкновенно тщательное химическое изслѣдованіе Н. Ф. Андреева [1]). Не вдаваясь въ описаніе сложныхъ пріемовъ этого, въ высшей степени оригинальнаго и важнаго для науки и практики изслѣдованія, замѣтимъ, что послѣднее производилось надъ зерномъ самаго крупнаго сорта Sorghum cernuum, очень распространеннаго въ полеводствѣ Туркестана [2]), причемъ г. Андреевъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Изъ жировыхъ кислотъ, составляющихъ 96% эфирнаго экстракта джугары, преобладаетъ эруковая кислота.

---

[1]) Журналъ опытной агрономіи 1903 г. кн. II, стр. 145—182.

[2]) Кушелевскій. «Матеріалы для медиц., географ. и санит. описанія Ферганской области». Новый Маргеланъ. т. I стр. 240—241.

(Эфирный экстрактъ растеній почти всегда принимается за ихъ жиръ, а между тѣмъ онъ всегда содержитъ нѣкоторое количество веществъ «не жирныхъ», неспособныхъ омыляться, таковы: воскъ, смола, эфирныя масла, хлорофиллъ, красящія вещества и др., изъ коихъ напр. воскъ, смола и эф. масла по элементарному составу мало отличаются отъ жировъ, но по свойствамъ и химическому составу весьма несходны съ жирами).

2) Эруковую кислоту въ жирѣ джугары сопровождаютъ въ небольшомъ количествѣ олеиновая, рициноолеиновая и льняная кислоты.

3) Сочетаніе эруковой кислоты вмѣстѣ съ олеиновой придаетъ жиру джугары нѣкоторое сходство съ жиромъ овса, изслѣдованнымъ др. Малявко-Высоцкимъ [1]); примѣсь же льняной кислоты придаетъ жиру джугары отчасти сходство и съ жиромъ кукурузы, основываясь на изслѣдованіяхъ жира сей послѣдней, произведенныхъ др. Рокитянскимъ [2]).

4) Присутствіе въ жирѣ джугары хотя и въ небольшомъ количествѣ льняной кислоты объясняетъ съ одной стороны медленную высыхаемость жира, а съ другой — непрочность муки изъ зеренъ джугары (конечно при условіи плохого ея храненія).

5) На ряду съ упомянутыми кислотами въ жирѣ джугары находятся летучія жирныя кислоты, между которыми несомнѣнно констатирована валеріановая и такъ называемыя оксикислоты, въ числѣ которыхъ предполагается присутствіе рициноолеиновой.

Въ заключеніе о химическомъ составѣ зерна джугары приведемъ анализъ золы джугары и сравнимъ ее въ этомъ отношеніи съ ячменемъ и овсомъ. Анализъ золы джугары произведенъ г. Тейхомъ [3]); анализъ же золы двухъ названныхъ хлѣбовъ заимствованъ изъ данныхъ таблицъ Вольфа:

---

[1]) «Изслѣдованіе жира овса» дисс. 1894.

[2]) «Изслѣдованіе жира кукурузы» дисс. 1894.

[3]) Южно-русская сельско-хоз. газета. 1902 № 11, стр. 5.

	Джугара.	Ячмень.	Овесъ.
Кали (K_2O)	0,430%	0,821%	0,48%
Натра (Na_2O)	0,027%	0,092%	0,04%
Желѣза (Fe_2O_3)	0,065%	0,063%	—
Фосфорной кислоты (P_2O_5)	0,587%	0,870%	0,62%
Извести (CaO)	0,100%	0,143%	0,10%
Сѣрной кислоты (SO_3) . .	0,020%	0,043%	0,05%
Кремнезема (SiO_2) . . .	0,973%	0,790%	1,05%
Магнезіи (MgO)	0,244%	0,216%	0,19%
Хлора (Cl)	0,020%	0,006%	0,03%
Глинозема (Al_2O_3)	0,052%	0,056%	—

Сравнивая данныя этой таблицы замѣчаемъ, что по содержанію желѣза зерно джугары превосходитъ ячмень; по содержанію фосфорной кислоты джугара уступаетъ ячменю и овсу; этотъ же порядокъ сохраняется и относительно содержанія въ трехъ названныхъ хлѣбахъ щелочей, т. е. натра и кали.

Изъ приведенныхъ выше анализовъ зерна джугары изъ Асхабада, Маргелана и Кіевской губ. весьма интересно отмѣтить фактъ, констатирующій, что при воздѣлываніи джугары въ Кіевской губ. обнаружилось значительное увеличеніе въ составѣ азотистыхъ веществъ. Это даетъ право допускать, что, при перенесеніи культуры джугары на югъ Россіи и вообще въ Европейскую Россію, питательность ее въ этихъ новыхъ условіяхъ разведенія отнюдь не уменьшается, но, наоборотъ, увеличивается. Изъ анализовъ джугары, произведенныхъ г. В. Мыстковскимъ видно, что во всѣхъ изслѣдованныхъ имъ сортахъ джугары настоящіе бѣлковыя вещества составляютъ 96% отъ общаго количества азотистыхъ веществъ. Изъ небѣлковыхъ соединеній въ джугарѣ содержится слѣдующія, содержащія азотъ вещества: амиды и азотистыя основанія.

Относительно практическаго значенія отдѣльныхъ данныхъ, вытекающихъ изъ приведенныхъ анализовъ, прежде всего общаетъ вниманіе содержаніе въ джугарѣ значитель-

наго количества жира. Какъ извѣстно большое содержаніе жира въ кормовыхъ средствахъ животныхъ (и въ частности — лошадей), особенно въ холодномъ климатѣ, крайне важно, такъ какъ жиръ при окисленіи, сопровождавшемъ процессъ дыханія, даетъ наибольшее количество тепла, а слѣдовательно и большое количество механической работы. Въ большомъ содержаніи жира въ зернахъ овса, повидимому скрывается главная причина того общеизвѣстнаго факта, что овесъ сообщаетъ лошадямъ особенно высокую работоспособность. На вліяніе овса, считающагося весьма полезнымъ кормомъ для лошадей во всякомъ возрастѣ и пользованіи ими, видоизмѣняется въ зависимости отъ климатическихъ условій: въ то время какъ овесъ весьма цѣнится въ климатѣ умѣренномъ и холодномъ, онъ уступаетъ мѣсто ячменю для животныхъ, живущихъ въ тепломъ климатѣ. Этимъ можно объяснить благопріятное дѣйствіе джугары въ качествѣ фуража въ Туркестанскомъ Краѣ. А. фонъ-Миддендорфъ [1]) говоритъ, что въ Ферганѣ зерно джугары является главнымъ фуражомъ лошадей. Вслѣдствіе значительнаго содержанія въ джугарѣ сахара жеребята жадно ѣдятъ этотъ кормъ; онъ задается имъ вмѣсто ячменя, который легко вызываетъ воспаленіе желудка у молодыхъ животныхъ. Въ 1886 г. въ Туркестанскомъ военномъ округѣ производились опыты кормленія лошадей джугарою [2]). Производившимъ эти опыты казалось, что при дачѣ въ суточномъ фуражѣ по $12^1/_2$ фунт. джугары на лошадь, лошади въ работѣ сильно потѣли; позднѣе подобные опыты были повторены магистромъ ветеринарныхъ наукъ Бронниковымъ, который пришелъ къ такому заключенію: при сдачѣ на лошадь по 13 ф. джугары въ сутки потѣніе лошадей была не больше того, какъ и при другихъ кормахъ (овсѣ и ячменѣ), и безъ малѣйшаго вреда можно переводить лошадей сразу на кормленіе джугарою.

---

[1]) А. ф.—Миддендорфъ. Очерки Ферганской долины. Спб. 1882 г. с. 242—243.

[2]) «Архивъ ветер. наукъ» іюнь 1893.

Замѣченное же при первыхъ опытахъ потѣніе—по мнѣнію г. Бронникова—объясняется тѣмъ, что работы производились въ жаркое время и что лошади не втянулись въ работу. А. фонъ-Миддендорфъ говоритъ, что во время работы лошадямъ даютъ джугары на $^1/_3$ больше ячменя, и потѣнія отъ джугары—не замѣчается. При кормленіи лошадей джугарой избѣгаютъ скораго послѣ корма поенія; непосредственное за кормомъ джугарой поенія вызываетъ опасныя заболѣванія.

Во время Кокандскаго похода Туркестанскія войска почти исключительно довольствовали лошадей джугарой, благодаря тому, что повсюду находили ее въ краѣ. По сообщенію полковн. Матвѣева, въ Афганскомъ Туркестанѣ (Бадахтанѣ) ячменя вовсе не сѣютъ, лошадей же довольствуютъ исключительно джугарой.

Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно (См. Военно-Медицинскій журналъ январь 1903 г. стр. 335), что въ 1990 г., четырьмя, назначенными изъ офицеровъ и врачей коммиссіями, въ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Маргеланѣ и Петро-Александровскѣ производились опыты надъ двумя серіями лошадей: а) мѣстной породы и б) казацкихъ—киргизской породы; всѣ эти опыты показали, что лошади обѣихъ партіи не обнаруживали никакой потливости, не страдали ногами и не обнаруживали склонности къ ожиренію или упитанности. Выносливость лошадей была безупречна даже при рѣзкихъ переходахъ съ ячменя на джугару. Тѣми же коммиссіями было установлено, что суточная дача джугары на лошадь можетъ ограничиваться 12 фунтами, взамѣнъ 10 фунтовъ ячменя. Точно также былъ опровергнутъ предразсудокъ о трудности сбереженія зерна джугары. Если зерно сберегается раціонально (въ сухомъ помѣщеніи), то оно можетъ пролежать очень долго, не утрачивая своихъ качествъ.

Богатство содержанія въ зернѣ джугары азотистыхъ и въ частности усвояемыхъ бѣлковыхъ веществъ указываетъ на пищевое значеніе его.

Обстоятельство это не можетъ не интересовать сель-

скихъ хозяевъ вообще и въ частности—занимающихся конеразведеніемъ. При высокой урожайности джугары пищевые продукты изъ зерна джугары значительно облегчили бы содержаніе рабочихъ, что при все возрастающей дорговизнѣ пшеницы, овса и ржи не лишено практическаго интереса.

Между прочимъ Гезэ *) говоритъ о джугарѣ, что лепешки изъ нея («les gâteaux et les galettes») - весьма питательны и ими кормится черная раса людей въ Африкѣ. Въ Египтѣ джугара обычная пища феллаховъ (бѣдныхъ земледѣльцевъ), одна или съ молокомъ; ее смѣшиваютъ то просомъ, то съ кукурузою. Зерномъ джугары кормятъ домашнюю пищу; а въ Нубіи лошади и др. травоядныя въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ въ году кормятся стеблями и листьями джугары.

Пэви [1]) говоритъ, что въ Индіи зерно джугары размалываютъ и изъ муки приготовляютъ хлѣбъ. Подобный хлѣбъ отпускался англійскимъ войскамъ во время послѣдняго китайскаго похода и этотъ хлѣбъ находили очень вкуснымъ и хорошимъ. Джонстомъ, описывая зерно джугары, утверждаетъ, что по своему пищевому значенію оно приравнивается къ средней англійской пшеницѣ, а Ледзеби—говоритъ о джугарѣ (которую называетъ «индейскимъ просомъ») какъ о зернѣ, питательность котораго выше риса. В. и М. Наливкины [2]) утверждаютъ, что въ Наманганскомъ уѣздѣ туземцы употребляютъ джугару въ видѣ *кучá* или *куджá*, т. е. жидкой кашицы, съ примѣсью «*катыка*» (кислаго молока). Такое кушанье является въ кишлакахъ любимымъ нетолько бѣднаго и малосостоятельнаго, но и зажиточнаго семейства. Областной врачъ Ферганской области В. І. Кушелевскій [3])

---

*) G. Heuze. Les plantes alimentaires. V. II. 1872. p. 238–248.

[1]) *Пэви*. Чтеніе о пищѣ, пер. М. Манассиной. СПб. 1876 г., стр. 506 и 507.

[2]) *В. и М. Наливкины*. Опытъ быта женщины осѣдлаго насел. Ферганы. Казан. 1886 г., стр. 131.

[3]) *Кушелевскій*. Матер. для медицинской геогр. и санит. описаніе Ферг. Области. Н. Маргеланъ 1890 г. Т. I, стр. 240.

пишетъ между прочимъ, что хлѣбъ въ Ферганѣ бываетъ двухъ родовъ:—«*нанъ*»—пшеничный и *загара*—кукурузный или джугарный. Послѣдній пекутъ въ видѣ лепешекъ, имѣющихъ около 5 вершк. въ діаметрѣ вѣсомъ около 1/2 фунта; края толще, средина ихъ тоньше. Правда, г. Кушелевскій хлѣбъ изъ джугари не одобряетъ и говоритъ, что онъ темный, горьковатый и очень скоро черствѣетъ. Но вѣдь это дѣло вкуса и весьма возможно, что отмѣченные недостатки устраняются искусствомъ хлѣбопекаря, посолкою и др.; такъ напр., хлѣбъ улучшается отъ прибавленія къ мукѣ джугары небольшого количества пшеничной муки, что обычно дѣлаютъ и въ Туркестанѣ, о чемъ узнаемъ изъ книги Шахназарова [1]).

По содержанью бѣлковыхъ веществъ зерно джугары уступаетъ зерну ржи и пшеницы, составляющихъ наиболѣе распространенный матеріалъ для хлѣбопеченія. По видимому это уменьшеніе идетъ главнымъ образомъ на счетъ клейковины, обусловливающей вязкость, поразность, а слѣдовательно и подъемистость или легкость испеченнаго хлѣба; въ этомъ отношеніи джугара сходна съ овсомъ и ячменемъ, мука которыхъ тоже не даетъ подъемистаго, ноздреватаго хлѣба. Хотя приведенные анализы не указываютъ, въ ряду бѣлковыхъ веществъ, содержаніе въ джугарѣ глютена или клейковины, тѣмъ неменѣе по свойствамъ джугароваго хлѣба легко заключить о бѣдности въ немъ клейковины; впрочемъ Гёзэ [2]) прямо отмѣчаетъ, что мука изъ зеренъ джугары почти несодержитъ клейковины.

Василій Гамилевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) *Шахназаровъ*. Оче къ сельск.-хоз. Туркест. Края. СПб. 1898 г., стр. 12.

[2]) Heuze Locircit. p. 251.

128

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

Экономическаго значенія желѣзнодорожной линіи

ТАШКЕНТЪ—ЧИМКЕНТЪ.

Составленъ по порученію и указаніямъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора

Генеральнаго Штаба Капитаномъ *Аносовымъ*.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Р. Голике. Спасская улица, домъ № 17.

1899.

Съ окончаніемъ постройки Самаркандъ — Андижанской жел. дороги и вѣтви ея Ховастъ-Ташкентъ, на очередь становится вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи сѣти нашихъ Средне-Азіатскихъ желѣзныхъ дорогъ и, главнымъ образомъ, о соединеніи ея съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи. Изъ всѣхъ направленій, проэктировавшихся въ этихъ цѣляхъ, наиболѣе важное значеніе имѣютъ два направленія:

1. Ташкентъ—Чимкентъ—Казалинскъ (или Кара-Тугай)—Оренбургъ.

2. Ташкентъ — Чимкентъ — Аулiэ-ата — Вѣрный — линія Сибирской желѣзной дороги.

Первое изъ нихъ, связавъ непрерывнымъ рельсовымъ путемъ Средне-Азіатскую жел. дорогу съ сѣтью дорогъ Европейской Россіи, обезпечитъ намъ возможность, при надобности, быстро перебрасывать въ Туркестанскій край необходимыя силы и средства изъ главнаго источника таковыхъ, изъ внутреннихъ Европейскихъ областей нашего отечества.

Въ тоже время оно несомнѣнно дастъ сильный толчекъ переселенческому движенію русскаго народа на земли Ю. З. Сибири и въ особенности въ богатые уѣзды Сыръ-Дарьинской области.

Второе направленіе, соединивъ Средне-Азіатскую желѣзную дорогу съ Великимъ Сибирскимъ путемъ, дастъ, во-первыхъ, полную возможность взаимнаго обмѣна продуктовъ двухъ различныхъ культуръ: южной Туркестанской и сѣверной Сибирской, и, во-вторыхъ, составитъ непрерывный рельсовый путь, прорѣзывающій по параллели все Туркестанское Генералъ-Губернаторство отъ Красноводска до Копала. Это послѣднее условіе весьма важно въ административномъ отношеніи, какъ облегчающее сношеніе главнаго административнаго центра края Ташкента съ наиболѣе удаленными областями: Закаспійской (Ташкентъ—Асхабадъ 1227 в.) и Семирѣченской (Ташкентъ—Вѣрный 780 в.).

Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе Среднеазіатскаго желѣзно-дорожнаго вопроса несомнѣнно выразится въ проведеніи желѣзно-дорожной линіи въ одномъ изъ указанныхъ выше направленій: или изъ Ташкента, черезъ Чимкентъ и Оренбургъ на соединеніе непосредственно съ вѣтвью дорогъ Европейской Россіи, или изъ Ташкента черезъ Чимкентъ — Вѣрный, на соединеніе съ Великимъ Сибирскимъ путемъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ желѣзно-дорожная линія пройдетъ черезъ г. Чимкентъ, и соединеніе послѣдняго рельсовымъ путемъ съ Ташкентомъ становится, такимъ образомъ, вопросомъ, совершенно независимымъ отъ того направленія, которое приметъ дальнѣйшее развитіе сѣти Средне-Азіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, безразлично: на Оренбургъ или Вѣрный.

Кромѣ того, соединеніе рельсовымъ путемъ Ташкента съ Чимкентомъ становится весьма желательнымъ по слѣдующимъ причинамъ чисто экономическаго характера.

Долины Арыса (Чимкентъ) и Таласа (Ауліэ-ата) являются богатѣйшими раіонами, не только одной Сыръ-Дарьинской области, но и всего сѣверо-востока Туркестанскаго края.

Чимкентскій уѣздъ занимаетъ пространство въ 100,808 кв. вер. съ населеніемъ въ 285,180 чел., Ауліэ-атинскій — въ 68,010 кв. вер., съ населеніемъ въ 279,004 человѣка.

Возрастающее развитіе дѣятельности населенія этихъ уѣздовъ, въ особенности русскаго, доходящаго уже теперь до 17,000 душъ обоего пола и являющагося здѣсь разсадникомъ жизни на началахъ русской гражданственности, обязываетъ придти къ нему на помощь, улучшивъ пути сообщенія съ крупными административными и торговыми центрами края.

Дѣятельность эта по преимуществу земледѣльческая. Плодородіе почвы, особенно въ долинахъ Арыса и Таласа, и благопріятныя климатическія условія — способствуютъ тому, что урожай этихъ уѣздовъ, не только покрываетъ мѣстныя потребности, но и обезпечиваетъ продовольствіе сосѣднихъ областей, не смотря даже на то, что, за неимѣніемъ легкаго сбыта хлѣба, засѣвается лишь незначительная площадь годныхъ къ обработкѣ земель.

Въ 1893 году, прошедшемъ весьма неудачно для сельскаго хозяйства почти всей Сыръ-Дарьинской и Ферганской

областей, земледѣльцы 8-ми волостей Чимкентскаго уѣзда собрали урожай въ самъ 8 озимой пшеницы, и такой-же урожай яровой пшеницы въ Сайрамской волости. Ауліэ-атинскій же уѣздъ съ избыткомъ обезпечилъ не только свое продовольствіе, но и могъ подѣлиться остатками хлѣбныхъ запасовъ съ Ферганскою областью, ощущавшей сильный недостатокъ въ зерновыхъ хлѣбахъ. (Обзоръ Сыръ-Дарьинской области 1893 года страницы 4 и 5).

Въ послѣдующіе три года среднія справочныя цѣны на четверть пшеничной муки въ 3-хъ сосѣднихъ уѣздахъ: Ташкентскомъ, Чимкентскомъ и Ауліэ-атинскомъ были слѣдующія:

Года и уѣзды.	1894.	1895.	1896.
Ташкентскій . . .	10 руб. 37 к.	5 руб. 62,8 к.	4 руб. 39 к.
Чимкентскій . . .	8 » — »	4 » 21,8 »	4 руб. 19,8 к.
Ауліэ-атинскій . .	5 » 88 »	3 » 12,6 »	3 » 13,8 »

Очевидно, что при наличности желѣзной дороги, связывающей наиболѣе плодородныя области края съ линіей Средне-Азіатской желѣзной дороги, явилась бы возможность болѣе легкаго регулированія цѣнъ на хлѣбъ въ пунктахъ наибольшаго сосредоточенія населенія.

Плодородіе же Чимкентскаго уѣзда достаточно хararактеризуется, далеко не исключительными, цифрами урожая 1896 г.

Урожай	Пшеница озимая.	Пшеница яровая.	Ячмень.	Просо.	Кукуруза.	Джугара.	Овесъ.	Конопля.	Картофель.
1896 г. самъ.	12	10	18	45	250	210	15	32	11

Травы уродились также хорошо и населеніе уѣзда, кромѣ 800 тысячъ сноповъ люцерны, собрало свыше $1^1/_2$ милліона пудовъ степнаго сѣна—и это только по скромному подсчету туземной администраціи, основанному на многовѣковомъ страхѣ ханскаго самоуправства, благодаря которому туземное населеніе смотритъ на статистику, какъ на средство фикса, которымъ мусульманскіе правители пользовались безъ мѣры.

Не менѣе важное вліяніе оказало бы проведеніе желѣзнодорожной линіи Ташкентъ—Чимкентъ на развитіе скотоводства въ Чимкентскомъ и Ауліэ-атинскомъ уѣздахъ.

Спросъ на продукты азіатскаго скотоводства ростетъ не только въ Европейской Россіи, но и за границей столь быстро, что партіи скупленнаго въ Сыръ-Дарьинской области сырья уже не удовлетворяютъ предъявляемыхъ требованій. Поэтому и цѣны на шерсть, козій пухъ, мерлушку, овчину и шкуры крѣпнутъ изъ года въ годъ. Наученные русскимъ крестьяниномъ-переселенцемъ, кочевники замѣняютъ серпъ косою и начинаютъ собирать запасы сѣна, что уже хотя немного гарантируетъ номада отъ сокращенія его стадъ, вслѣдствіе зимней безкормицы.

Прилагаемая таблица показываетъ, что количество скота, какъ предмета торга, замѣтно развивается.

Чимкентскій уѣздъ.				
Года	1893	1894	1895	1896
Число головъ рогатаго скота . .	1097836	1114020	1322310	1325590
Продано на сумму въ рубляхъ . . .	188924	231740	637470	693495

Ауліэ-атинскій уѣздъ.				
Года	1893	1894	1895	1896
Число головъ рогатаго скота . .	2269414	2101660	1795570	1790720
Продано на сумму въ рубляхъ . . .	472900	2508500	1966350	3899935

Особенно неблагопріятнымъ для скотоводовъ Ауліэ-атинскаго уѣзда былъ 1896 годъ, который ознаменовался значительнымъ падежомъ въ верблюжьихъ стадахъ. Но причины послѣдняго вытекали не изъ недостатка корма, а изъ переутомленія животныхъ, занятыхъ безпрерывною транспортировкою разныхъ товаровъ къ вокзалу Самаркандской желѣзной дороги и обратно. Громадное количество грузовъ, взятыхъ на срокъ, требовало спѣшной работы и вызывало скопленіе большихъ каравановъ по линіи движенія товара. Запасъ подножнаго корма былъ скоро съѣденъ. Сухой же фуражъ сразу поднялся въ цѣнѣ на столько, что верблюжій вьюкъ мякины, напримѣръ, въ г. Кокандѣ доходилъ до 2 рублей, да ее и не всегда можно было достать (обзоръ Сыръ-Дарьинской области 1896 г. стр. 14). Такимъ образомъ, изнуренное чрезмѣрной работой животное имѣло плохое питаніе, и къ концу ноября мѣсяца верблюды стали падать. Тогда хозяева ихъ, испуганные бѣдствіемъ, нарушили условія съ транспортерами и разошлись по ауламъ, не переставая, однако, терять верблюдовъ, такъ какъ подножный кормъ на зимовкахъ не могъ быстро возстановить растраченныя извозомъ силы животныхъ. Доставка грузовъ замедлилась; транспортныя конторы, взявшія перевозку хлопка, на срокъ, потерпѣли убытки, покрыть которые продажею верблюдовъ возчиковъ не представлялось возможнымъ, за гибелью верблюжьихъ стадъ. Въ одномъ Ауліэ-атинскомъ уѣздѣ за этотъ годъ пало 1750 верблюдовъ, на сумму свыше 30720 рублей. Это обстоятельство, конечно, сразу отозвалось на энергіи караваннаго движенія между Чимкентскимъ и Ауліэ-атинскимъ уѣздами и линіей Средне-Азіатской желѣзной дороги. Послѣдняя, не смотря на сравнительную близость къ помянутымъ уѣздамъ, все-таки не въ силахъ достаточно оживить торговлю ихъ съ внутренними областями края главнымъ образомъ по причинѣ отсутствія удобныхъ способовъ быстраго транспортированія грузовъ непосредственно къ линіи ж. дороги. *Между тѣмъ какъ наличность желѣзнодорожной линіи, соединяющей Чимкентъ съ вокзаломъ г. Ташкента, несомнѣнно дала бы свободный и легкій* выходъ грузамъ богатѣйшихъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области на линію Средне-Азіатской желѣз-

ной дороги и въ частности облегчила бы русскимъ поселенцамъ этихъ уѣздовъ сбытъ продуктовъ сельско-хозяйственной ихъ дѣятельности на Ташкентскій рынокъ.

Съ другой стороны, соединеніе рельсовымъ путемъ Ташкента съ Чимкентомъ несомнѣнно дало бы сильный толчекъ развитію здѣсь культурнаго скотоводства. Уѣзды Чимкентскій и Ауліэ-атинскій, какъ отличающіеся плодородіемъ вообще и обиліемъ кормовыхъ травъ въ особенности, представляютъ всѣ условія, необходимыя для благопріятнаго развитія этой важной отрасли сельскаго хозяйства.

Разведенію тонкорунныхъ овецъ уже положено начало въ Чимкентскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ имѣется до 2000 головъ. Родоначальникомъ ихъ является незначительное стадо, съ большимъ трудомъ пригнанное однимъ изъ переселенцевъ, пришедшимъ изъ Ставропольской губерніи и поселившимся въ сел. Обручевѣ. Предпочтеніе, оказываемое скупщиками шерсти тонкому руну мазаевской овцы, сейчасъ же было подмѣчено осѣдлымъ населеніемъ и нѣкоторые изъ его членовъ купили нѣсколько головъ мериносовъ, такъ что въ настоящее время овцы эти имѣются у многихъ жителей Чимкентскаго уѣзда.

Селеніе Ванновское разводитъ, такъ называемую, волошскую овцу, и хотя ея шерсть не отличается высокими качествами шерсти мериносовъ, тѣмъ не менѣе порода этихъ овецъ также охотно разводится, но исключительно русскимъ населеніемъ.

Прилагаются также попытки къ разведенію каракулеваго овцеводства. Первые опыты (1892 г.), не смотря на общественное мнѣніе мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, сливавшееся въ единодушное заключеніе, что каракуль не можетъ жить въ климатѣ Ташкентскаго и Чимкентскаго раіоновъ, однако привели къ весьма благопріятнымъ результатамъ и доказали, что условія климата и пастбищъ указанныхъ выше раіоновъ дѣлаютъ разведеніе каракуля не только возможнымъ, но и обезпечиваютъ ему безусловный успѣхъ.

Указанныя выше попытки, хотя и незначительныя пока по размѣрамъ, тѣмъ не менѣе заслуживаютъ особаго вниманія,

такъ какъ, съ насажденіемъ въ южныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области (особенно въ Чимкентскомъ и Ташкентскомъ) культурнаго овцеводства, рынокъ нашъ увеличитъ отпускъ высокоцѣннаго сырья (ежегодный оборотъ, напримѣръ, Бухары превышаетъ 5 милліон. руб.) и тѣмъ сослужитъ государственному казначейству службу, которую вправѣ отъ него ожидать, какъ отъ производительнаго центра, находящагося въ раіонѣ высокихъ климатическихъ и почвенныхъ условій. Но это очевидно можетъ быть осуществимо только при условіи улучшенія путей сообщенія, какъ дѣйствительнѣйшаго средства къ удобному и быстрому обмѣну предметовъ производства; въ ряду же этихъ мѣръ первенствующее значеніе, конечно, должно принадлежать идеѣ соединенія рельсовымъ путемъ наиболѣе производительныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области съ линіей Средне-Азіатской желѣзной дороги. Короче, идеѣ соединенія г. Чимкента съ г. Ташкентомъ.

Столь же благотворное вліяніе окажетъ эта желѣзно-дорожная линія и на другіе виды добывающей промышленности, въ ряду которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ хлопководство и горный промыселъ.

До 1892 года среди хлопководовъ Ташкента существовало убѣжденіе, что Ташкентская уѣздная пограничная черта является крайней сѣверной предѣльной линіей распространенія хлопчатника въ Сыръ-Дарьинской области. Однако произведенные въ томъ же году опыты доказали неосновательность такого мнѣнія и въ настоящее время хлопководный раіонъ, захвативъ весь Чимкентскій уѣздъ, продвинулся къ городу Туркестану. Въ 1893 году площадь, находившаяся подъ посѣвами хлопка въ Чимкентскомъ уѣздѣ, занимала уже 2 тысячи десятинъ и дала сбору свыше 10-ти тысячъ пудовъ; что же касается дальнѣйшаго развитія хлопководства въ Чимкентскомъ уѣздѣ, то таковое можетъ быть достаточно охарактеризовано прилагаемой таблицей, выражающей положеніе этой промышленности въ 1896 году.

Площадь, находящаяся подъ посѣвами въ десятинахъ.		Средній урожай хлопка на 1 десятину въ пуд.		Собрано неочищеннаго хлопка въ пудахъ.		Получено чистаго волокна хлопка въ пуд.		Плата за доставку 1-го пуда хлопка.		Цѣна 1-го пуда чистаго волокна на мѣстѣ съ пересылкой и упаковкой.	
Америк.	Туземный.	А.	Т.	А.	Т.	А.	Т.	До Красновод	До Ташкента.	Америк. 1 сор.	Тузем. 1 сор.
2530	1342	4396	35	110450	47026	35888	15283	1р.75к	25 к.	6р. 35к	6р. 30к

Таблица эта, вмѣстѣ съ вышеприведенными цифрами за 1893 годъ, показываетъ, что за первые-же 3 года площадь, находящаяся подъ посѣвомъ хлопка, увеличилась на 1872 десятины, а сборъ чистаго волокна хлопка увеличился почти на 50 тысячъ пудовъ, т. е. на сумму болѣе 300 тысячъ руб.

Въ виду того, что нѣтъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ хлопководства въ Чимкентскомъ уѣздѣ, естественно придти къ заключенію о безусловной необходимости помочь этому дѣлу облегченіемъ сбыта хлопка и удешевленіемъ доставки его къ линіи Средне-Азіатской желѣзной дороги. Единственнымъ же средствомъ къ этому можетъ служить только продолженіе вѣтки этой дороги (Черняево-Ташкентъ) до самаго раіона вновь возникающаго хлопководства до г. Чимкента.

Съ проведеніемъ ея получитъ развитіе и горный промыселъ Чимкентскаго уѣзда. Вопросъ о дешевомъ топливѣ для Туркестанскаго края, бѣднаго лѣсомъ, является вопросомъ первостепенной важности, отъ удачнаго разрѣшенія котораго зависитъ не только удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго населенія и развивающейся сѣти желѣзныхъ дорогъ, но и судьба металлургическаго дѣла и горнозаводской промышленности края.

Пока такимъ дешевымъ топливомъ можетъ быть только каменный уголь, добываемый на мѣстѣ. Разработка каменно-

угольныхъ залежей Чимкентскаго уѣзда въ незначительномъ количествѣ производилась еще въ 1893 году, при чемъ единственнымъ потребителемъ этого угля была Чимкентская воинская команда.

Къ 1895 году была открыта Ольгинская шахта, принадлежащая почетному гражданину Савинкову. Среднимъ числомъ въ день работало внутри ея 15, а на поверхности 10 углекоповъ, добывшихъ за время съ 1-го Января по 15-ое Мая 1896 года, когда работы были прекращены, 15 тысячъ пудовъ угля, болѣе чѣмъ въ предшествовавшемъ году на 13 тысячъ пудовъ. Принадлежащій тому же лицу «Шурфъ № 2» въ 1896 году былъ тоже оставленъ, хотя въ предшествовавшій 1895 годъ далъ 17990 пудовъ угля. Весь добывавшійся уголь шелъ на нужды сантониннаго завода владѣльца копей. Старыя копи, какъ напримѣръ Татариновская—на Акъ—Тасты—Булакѣ, въ Ала-Таускихъ горахъ, или другая—по р. Лингеръ, въ 25 верстахъ къ востоку отъ г. Чимкента, не разрабатывались. Точно также никто пока не приступалъ къ разработкѣ угля въ Ауліэ-атинскомъ уѣздѣ, хотя заявки и были сдѣланы на залежи Куюкской волости, гдѣ въ 70 вер. отъ Ауліэ-ата, близь кишлака Чакпакъ, уголь обнаруженъ почти на самой поверхности земли. Хотя открытыя пока въ Сыръ-Дарьинской области залежи содержатъ каменный уголь не особенно высокаго качества, тѣмъ не менѣе, являясь единственнымъ минеральнымъ топливомъ и при томъ топливомъ дешевымъ, въ странѣ, вообще не богатой лѣсомъ, даже и этотъ каменный уголь могъ бы сослужить громадную службу. Но для этого, очевидно, надо развить добычу его, а послѣдняя едва-ли можетъ развиться при такихъ единственныхъ потребителяхъ, какъ воинская команда и сантонинный заводъ, съ необезпеченной дѣятельностью. Совершенно другія перспективы откроетъ этого рода добывающей промышленности желѣзная дорога. Не говоря уже о ея собственныхъ нуждахъ, съ проведеніемъ ея представится возможность экспортировать уголь въ сосѣднія области, также существующія подъ постояннымъ гнетомъ недостаточнаго топлива.

Не маловажная будущность можетъ принадлежать такъ-же и добычѣ поваренной соли. Послѣдняя добывается изъ само-

садковъ подпесочныхъ озеръ, встрѣчающихся весьма часто какъ въ Чимкентскомъ, такъ и въ Ауліэ-атинскомъ уѣздахъ. Особеннаго въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаетъ Каракульская волость, Чимкентскаго уѣзда, съ находящимся въ ней озеромъ Кара-Кенъ, изъ котораго добывается лучшая во всей Сыръ-Дарьинской области Каракульская соль, продаваемая на базарахъ подъ названіемъ «кара-тепень». Запасъ этой соли въ озерѣ, по приблизительному исчисленію, превышаетъ 10 милліардовъ пудовъ. Разработка ея производится киргизами самымъ примитивнымъ способомъ и цѣна за пудъ, въ зависимости отъ разстоянія и трудностей перевозки, колеблется отъ 4 до 25 копѣекъ.

Вопросъ о болѣе легкой доставкѣ соли изъ Чимкентскаго и Ауліэ-атинскаго уѣздовъ въ г. Ташкентъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ самомъ Ташкентскомъ уѣздѣ поваренная соль нигдѣ не добывается и Ташкентъ потребляетъ исключительно соль привозную, такъ что, съ проведеніемъ желѣзной дороги до Чимкента, съ одной стороны несомнѣнно понизится цѣна на соль въ г. Ташкентѣ, а съ другой—будетъ данъ толчекъ къ болѣе широкому и упорядоченному добыванію соли изъ самосадочныхъ озеръ Чимкентскаго и Ауліэ-атинскаго уѣздовъ.

Выясненное выше вліяніе желѣзнодорожной линіи Ташкентъ-Чимкентъ, на главнѣйшія стороны дѣятельности населенія Чимкенткаго и Ауліэ-атинскаго уѣздовъ—на земледѣлія, скотоводство, хлопководство и горный промыселъ,—несомнѣнно будетъ столь же благотворно и въ отношеніи остальныхъ отраслей, какъ добывающей, такъ и обрабатывающей промышленности.

Находящемуся въ исключительномъ развитіи лѣсоводству Ауліэ-атинскаго уѣзда будетъ дана возможность легкаго сбыта строеваго лѣса, главнымъ образомъ сосны, произростающей только въ этомъ уѣздѣ.

Фабричная и заводская дѣятельность, а равно и мелкіе промыслы, (выдѣлка кошмъ и капы) получатъ толчекъ къ дальнѣйшему развитію. Положеніе этого рода дѣятельности въ настоящее время характеризуется нижеслѣдующей таблицей, представляющей отчетъ за 1894 и 1895 года.

Города и уѣзды.	г. Чимкентъ.		Чимкентскій.		г. Ауліэ-ата.		Ауліэ-атинскій.	
Года	1894.	1895.	1894.	1895.	1894.	1895.	1894.	1895.
Число заведеній	1. Хлопко-очист.	7. 3 хлопко-очист. 4 шерсто-мойныхъ.	1. Сантонин.	3. 1 сантон. 2 гончар.	117. 1 пивов. 61 маслоб. 1 крупян. 33 муком. 2 св. сал. 2 мылов. 14 кожев. 2 гончар.	4. 1 кожев. 2 маслоб. 1 мельн.	2. Водяныя мельн.	161. 5 маслоб. 149муком. 3 свѣчн. 2 мылов. 2 сафьян. произв.
Число рабочихъ	12	153		54	289	18	4	178
Сумма производства въ рубляхъ	24 т.	72 т.		82 т.	22 т.	10 т.	3 т.	12 т.

Размѣръ торговыхъ оборотовъ разсматриваемаго раіона въ общемъ виденъ изъ нижеслѣдующей таблицы.

Уѣзды.	Чимкентскій.			Ауліэ-атинскій.		
Года	1893	1894	1895	1893	1894	1895
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Ввозъ . . .	575000	525000	1501300	1325400	2473100	3251300
Вывозъ . . .	370000	400000	702700	1015200	850000	1132900
ИТОГО . . .	945000	925000	2204000	2340600	3323100	4384200

Таблица эта свидѣтельствуетъ о все болѣе и болѣе развивающейся торговой дѣятельности Чимкентскаго и Ауліэ-атинскаго уѣздовъ, не взирая даже на неудовлетворительность путей сообщенія, связывающихъ эти богатые раіоны съ крупными промышленными и торговыми центрами края. Оживленіе дѣятельности, неминуемо вызываемое въ какомъ-бы то ни было краѣ проведеніемъ черезъ него желѣзной дороги, естественно повышаетъ и энергію торговыхъ оборотовъ его, почему можно смѣло сказать, что соединеніе помянутыхъ выше уѣздовъ рельсовымъ путемъ съ линіей Средне-Азіатской желѣзной дороги, по меньшей мѣрѣ, сразу удвоитъ цифры торговыхъ оборотовъ ихъ.

Не менѣе благотворное вліяніе будетъ оказано желѣзной дорогой на развитіе весьма важнаго для края колонизаторскаго вопроса. Положеніе послѣдняго въ настоящее время иллюстрируется нижеслѣдующей таблицей.

Уѣзды.	Чимкентскій.			Ауліэ-атинскій.		
Года	1893	1894	1895	1893	1894	1895
Число поселковъ . . .	15	16	16	24	24	24
Число семей	961	985	965	1315	1346	1393
Число душъ обоего пола.	4880	4996	5038	7350	7518	7793

Выше было уже указано на то вліяніе, которое оказываютъ русскіе переселенцы на улучшеніе пріемовъ веденія важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства, земледѣлія и скотоводства. Познакомивъ туземное населеніе съ косой—русскій поселенецъ выучилъ ихъ дѣлать заготовку сѣна на зиму, что несомнѣнно сразу отразилось на пониженіи цифры ежегодной гибели скота отъ зимней безкормицы.

Принеся съ собою болѣе высокіе сорта хлѣбныхъ злаковъ какъ напримѣръ пшеницу кубанку, русскіе поселенцы ввели ее въ мѣстный сѣвооборотъ и сразу вызвали на нее большой спросъ. Ихъ же усиліями первобытныя орудія земледѣльческаго труда туземнаго населенія начинаютъ постепенно уступать европейскому плугу и, напримѣръ, уже въ 1893 году инвентарь хозяевъ области, какъ то зарегистровано торговыми книгами Ташкентскаго склада земледѣльческихъ орудій, увеличился: 121 плугомъ, 24 окучниками, 52 пропашниками, 17 культиваторами, 11 жатвенными машинами, 17 вѣялками и прочими сельско-хозяйственными орудіями европейскаго типа. Между покупателями все чаще и чаще встрѣчаются

крупные туземные землевладѣльцы. Съ русской машиной начинаетъ знакомиться и сельское населеніе, которое, съ пониженіемъ пока еще высокостоящихъ цѣнъ на усовершенствованныя орудія, постепенно подготовляется къ болѣе раціональному и болѣе совершенному способу веденія сельскаго хозяйства.

Являясь такимъ образомъ проводниками и разсадниками отечественной культуры въ краѣ, русскіе поселенцы тѣмъ самымъ упрочиваютъ и наше положеніе въ немъ. Вотъ почему развитіе колонизаторскаго вопроса весьма желательно какъ съ экономической, такъ, главнымъ образомъ, и съ государственной точки зрѣнія. Подвинуть же этотъ вопросъ по пути желательнаго разрѣшенія можно только, обставивъ большими удобствами какъ самый процессъ переселенія, такъ, главнымъ образомъ, и положеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Въ ряду же мѣръ, достигающихъ этой цѣли, первенствующее значеніе, конечно, принадлежитъ *проведенію желѣзно-дорожной линіи въ направленіи колонизаторскаго движенія*, а такимъ направленіемъ съ линіи Средне-Азіатской желѣзной дороги въ наиболѣе пригодные для колонизаціи уѣзды Сыръ-Дарьинской области—Чимкентскій и Ауліэ-атинскій, несомнѣнно, служитъ направленіе—Ташкентъ—Чимкентъ.

Генеральнаго Штаба Капитанъ *Аносовъ*.

143

Свящ. П. Богородицкій.

ЛѢТОПИСЬ
ПЕРВОЙ ГОРОДСКОЙ ЦЕРКВИ
ВЪ ГОРОДѢ ТАШКЕНТѢ
во имя преподобныхъ о. о. Іосифа и Георгія.

Изъ Туркестанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1908 годъ.

Вѣрный.
Типографія штаба войскъ Семирѣченской области.
1908

Лѣтопись первой городской церкви въ городѣ Ташкентѣ во имя преподобныхъ отецъ Іосифа и Георгія.

Туркестанскій край (не считая ханствъ Хивы и Бухары), раздѣленный на пять военныхъ областей, занимаетъ почти всю Среднюю Азію. Главный городъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства—Ташкентъ, самый крупный промышленный и культурный центръ всего края; онъ состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей: туземной мусульманской, въ которой считается до 150 тысячъ жителей обоего пола и, собственно, русской части, въ которой живетъ около 25 тысячъ христіанъ, съ преобладающимъ числомъ православныхъ*).

Въ русской части Ташкента, при 25 тысячномъ ея населеніи, кромѣ домовыхъ церквей (при двухъ гимназіяхъ, реальномъ училищѣ, учительской семинаріи, при городской тюрьмѣ, при военномъ госпиталѣ, при первой туркестанской стрѣлковой бригадѣ, дисциплинарной ротѣ и кадетскомъ Наслѣдника Цесаревича корпусѣ) есть четыре самостоятельныхъ приходскихъ храма. Домовыя церкви имѣютъ каждая свое спеціальное назначеніе для учащихся, хота посѣщеніе и этихъ церквей доступно каждому желающему молиться.

Прошло уже 42 года съ тѣхъ поръ, какъ мусульманское населеніе Ташкента склонило свою голову предъ побѣдоноснымъ оружіемъ православнаго русскаго воинства и крестъ Христовъ крѣпко водруженъ и свѣтитъ тамъ, гдѣ много вѣковъ царствовалъ полумѣсяцъ, символъ мусульманства; но въ эти 42 года положено только начало великому и трудному дѣлу, завѣщанному исторіей русскому народу. Привлечетъ-ли современемъ высокое христіанское ученіе сердца иновѣрныхъ туземцевъ? Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что уже и теперь туземцы-мусульмане сближаются съ русскими и русскіе культурные порядки постепенно проникаютъ въ жизнь аборигеновъ Туркестана. Но для полнаго осуществленія нашей исторической задачи въ Средней Азіи русскому православному населенію туркестанскаго края необходимо глубже сознавать свое православно-русское назначеніе и крѣпче держаться своей православной вѣры, дабы Свѣтъ Христовъ свѣтился чрезъ насъ предъ очами религіозныхъ до фанатизма мусульманъ, чтобы они могли прославлять вмѣстѣ съ нами общаго для всѣхъ людей Отца Небеснаго*).

Въ Ташкентѣ, какъ уже упомянуто, только 4 приходскихъ православныхъ храма: Іосифо-Георгіевская приходская церковь, Спасо-Преображенскій военный соборъ, освященный въ 1888 году мѣсяца іюля 11 дня, церковь во имя преподобнаго Сергія, освященная въ 1897 году 24 апрѣля и Благовѣщенская желѣзно-дорожная церковь, построенная въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вокзала Средне-Азіатской и Ташкентской желѣзной дороги, освященная 23 ноября 1899 года.

---

*) См. Турк. Вѣд. отъ 24 августа 1907 г. №139.

*) Мѳ. V, 16.

Кромѣ этихъ храмовъ въ Ташкентѣ есть еще походная церковь (стрѣлковой бригады). Каждый изъ этихъ храмовъ уже потому только, что онъ красуется на нашей Средне-Азіатской территоріи, въ землѣ иновѣрцевъ, заслуживаетъ подробнаго описанія и мы беремъ на себя задачу составить лѣтописный очеркъ возникновенія старѣйшей Іосифо-Георіевской церкви въ Ташкентѣ. Съ этою церковью тѣсно связана исторія русскаго христіанскаго Ташкента и многія событія изъ жизни русскихъ обитателей этого города. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта церковь напоминаетъ русскому населенію о чудесномъ избавленіи Императора Александра II, Царя Освободителя отъ угрожавшей ему опасности.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что русскимъ войскамъ, побѣдоносно двигавшимся отъ Оренбурга къ Ташкенту, сопутствовала походная церковь во имя святого благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

Когда-же, по водвореніи русскихъ въ Ташкентѣ, походная церковь во имя Александра Невскаго, съ трудомъ стала удовлетворять религіознымъ потребностямъ мѣстныхъ войскъ и населенія, тогда и избрано было въ центрѣ тогдашняго Ташкента мѣсто для устройства постояннаго храма, при этомъ, въ благоговѣйную память чудеснаго спасенія отъ угрожавшей опасности жизни Императора Алессандра II 4 апрѣля 1866 года, новый храмъ былъ посвященъ во имя преподобныхъ отецъ Іосифа и Георгія, помять которыхъ празднуется въ упомянутый день. Вновь устроенный храмъ былъ освященъ 22 декабря 1868 года и съ того времени до освященія ташкентскаго военнаго Спасо-Преображенскаго собора въ 1888 году, въ продолженіи 20 лѣтъ, служилъ главнымъ образомъ для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ нуждъ войска и православнаго населенія города Ташкента. Затѣмъ Іосифо-Георгіевскій храмъ былъ переданъ въ вѣдѣніе управленія бывшей первой туркестанской линейной, нынѣ мѣстной, бригады, а въ 1893 году св. сѵнодъ, вслѣдствіе представленія преосвященнаго Григорія, бывшаго епископа туркестанскаго, опредѣлилъ открыть при этой церкви самостоятельный приходъ изъ не военныхъ обывателей города Ташкента съ причтомъ изъ одного священника и одного псаломщика.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой церкви мы заимствуемъ изъ записки бывшаго секретаря ташкентской городской думы почтеннаго Н. В. Дмитровскаго, разрѣшившаго намъ воспользоваться его замѣчательною рукописью. Одинъ изъ русскихъ старожилъ Ташкента, относящійся съ любовію и просвѣщеннымъ вниманіемъ къ ташкентской старинѣ, Николай Васильевичъ Дмитровскій составилъ свою записку съ спеціальною цѣлію—отстоять самостоятельное существованіе этой церкви на будущее время и въ этихъ видахъ представилъ весьма обстоятельный докладъ ташкентской городской думѣ. Въ своемъ докладѣ почтенный авторъ такъ излагаетъ исторію Іосифо-Георгіевской церкви.

«Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, при 4-мъ Оренбургскомъ мѣстномъ баталіонѣ, двигавшемся съ завоевательными цѣлями къ кокандскимъ владѣніямъ и, по взятіи въ 1865 году города Ташкента, оставшимся на службѣ въ туркестанскомъ военномъ округѣ, съ переименованіемъ въ «4-й Туркестанскій линейный баталіонъ», была устроена, на счетъ баталіонныхъ суммъ, походная церковь во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, священникомъ въ которую, оренбургскій епископъ Варлаамъ командировалъ, 2 февраля 1865 года, іерея Малова, служившаго до того времени въ Перовскѣ. По прибытій баталіона въ Ташкентъ, въ іюнѣ 1865 года, оренбургская духовная консисторія, въ виду неимѣнія въ завоеванныхъ въ предшествовавшее трехлѣтіе и сдѣлавшихся русскими этапными пунктами мусульманскихъ поселеніяхъ православныхъ церквей, назначила Александро-Невскую походную церковь приходною для частей войскъ, осѣвшихъ въ Туркестанѣ, Чимкентѣ, Ауліэата, Мерке, Токмакѣ, Ніязбекѣ, Чиназѣ и Кереучи, каковое назначеніе церковь сія выполняла до второй половины 1869 года, а потомъ вслѣдъ за баталіономъ, переведена въ Чиназъ, откуда возвратилась въ Ташкентъ въ 1871 г. Въ 1873 г. Александ.-Невская церковь находилась вмѣстѣ съ баталіономъ въ хивинскомъ ханствѣ, а потомъ, въ 1875 году, въ Алайской экспедиціи, возвратившись изъ которой въ Ташкентъ, раскидывалась на военномъ полѣ во время лагерныхъ сборовъ. Въ 1878 году этотъ походный храмъ сопутствовалъ войскамъ, дѣлавшимъ рекогносцировку къ Джану, а въ 1879—1881 годахъ выставлялся среди войскъ во время лагерныхъ сборовъ. Спустя нѣкоторое время, походная церковь была передана въ 4-й Туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, гдѣ находится и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ военная Александро-Невская церковь, перенесенная въ Ташкентъ въ моментъ завоеванія его и, въ 1865—68 годахъ служившая мѣстомъ отправленія религіозныхъ обязанностей для всего туркестанскаго христіанскаго воинства, существуетъ до настоящаго времени: только значеніе ея, вслѣдствіе увеличенія числа войскъ, съузилось до служенія мѣстомъ молитвы одной бригады.

Спустя нѣкоторое время по завоеваніи русскими войсками средне-азіатскихъ земель и городовъ, лежащихъ по правую сторону средняго теченія Сыра, оренбургское начальство признало необходимымъ устроить для водворившихся на этихъ земляхъ русскихъ людей православные храмы и, въ этихъ видахъ, попросило Высочайшее соизволеніе на объявленіе по имперіи подписки на постройку церквей въ Ташкентѣ и Ходжентѣ. По этой подпискѣ, а равно посредствомъ кружки, тогда-же выставленной въ русской части города Ташкента, было собрано на сооруженіе ташкентской церкви болѣе 1300 руб. Пожертвованія стекались, по частямъ, въ штабѣ войскъ бывшей Туркестанской области—единственномъ въ то время правительственномъ учрежденіи, управлявшемъ завоеваннымъ краемъ. По образо-

ваніи Туркестанскаго генералъ-губернаторства, сыръ-дарьинская областная администрація, въ концѣ 1868 года, построеніе храма приняла было на свое попеченіе и, признавъ собранную къ тому времени сумму пожертвованій достаточною для постройки небольшой церкви, приступила къ этому святому дѣлу лѣтомъ 1868 г. Церковь была заложена въ бывшей тогда центральной части русскаго населенія, т. е. на теперешнемъ ея мѣстѣ, и въ воспоминаніе чудеснаго спасенія Императора Александра II отъ угрожавшей Его Величеству въ 1866 году опасности, наименована храмомъ преподобныхъ Іосифа и Георгія, празднуемыхъ православною церковью 4 апрѣля. Производствомъ строительныхъ работъ завѣдывалъ сначала одинъ изъ военныхъ инженеровъ (въ то время другихъ техниковъ въ краѣ не было), а потомъ было это дѣло передано священнику Александро-Невской походной церкви А. Е. Малову. Но собранныхъ по подпискѣ и кружкою денегъ не достало на окончаніе работъ, вслѣдствіе чего строитель храма лично приступилъ къ сбору пожертвованій на это дѣло и, получивъ этимъ путемъ болѣе 1600 рублей, увеличилъ общій церковно-строительный фондъ суммою въ 500 руб. изъ церковныхъ денегъ. Когда и этотъ капиталъ оказался недостаточнымъ строитель обратился за помощью къ военно-народной администраціи и получилъ отъ нея на достройку храма 400 руб. (изъ кредита по смѣтѣ 1868 года, на передвиженіе войскъи непредвидимые расходы). На образовавшіеся такимъ образомъ денежные источники, составившіе въ сложности болѣе 3800 рублей, постройка Іосифо-Георгіевской церкви была окончена и, по освященіи 22 декабря 1868 года, открыта для молящихся. Церковное зданіе, сложенное изъ сырцоваго кирпича, на фундаментѣ изъ булыжнаго камня и цоколѣ изъ жженаго кирпича, внутри и снаружи отдѣланное алебастромъ и, первоначально, имѣвшее земляную крышу, до современнаго своего состоянія доходило постепенно: въ 1874 году оно было расширено и покрыто желѣзомъ, алтарная часть повышена и накрыта куполомъ, а въ 1877 году устроена при церкви колокольня изъ жженаго кирпича, подъ желѣзною крышею. Эти перестройки и пристройки сдѣланы на церковныя средства, безъ всякаго со стороны казны пособія. Слѣдовательно, участіе сей послѣдней въ построеніи храма выразилось только пожертвованіемъ 400 руб.

Нѣсколько большую сумму военно-народная администрація принесла на внутреннее благоустройство храма именно—снабженіе его принадлежностями богослуженія. Предъ открытіемъ церкви, изъ суммъ бывшаго военно-народнаго управленія было израсходовано до 1000 рублей на пріобрѣтеніе церковныхъ принадлежностей во внутреннихъ городахъ имперіи и доставленіе ихъ въ Ташкентъ. Несмотря на всѣ свои старанія, комиссія не могла найти въ архивныхъ дѣлахъ за періодъ первоначальнаго устроенія Іосифо-Гаоргіевской церкви свѣдѣній о большей суммѣ понесенныхъ казною расходовъ по сооруженію и обзаведенію храма, 20 слишкомъ лѣтъ служившаго духовнымъ потреб-

ностямъ мѣстныхъ войскъ, и поэтому вправѣ думать, что сумма въ 1400 руб. составляетъ максимумъ единовременной правительственной субсидіи на это дѣло, впрочемъ, нижеприведенныя цифры сообщаемыя лицомъ, энергично усиливающимся доказать, что Іосифо-Георгіевская церковь есть военная, показанію комиссіи о размѣрѣ правительственнаго расхода не противорѣчатъ. Въ несравненно большемъ размѣрѣ выразилось участіе въ благоустройствѣ храма со стороны городского православнаго населенія. Приходорасходныя книги по Іосифо-Георгіевской церкви, свидѣтельствуютъ, что за означенный выше періодъ населеніе принесло на свой храмъ до 120000 р., на счетъ которыхъ построена большая колокольня, церковное зданіе покрыто желѣзомъ, надъ алтаремъ поставлены куполъ и кресты, позолоченъ иконостасъ, пріобрѣтена богатая церковная утварь, заведена многотомная церковная библіотека, поддерживались духовно-учебныя заведенія и мѣстная церковно-приходская школа и, наконецъ, составился значительный церковный капиталъ, состоящій изъ наличныхъ денегъ, серій, облигацій и билетовъ внутренняго выигрышнаго займа. Совокупность вышеиложенныхъ данныхъ свидѣтельствующихъ, что Іосифо-Георгіевская церковь созидалась и, втеченіе 20 лѣтъ, содержалась на частныя пожертвованія и на приношенія мѣстной православной общины, не составляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что она не была и не можетъ быть собственностію ни казны вообще, ни мѣстнаго военнаго вѣдомства въ частности, и что именованіе ея «военною» совершенно неосновательно и, какъ будетъ доказано ниже, произошло по ошибкѣ и продолжалось по недоразумѣнію. Вопросъ этотъ уже рѣшенъ компетентнымъ въ подобныхъ дѣлахъ учрежденіемъ—Туркестанскою духовною консисторіею. Не желая оставить въ умахъ православнаго населенія города Ташкента ни малѣйшаго сомнѣнія въ неправильности именованія нашего православнаго храма «военнымъ», комиссія приводитъ содержаніе приписки по этому предмету, производившейся въ консисторіи въ 1885—86 годахъ. Въ 1885 году, между служащими въ Іосифо-Георгіевской церкви протоіереемъ Маловымъ и священниками Покровскимъ и Золотовымъ возникли пререканія изъ-за дѣлежа содержимаго братской кружки: первый, какъ настоятель церкви, основываясь на томъ, что она—военно-сухопутная, получающая средства на свое и своего причта содержаніе изъ ресурсовъ военнаго министерства, старался убѣдить своихъ собратій, что руководящія ими общія узаконенія о размѣрѣ дѣлежа до Іосифо-Георгіевской церкви не касаются и что онъ имѣетъ право получать изъ кружки $^{3}/_{5}$ части, а послѣдніе же дозволили ему взять только $^{1}/_{3}$, т. е. равную съ ними часть. Будучи недоволенъ такимъ раздѣломъ, протоіерей Маловъ принесъ на о.о. Покровскаго и Золотова жалобу духовной консисторіи. Разсмотрѣвъ это дѣло, консисторія нашла, что раздѣлъ кружечныхъ доходовъ произведенъ правильно и что претензія протоіерея Малова на большую сравнительно съ

другими долю неосновательна и уваженія не заслуживаетъ. Предварительно утвержденія, сего опредѣленія, туркестанскій епископъ Неофитъ, въ виду настойчиваго утвержденія протоіерея Малова, что Іосифо-Георгіевская церковь—военная, предложилъ консисторіи навести въ архивѣ возможно-полную справку и, на основаніи ея, выяснить: чьими стараніями и средствами основанъ этотъ храмъ—прихожанъ или военнаго начальства, ибо въ клировой вѣдомости церковь только однажды названа военною—очевидно произвольно, безъ твердаго основанія. По наведеннымъ, во исполненіе этого предложенія, справкамъ, оказалось слѣдующее: 1) по клировой вѣдомости за 1865 годъ значится первая православная церковь въ Ташкентѣ—Александро-Невская, походная, устроенная войсками на свой счетъ, при ней, согласно Высочайше утвержденному штату, состоятъ: священникъ Маловъ, перемѣщенный изъ Перовска, и одинъ церковникъ; 2) по клировой вѣдомости за 1866—68 г.г. значится эта же церковь, но священниками при ней состоятъ уже двое: о. Маловъ, занимающій благочинническое мѣсто, и Гавріилъ Ширяевъ, назначенный оренбургскою консисторіею въ Чулакъ-курганское укрѣпленіе, но, по распоряженію военнаго губернатора, вызванный на службу въ Ташкентъ; 3) по клировой вѣдомости за 1869 годъ показана уже Іосифо-Георгіевская церковь, названная, безъ всякаго объясненія, военною; походной-же церкви Александро-Невской въ вѣдомости не значится и она не показывалась по клировымъ вѣдомостямъ до 1884 года, а по вѣдомости за сей послѣдній всѣ принадлежности Александро-Невской церкви, вмѣстѣ съ прихожанами ея прописаны при Іосифо-Георгіевской, согласно, какъ выражено въ этомъ документѣ—предшествовавшимъ годамъ; 4) въ клировой вѣдомости за 1870—73 года Іосифо-Георгіевская церковь военною не названа и прихожанами ея показаны жители города Ташкента: духовные, военные, статскіе, купцы, мѣщане и крестьяне; 5) въ клировыхъ вѣдомостяхъ за 1874—75 года церковь эта снова названа военной, а священно-служителями при ней показаны: протоіерей Маловъ и священникъ Ширяевъ, получающіе содержаніе по окладамъ, утвержденнымъ для укр. Мерке, и, на вакантномъ мѣстѣ вольнонаемнаго псаломщика, протодіаконъ Звѣревъ, получающій изъ казны 120 р., изъ церковныхъ суммъ 50 р. и изъ суммъ города Ташкента 500 р.; 6) клировыя вѣдомости за 1876—77 года, не именуя церкви военною, поясняютъ: а) что она построена въ 1868 году на средства, собранныя прихожанами, и б) что священнодѣйствуютъ въ ней протоіерей Маловъ, состоящій внѣ штата и получающій (откуда - не сказано) такое-же содержаніе, какъ и священникъ, а о священникѣ Ширяевѣ отмѣчено, что онъ переведенъ въ 1866 году къ военной церкви (къ какой—также не сказано); 7) въ клировой вѣдомости за 1878 годъ отмѣчено, что Іосифо-Георгіевская церковь строилась первоначально на средства, дарованныя туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, а потомъ—на сборы между войсками и прочимъ го-

родскимъ населеніемъ, состоящимъ изъ чиновниковъ и разночинцевъ, и штатныхъ священниковъ при церкви нѣтъ; и штаты утверждены при окружномъ штабѣ (одинъ священникъ съ двумя церковниками изъ нижнихъ чиновъ) и при комендантскомъ управленіи (также одинъ священникъ и два церковника). О священникѣ Ширяевѣ упомянуто, что, по прибытіи въ Ташкентъ въ 1866 г., онъ поступилъ на священническое мѣсто, положенное по штату при комендантскомъ управленіи; 8) въ клировой вѣдомости за 1879 г. говорится, что Іосифо-Георгіевская церковь носитъ названіе временной, устроенной для войскъ по взятіи Ташкента, вмѣсто изветшавшей походной, которая послѣ 1868 года передана въ вѣдѣніе комендантскаго управленія, откуда получаетъ на свое содержаніе ежегодно по 70 руб. 50 коп., съ отопленіемъ и прислугою. При церкви, штатныхъ священниковъ неимѣющей, сгруппированы священнослужители, состоящіе по штатамъ: при окружномъ штабѣ (о. Маловъ), при комендантскомъ управленіи (о. Покровскій) и при Ташкентскомъ баталіонѣ (о. Марковъ); 9) въ клировыхъ вѣдомостяхъ за 1880—84 года объ Іосифо-Георгіевской церкви помѣщены тѣ-же свѣдѣнія, какія значатся по вѣдомостямъ предшествовавшихъ лѣтъ, съ добавленіемъ лишь за послѣдній (1884) годъ, что по распоряженію туркестанской духовной консисторіи, къ этой церкви приписанъ Александро-Невскій походный храмъ, богослуженіе въ которомъ отправляютъ по очереди священники Іосифо-Георгіевской церкви; 10) въ 1866 году, какъ видно изъ дѣла, поступившаго въ туркестанскую духовную консисторію изъ оренбургской духовной консисторіи, производилась подписка по приходамъ оренбургской епархіи на построеніе православной церкви въ Ташкентѣ во имя св. Іосифа и Георгія, въ память чудеснаго избавленія Императора Александра II отъ руки злодѣя. Разсмотрѣвъ вышеприведенныя данныя, туркестанская духовная консисторія нашла слѣдующее: 1) Александро-Невская церковь въ Ташкентѣ была (съ 1865 года) и есть церковь военная; при ней былъ приходъ (до 1869 г.), для чего ей были даны (въ 1865 году) изъ оренбургской консисторіи книги для церковнаго письмоводства; былъ при ней и штатный священникъ (Маловъ), она получала изъ казны на свои потребности по 70 руб. 40 коп. въ годъ. Съ 1869 года церковь эта перестаетъ быть приходскою и документовъ церковныхъ не ведетъ, каковые приходъ и документы, а равно и священники Маловъ и Ширяевъ, по чьему-то распоряженію, а можетъ статься и самопроизвольно, причисляются къ вновь устроенной церкви Іосифо-Георгіевской. Съ того же 1869 г. церковь Александро-Невская не только перестаетъ вести свои клировыя вѣдомости, а даже не значится по таковымъ и при Іосифо-Георгіевской церкви, вслѣдствіе чего епархіальное начальство теряетъ ее изъ виду до 1884 года; 2) Іосифо-Георгіевская церковь, по клировымъ ея

вѣдомостямъ за 1869 годъ, наименована военною, но на какомъ основаніи—неизвѣстно. Между тѣмъ изъ клировыхъ вѣдомостей какъ за этотъ, такъ и за послѣдующіе годы, а также изъ архивнаго дѣла № 3 не видно, чтобы церковь строилась вѣдомствомъ военнымъ или исключительно сословіемъ военнымъ, и для сословія военнаго же, а такъ-же вмѣсто Александро-Невской; напротивъ—она строилась на пожертвованія всѣхъ сословій и притомъ не только Ташкента, а прихожанъ и другихъ церквей оренбургской епархіи, какъ памятникъ чудеснаго спасенія Государя Императора отъ руки злодѣя. За симъ изъ клировыхъ вѣдомостей не видно, чтобы при Іосифо-Георгіевской церкви былъ учрежденъ особый причтъ; служеніе-же въ ней отправляютъ протоіерей Маловъ и священникъ Ширяевъ, состоявшіе въ штатахъ военныхъ управленій: первый до 1874 года неизвѣстно въ какомъ, а съ 1874 года по укрѣпленію Мерке, а послѣдній въ штатѣ того же управленія въ которое онъ былъ назначенъ въ 1866 году и въ вѣдѣніи коего находилась церковь Александро-Невская. Что штатнаго военнаго причта при Іосифо Гергіевской церкви не было—видно изъ клировыхъ вѣдомостей, начиная съ 1879 года, въ которыхъ говорится, что «строго говоря штатнаго причта при сей церкви нѣтъ», а состоятъ при ней священнослужители, числящіеся въ штатахъ разныхъ управленій. А коль скоро Іосифо-Георгіевская церковь строилась не взамѣнъ Александро-Невской, не на средства военнаго вѣдомства, и особаго причта при ней не учреждено, то и именовать ее военною основаній нѣтъ, что вѣроятно, сознавали и сами составители клировыхъ вѣдомостей, которые только два раза, именно въ 1874 и 75 годахъ, присвоили ей это наименованіе. То обстоятельство, что Іосифо-Георгіевская церковь ежегодно получала на церковныя требы около 70 руб., также не даетъ права считать ее военной, такъ какъ первоначальный отпускъ этихъ денегъ былъ произведенъ на Александро-Невскую церковь, существующую при Іосифо-Георгіевской, и не видно, что бы это ассигнованіе для нея прекратилось, слѣдовательно деньги эти должны считаться отпускавшимися не на Іосифо-Георгіевскую, а на Александро-Невскую церковь. Къ Іосифо-Георгіевской церкви назначались церковники изъ нижнихъ чиновъ; но и это обстоятельство не имѣетъ въ настоящемъ вопросѣ никакого значенія, ибо нижніе чины назначались не потому, что церковь—военная, а потому, что при священникахъ окружнаго штаба, управленія воинскаго начальника и мѣстнага баталіона, отправлявшихъ богослуженіе въ Іосифо-Георгіевской церкви, положено быть церковникомъ; не будь при церкви (военныхъ) священниковъ, не было-бы при ней и церковниковъ изъ нижнихъ чиновъ.

То, что Іосифо-Георгіевская церковь не военная и не имѣла своего особаго причта, отчасти подтверждаютъ: послужной списокъ священника Ширяева, показаніе клировыхъ вѣдомостей (наприм. за 1879 г.) и объясненіе протоіерея Малова, а именно: а) священникъ Ширяевъ въ 1866 году назначенъ въ Ташкентъ къ церкви (а въ ту пору была одна Александро-Невская) на священничиское мѣсто по штату комендантскаго управленія; б) церковь принадлежавшая войскамъ (а имъ въ то время принадлежала Александро-Невская) передана въ вѣдѣніе комендантскаго управленія, и в) Александро-Невская походная церковь не есть какая-либо новая, а та самая, которая была при войскахъ при занятіи Ташкента. Отсюда слѣдуетъ заключить, что комендантскому управленію должна была передаваться и состоять въ его вѣдѣніи не Іосифо-Георгіевская церковь, до конца 1868 года не существовавшая, а Александро-Невская, находившаяся при войскахъ при занятіи Ташкента и существующая до сего времени; 3) при Іосифо-Георгіевской церкви не было учреждено штатнаго военнаго причта, равно не было при ней и особаго приходскаго; ни въ дѣлахъ консисторіи, ни въ клировыхъ вѣдомостяхъ нѣтъ даже и намека, чтобы когда-либо даже возбуждалось объ этомъ ходатайство предъ духовнымъ начальствомъ. На основаніи этихъ данныхъ и соображеній, консисторія остановилась на слѣдующихъ заключеніяхъ: а) Іосифо-Георгіевскую церковь считать не военною и не имѣющею штатнаго приходскаго причта; б) состоящихъ при церкви священнослужителей считать лишь прикомандированными къ ней; в) возбудить установленнымъ порядкомъ ходатайство объ учрежденіи при Іосифо-Георгіевской церкви приходскаго причта въ составѣ двухъ священниковъ, діакона и двухъ псаломщиковъ, предварительно пригласивъ населеніе города Ташкента обезпечить предполагаемый къ учрежденію причтъ содержаніемъ—жалованіемъ и квартирными.

Ознакомившись съ требованіемъ консисторіи о непризнаніи Іосифо-Георгіевской церкви военною, протоіерей Маловъ представилъ преосвященному Неофиту разъясненія, направленныя, къ доказательству того, что церковь сія есть дѣйствительно военная. Сущность этихъ разъясненій состоитъ въ слѣдующемъ 1) въ Высочайшемъ рескриптѣ Императора Александра II, даннымъ на имя его, Малова, въ 16 день апрѣля 1878 года, Іосифо-Георгіевская церковь наименована военною, а онъ, Маловъ, протоіереемъ ея, и 2) въ 1868 году, приказомъ по войскамъ туркестанскаго военнаго округа отъ 26 января за № 14, было учреждено въ Ташкентѣ комендантское управленіе, по временному штату котораго была положена церковь и при ней священникъ и на содержаніе ихъ было назначено: первой 71 рубль 50 коп. и второго 540 руб. въ годъ. По учрежденіи комендантскаго управленія, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, имѣя въ виду, что походная палатка Александро-Невской церкви обветшала, приказалъ построить временную цер-

ковь во имя преподобныхъ Іосифа и Георгія. Вслѣдствіе сего штабомъ войскъ Сыръ-Дарьинской области было отпущено инженеру Осипову на постройку церкви штата комендантскаго управленія 1086 руб. 53 коп. и, кромѣ сего, изъ кредита, ассигнованнаго по интендантской смѣтѣ на передвиженіе войскъ и не предвидимыя надобности, выдано ему, протоіерею Малову, на этотъ же предметъ 500 рублей. Изъ этого же кредита, въ 1869 году, было отпущено: закуплнныя въ Петербургѣ церковныя принадлежности 650 рублей и за доставленіе ихъ въ Ташкентъ 310 руб. 54 коп. Помимо сего, для участія въ постройкѣ храма назначались нижніе чины, что видно изъ отношенія командира сводного баталіона въ комендантское управленіе отъ 18 мая 1868 года № 1868. Принятіе жертвуемыхъ на постройку храма денегъ было возложено на штабъ войскъ Сыръ-Дарьинской области, что доказывается отзывомъ сего штаба отъ 15 іюня 1867 года № 6608. Отъ подаяній воинскими чинами въ кошелекъ походнаго Александро-Невскаго храма поступило въ 1865 и 66 годахъ 3095 руб. 35 коп. изъ коихъ: уплачено за разныя церковныя принадлежности 2597 руб., израсходовано на нужды храма и отослано въ оренбургскую духовную консисторію 352 руб. 19 коп. и осталось къ 1867 году 144 руб. 16 коп. Утварь и имущество Александро-Невской церкви, по сооруженіи Іосифо-Георгіевской, были перенесены въ сію послѣднюю, а походная палатка сдана въ комендантское управленіе, сбереженія сдѣланныя по Александро-Невскому храму въ 1867 и 1868 г.г., также перешли въ собственность Іосифо-Георгіевской церкви и употреблены на нужды ея. Такъ какъ 4 линейному баталіону, на зиму 1868—69 годовъ, назначенъ былъ для квартированія Чиназъ, то походная палатка Александро-Невскаго храма, походная утварь и разныя походныя вещи были препровождены въ это укрѣпленіе, откуда возвратились въ Ташкентъ въ 1871 году, послѣ чего палатка была сдана въ комендантское управленіе, а утварь взята въ церковь. Изъ этого краткаго очерка походной Александро-Невской и Іосифо-Георгіевской церквей видно, что сія послѣдняя есть военная, тѣмъ болѣе, что на содержаніе ея съ 1869 года отпускается по 71 руб. 50 коп., что видно изъ отзывовъ Сыръ-Дарьинскаго воинскаго начальника отъ 24 янва 1873 года № 801 и 11 марта 1875 года № 2340. Бумаги, полученныя этими годами, когда походной церкви въ Ташкентѣ не было, вполнѣ доказываютъ несостоятельность мнѣнія консисторіи, что казенныя суммы отпускались на Александро-Невскую, а не на Іосифо-Георгіевскую. Числившійся при Александро-Невской церкви приходъ съ церковнымъ имуществомъ и книгами съ 1879 года стали писаться при Іосифо-Георгіевской церкви по волѣ генералъ-адъютанта Фонъ-Кауфмана, который находилъ, что при походномъ храмѣ не могутъ быть постоянными прихожанами войска, расположенныя въ краѣ, и что походная церковь нужна лишь во время боевого движенія отрядовъ и при лагерныхъ сборахъ—въ мирное же

время она не можетъ быть признаваема удобною, какъ устроенная по походному. Разсмотрѣвъ объясненіе протоіерея Малова, Консисторія нашла, оное неосновательнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ Высочайшемъ рескриптѣ объ Іосифо-Георгіевской церкви не упоминается, а лишь сказано: «протоіерею военной церкви города Ташкента Малову». Изъ рескрипта усматривается, что награда пожалована за дѣятельность протоіерея Малова во время Алайской экспедиціи 1877 года. Въ экспедиціи же этой протоіерей Маловъ былъ съ Александро-Невскимъ храмомъ. Въ клировыхъ по Іосифо-Георгіевской церкви вѣдомостяхъ за 1877 и 78 года не объяснено, что она—военная; въ первой изъ нихъ прямо сказано: «протоіерей состоитъ внѣ штата», а во второй: «при названной церкви, строго говоря, штатныхъ священниковъ нѣтъ». Наконецъ, въ означенные годы существовала въ Ташкентѣ и военная церковь Александро-Невская. Въ виду этихъ данныхъ, употребленное въ Высочайшемъ рескриптѣ выраженіе «военной церкви» нельзя относить къ церкви Іосифо-Георгіевской, и подъ военною церковью естественнѣе разумѣть Александро-Невскую, безспорно военную и 2) приказъ за № 14 указываетъ только на то, что въ Ташкентѣ учреждено комендантское управленіе и «при церкви» онаго положенъ священникъ, и вовсе не доказываетъ, что Іосифо-Георгіевская церковь есть военная и устроена въ силу этого приказа. Напротивъ, клировыя вѣдомости Іосифо-Гергіевской церкви и дѣла консисторіи показываютъ, что дѣло о постройкѣ и самая постройка этой церкви началась ранѣе изданія приказа, именно въ 1866—67 годахъ, и при этомъ не какъ военной, а какъ памятника чудеснаго спасенія Императора Александра II отъ руки злодѣя. Кромѣ сего, употребленное въ клировой вѣдомости за 1869 годъ выраженіе: «церковь походная въ началѣ принадлежала войскамъ, дѣйствовавшимъ при занятіи края въ 1765—68 годахъ, а затѣмъ переведена въ вѣдѣніе комендантскаго управленіе, откуда на содержаніе свое получаетъ ежегодно по 70 руб. 50 коп., а также отопленіе и прислугу въ церкви» достаточно ясно доказываетъ, что упоминаемый приказъ не имѣлъ отношенія къ Іосифо-Георгіевской церкви, а касался Александро-Невской, которая, на основаніи приказа отъ 26 января 1868 года, и перешла въ вѣдѣніе коменданскаго управленія. Объясненія протоіерея Малова о распоряженіи генералъ-губернатора относительно немедленной постройки Іосифо-Георгіевской церкви, какъ временной и взамѣнъ существовавшей военно-походной Александро-Невской, указаніе на то, что по постройкѣ первой церкви вторая была перенесена въ Чиназъ и потомъ отправлялась въ экспедиціи, а въ мирное время выставлялась среди войскъ, указаніе на то, что Іосифо-Георгіевская церковь строилась при пособіи суммъ интендантской смѣты и даже нижнихъ чиновъ, и, наконецъ, указаніе на то, что имущество, утварь и сбереженія Александро-Невской церкви перешли въ собственность Іосифо-Георгіевской, также составля-

ютъ слабыя доказательства того, что сія послѣдняя есть военная. Иниціатива устройства этого храма, какъ видно изъ дѣлъ, принадлежитъ не г.-а. Фонъ-Кауфману, ибо онъ назначенъ и прибылъ въ край во второй половинѣ 1867 года, а дѣло по постройкѣ возникло еще въ 1866 году и такъ какъ Іосифо-Георгіевская церковь предназначена была увѣковѣчивать память о чудесномъ спасеніи Государя Императора, то сомнительно, чтобы генералъ-губернаторъ далъ распоряженіе строить ее какъ временную и для одного удобства войскъ въ мирное время. Въ виду этихъ данныхъ правдоподобнѣе полагать, что генералъ-губернаторъ лишь споспѣшествовалъ къ скорѣйшему сооруженію церкви, что было важно и въ томъ отношеніи, что она, до времени сооруженія капитальнаго соборнаго храма, могла быть болѣе удобна для православнаго населенія Ташкента уже одной вмѣстительностью, чѣмъ Александро-Невская, что сія послѣдня, по сооруженіи Іосифо-Георгіевской церкви не упразднилась и, слѣдовательно, не замѣнила ее, видно изъ объясненій самого протоіерея Малова, что куда бы походная церковь не переносилась, она переносилась только на время и, по минованіи надобности, возвращалась снова въ Ташкентъ и поступала въ вѣдѣніе комендантскаго управленія, а также, что главная святыня храма—св. антиминсъ до сихъ поръ находится при этой церкви. Отпускъ изъ суммъ по интендантской смѣтѣ части средствъ, требовавшихся на сооруженіе храма и обзаведеніе его утварью также не можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ въ разрѣшеніи даннаго вопроса, ибо отпускъ сей могъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ пособіемъ къ средствамъ, жертвовавшимся на постройку храма, въ которомъ при этомъ не могло ощущаться настоятельной нужды для всего ташкентскаго православнаго населенія, какъ военнаго, такъ и не военнаго. Что нижніе чины назначались для срубки 50 деревьевъ для какой-то церкви—это дѣйствительно видно изъ приложенной къ объясненію Малова бумаги за № 112, но срублены-ли эти деревья—неизвѣстно, можно думать, что нѣтъ, ибо командиръ сводного баталіона доносилъ комендантскому управленію, что жители города и предмѣстьевъ рубку не дозволяютъ, такъ что и этотъ единичный фактъ участія нижнихъ чиновъ въ постройкѣ церкви нисколько неубѣдителенъ. Переходъ имущества, утвари и сбереженій Александро-Невской церкви въ собственность Іосифо-Георгіевской также не служитъ доказательствомъ того, что сія послѣдняя есть военная и за неприведеніемъ данныхъ объ основаніяхъ, въ силу которыхъ передача сія совершилась, свидѣтельствуетъ лишь о фактѣ перехода, но безъ надлежащихъ для сего основаній. Хотя протоіерей Маловъ и утверждаетъ, что передача послѣдовала по волѣ генералъ-губернатора, но доказательствъ этого не представляетъ. Представленными протоіереемъ Маловымъ бумагами такъ-же не разрѣшается вопроса: какъ считать Іосифо-Георгіевскую церковь, военною или не военною, и почему именно бумаги сіи будто-бы доказываютъ, что названный

храмъ есть военный, протоіерей Маловъ не разъясняетъ. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ о положеніи Александро-Невской и Іосифо-Георгіевской церквей консисторія вывела слѣдующее заключеніе: «хотя Іосифо-Георгіевская церковь и не была военной и, вслѣдствіе этого не имѣла права требовать средства на свое содержаніе отъ военнаго вѣдомства какъ не военная, но такъ какъ въ ней служили священники военные и, по преимуществу для сословія военнаго, составлявшаго главный континентъ населенія, то и стали именовать ее военною и давать ей пособіе въ видѣ отопленія и хотя пособіе это какъ видно изъ бумагъ, препровождалось къ священнику ташкентской военной церкви, но не говорилось Іосифо-Георгіевской. Впрочемъ если-бы даже въ бумагахъ была поименована Іосифо-Георгіевская церковь, а не Александро-Невская, то и это обстоятельство ничего-бы не доказывало: церковь Александро-Невская въ ту пору находилась въ Чиназѣ и, вѣроятно, содержаніе свое получала по чиназскому штату, а причтъ ея оставался въ Ташкентѣ и отправлялъ служеніе въ Іосифо-Георгіевской церкви, которая потому и имѣла основаніе получить деньги, ассигнованныя на Александро-Невскій храмъ. Такъ какъ представленными протоіеремъ Маловымъ объясненіями и доказательствами вопросъ о томъ, какою признавать Іосифо-Георгіевскую церковь военною или не военною—не разрѣшается, то консисторія положила: церковь сію считать «не военною» и именованіе ее «военною» признать неосновательнымъ, какъ происшедшее лишь отъ того, что богослуженіе въ ней отправляли временно священнослужители, состоявшіе и состоящіе въ штатахъ военныхъ управленій». Настоящее мнѣніе его преосвященство, епископъ туркестанскій и ташкентскій Неофитъ, изволилъ утвердить. Безусловно, раздѣляя мнѣніе туркестанской духовной консисторіи, что Іосифо-Георгіевская церковь, воздвигнутая и въ теченіи 20 лѣтъ существовавшая на доброхотныя приношенія православнаго населенія, не военная и никогда таковою не была, комиссія находитъ нужнымъ, въ развитіи этого мнѣнія, высказать нижеслѣдующія соображенія: 1) оренбургская духовная консисторія, по иниціативѣ которой была начата постройка Іосифо-Георгіевской церкви, устранивъ себя, въ виду отдѣленія Туркестанской области отъ Оренбургскаго края, отъ дальнѣйшихъ хлопотъ по постройкѣ храма, долженствовавшихъ лежать уже на администраціи вновь образованнаго въ 1867 году Туркестанскаго генералъ-губернаторства, предоставила усмотрѣнію сей послѣдней заботы о сформированіи установленнымъ порядкомъ церковнаго причта. Туркестанская администрація, въ виду неимѣнія представленій по сему вопросу со стороны представителя тогдашняго духовенства въ краѣ и строителя храма священника Малова, такъ же не имѣла повода позаботиться о причтѣ, чему главнымъ образомъ способствовало то обстоятельство, что новая церковь, вслѣдствіе съ одной стороны, тогдашней малочисленности прихожанъ ея,

состоявшихъ изъ служащихъ въ Ташкентѣ по военному и военно-народному управленіямъ и нѣсколькихъ лицъ торгово-промышленнаго сословія, а съ другой, въ виду существованія Александро-Невской походной церкви, священнослужителями которой были военные священники Маловъ и Ширяевъ, числившіеся на службѣ при военныхъ управленіяхъ, могла обходиться безъ своего причта, довольствуясь названными двумя лицами, конечно находившими выгоднымъ для себя получать отъ казны содержаніе за фиктивную службу въ Александро-Невской церкви, тогда-же приписанной къ новой Іосифо-Георгіевской, и за дѣйствительную службу въ сей послѣдней и за выполненіе при ней разныхъ требъ, и, въ силу этого, не возбуждать вопроса о причтѣ для новой приходской церкви, обходившейся вслѣдствіе сего безъ своихъ священнослужителей въ теченіе 20 лѣтъ и, въ концѣ концовъ, получившей наименованіе военной, которымъ она обязана именно этому и только одному этому своему положенію. Оренбургская духовная консисторія, получавшая клировыя вѣдомости отъ церковной администраціи отдаленнаго и чуждаго для нея края, относилась къ нимъ не настолько внимательно, чтобы замѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ документовъ начинаетъ проскальзывать слово военная, туркестанская-же духовная консисторія, ближе ставшая къ дѣлу и, въ силу своихъ обязанностей, болѣе заинтересованная имъ, не постѣснилась категорически высказать въ своемъ протоколѣ, спеціально посвященномъ разбору вопроса объ Іосифо-Георгіевской церкви, что священники Маловъ и Ширяевъ причислили себя къ этой церкви по неизвѣстному распоряженію, а можетъ статься и самопроизвольно; 2) постановить Іосифо-Георгіевскую церковь, при существованіи Александро-Невской, въ положеніе военной можно было не иначе какъ путемъ игнорированія въ офиціальныхъ документахъ существованія послѣдней, какъ дѣйствительно военной, что и было сдѣлано, ибо таже консисторія, въ упоминаемомъ выше протоколѣ отъ 27 ноября 1886 года, констатируетъ, что, одновременно съ наименованіемъ Іосифо-Георгіевской церкви въ первый разъ военною (въ 1869 г.) Александро-Невская военная церковь не только перестала вести клировыя вѣдомости, но даже потерялась изъ виду епархіальнаго начальства и снова появилась, и то по распоряженію духовной консисторіи—только чрезъ 10 лѣтъ (въ 1884 году), но уже къ формѣ не самостоятельнаго храма, а приписаннаго вмѣстѣ съ прихожанами къ Іосифо-Георгіевской церкви и хотя въ клировыхъ вѣдомостяхъ за этотъ годъ, т. е. 1884, и сказано, что отмѣтка о фактѣ приписки сдѣлана согласно предшествовавшимъ годамъ, но, въ дѣйствительности, предшествовавшихъ годахъ (1869—83) такихъ показаній не дѣлалось,—такъ что можно съ большимъ основаніемъ предположить, что если-бы консисторія не вступилась въ это дѣло и не

возстановила истины, то Александро-Невская церковь отсутствовала бы документально до сихъ поръ, а за нее выдавалась бы въ качествѣ военной Іосифо-Георгіевская церковь; 3) Іосифо-Георгіевская церковь, вопреки закону, нарушенному, при открытіи ея, совершившимся, по выраженію консисторіи, по неизвѣстному распоряженію, а можетъ статься и самопроизвольно, самопричисленіемъ священниковъ Малова и Ширяева къ этому храму, никогда причта не имѣла и не имѣетъ до сего времени, въ ней служили и служатъ священники военнаго вѣдомства, изъ чего можно заключить, что на приписку Іосифо-Георгіевской церкви къ Александро-Невской, какъ старѣйшей по времени основанія и въ церковно-административномъ отношеніи совершенно самостоятельной, было больше основаній чѣмъ наоборотъ, и если-бы таковая приписка была сдѣлана, то современнымъ недоразумѣніямъ, которая изъ нихъ военная и которая нѣтъ—не было-бы мѣста; 4) протоіерей Маловъ направляющій всѣ свои усилія къ доказательству того, что строившаяся имъ Іосифо-Георгіевская церковь есть военная, прекрасно сознавалъ, что онъ строилъ приходскую церковь, подтвержденіемъ чего служитъ рапортъ его, какъ благочиннаго отъ 28 сего ноября 1868 г. за № 511 въ виду туркестанской духовной консисторіи при разборѣ настоящаго дѣла неимѣвшійся,—рапортъ, въ которомъ онъ ходатайствовалъ предъ военнымъ губернаторомъ сыръ-дарьинской области объ отпускѣ изъ какихъ-либо суммъ, на окончаніе работъ по постройкѣ церкви, 1500 руб., обѣщаясь пополнить этотъ заемъ по мѣрѣ дальнѣйшаго сбора пожертвованій изъ кошельковаго сбора,—подтвержденіемъ потому, что если-бы о Маловъ строилъ военную церковь (на что, впрочемъ, существуютъ военные инженеры), то съ просьбою объ отпускѣ денегъ онъ обратился-бы не къ губернатору, а или къ командующему войсками или же къ начальнику штаба, да и денегъ просилъ-бы не заимообразно и не давалъ-бы обѣщанія возвратить ихъ по накопленіи церковныхъ суммъ, (нужно замѣтить, что не смотря на предупрежденіе о. Малова, что въ случаѣ не ассигнованія 1500 р., постройка церкви остановится, деньги эти не были отпущены, такъ какъ надобность въ нихъ, какъ видно изъ резолюціи генерала Головачева на рапортѣ названнаго іерея, почему-то миновалась) и 5) хотя по церковному праву клировыя вѣдомости должны служить документальнымъ описаніемъ прихода во всѣхъ его составныхъ частяхъ, но вѣдомости по Іосифо-Георгіевской церкви, повѣрявшіеся священникомъ Маловымъ, по обязанности благочиннаго, не имѣютъ права претендовать на это высокое значеніе, ибо противорѣчатъ одна другой: въ нихъ Іосифо-Георгіевская церковь называется то военною, то не военною, то строившеюся на средства генералъ-губернатора, то созидавшеюся на доброхотныя приношенія прихожанъ... а потому троекратное обозначеніе въ вѣдомостяхъ (за 1869, 74 и 75 года),

что церковь сія военная, но юридическаго, ни даже справочнаго значенія не имѣютъ и въ виду вышеизложенной исторіи построенія церкви, есть результатъ или незнанія или ошибки, или сознательнаго искаженія фактовъ, предположеніе о которомъ находитъ себѣ оправданіе въ мнѣніи туркестанской духовной консисторіи учрежденія болѣе коммисіи компетентнаго о самопроизвольномъ самопричисленіи священниковъ Малова м Ширяева къ Іосифо-Георгіевскому храму съ момента открытія его. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что Іосифо-Георгіевская церковь, хотя и находилась въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства, но вѣдомству сему никогда не принадлежала, она есть собственность мѣстной нравственной общины. Церковь эта, будучи по существу приходской, причта своего до 1893 года не имѣла въ ней, съ самаго основанія ея, служили священники военнаго вѣдомства, перешедшіе въ 1888 году по принадлежности въ Спасо-Преображенскій соборъ, назначенный мѣстомъ молитвы туркестанскихъ войскъ. Хотя по освященіи собора Іосифо-Георгіевская церковь и не была закрыта, какъ-бы слѣдовало ожидать по случаю перехода служившаго въ ней духовенства въ новооткрытый тогда храмъ, но служба въ этой церкви продолжалась только потому, что она, съ разрѣшенія бывшаго преосвященнаго Неофита была передана во временное пользованіе туркестанской линейной бригадѣ, у которой былъ свой бригадный священникъ. Построена она съ цѣлью увѣковѣченія въ памяти населенія чудеснаго спасенія отъ руки злодѣя, Помазанника Божія, Царя Освободителя Императора Александра II, и она на вѣки должна остаться Іосифо-Георгіевской».

Имѣвшая описанную интересную историческую судьбу Іосифо-Георгіевская церковь была построена, въ зависимости отъ тогдашнихъ строительныхъ и финансовыхъ соображеній, по очень простому и незатѣйливому плану. Собственно церковь имѣетъ въ основаніи форму продолговатаго четыреугольника. Къ этому четыреугольнику въ 1874 году сѣверной и южной стороны были пристроены боковыя террасы. (См. приложеніе къ № 1).

Стѣны этого зданія выстроены изъ сырцоваго кирпича, на фундаментѣ изъ булыжнаго камня и цоколѣ изъ жженаго кирпича. Колокольня сложена вся изъ жженаго кирпича въ 1877 года.

Площадь, занимаемая церковью составляетъ всего 50 квадратныхъ саженъ, что по общепринятоту разсчету было-бы достаточно только для 800 молящихся, но въ воскресные и праздничные дни эта небольшая церковь бываетъ переполнена молящимися, вмѣщая болѣе 1000 душъ. Ташкентскій климатъ благопріятствуетъ скопленію молящихся, дозволяя совершать богослуженіе при открытыхъ дверяхъ, а въ большіе праздники, особенно на Пасху, Вербное воскресенье, въ день Преображенія, а также и въ день св. Троицы молящіеся густой стѣной окружаютъ церковь съ западной, южной и сѣверной сторонъ. Священниками Іосифо-Георгіевской церкви съ на-

чала ея сооруженія были: первымъ священникомъ митрофорный протоіерей Андрей Евграфовичъ Маловъ до 1888 года, скончавшійся 3 апрѣля 1899 года на восемьдесятъ пятомъ году жизни. Популярнѣйшій изъ ветерановъ покоренія края, извѣстный не только всему Туркестану, но и далеко внѣ предѣловъ края.

2) Священникъ о. Гавріилъ Ширяевъ.

3) Священникъ о. Василій Гавріиловичъ Покровскій (нынѣ военный протоіерей въ г. Асхабадѣ).

4) Священникъ о. Алексій Іоанновичъ Марковъ (нынѣ протоіерей).

5) Священникъ о. Василій Іоанновичъ Ѳедоровъ (скончавшійся 20 декабря 1906 года).

Всѣ поименованные священники были военнаго вѣдомства.

Какъ выше упомянуто Іосифо-Георгіевская церковь, находившаяся до 1893 года въ вѣдѣніи военнаго вѣдомствъ съ іюня мѣсяца того-же года, стала городской приходской церковью.

Первымъ священникомъ городскимъ былъ назначенъ преосвященнымъ Григоріемъ, окончившій курсъ рязанской духовной семинаріи Петръ Николаевичъ Богородицкій, рукоположенный во священники 1 іюня 1893 года архіепископомъ рязанскимъ и зарайскимъ Ѳеоктистомъ и прибывшій въ край въ іюнѣ мѣсяцѣ 1893 года. Ему сослужилъ сверхштатный діаконъ Ѳеодоръ Андреевичъ Боголюбовъ съ 14 сентября 1893 года по 16 іюля 1903 года. Преосвященный Паисій, желая облегчить труды настоятеля по церкви и приходу въ августѣ 1903 года, рукоположилъ діакона Боголюбова въ санъ священника на діаконскую вакансію, на каковой онъ и числился до своей смерти, которая послѣдовала въ октябрѣ мѣсяцѣ 1904 года.

Замѣстителемъ о. Боголюбова былъ назначенъ священникъ о. Ярославъ Іоанновичъ Студеный, который состоялъ въ должности до 8 іюля 1905 года. Послѣ о. Студенаго, получившаго другое назначеніе, священникомъ на вакансіи діакона съ августа мѣсяца 1905 г. по 20 мая 1906 г. состоялъ священ. Михаилъ Матѳеевичъ Сольскій. Послѣ о. Сольскаго, получившаго новое назначеніе, былъ назначенъ вторично на діаконскую вакансію священникъ Студеный. Первымъ діакономъ епархіальнаго вѣдомства былъ вышеупомянутый Ѳ. Боголюбовъ, послѣ Боголюбова, получившаго священство, діаконами были: Автономъ Синякевичъ по мартъ 1904 года, Арсеній Прибытковъ по 8 іюня 1907 года и съ 8 іюня 1907 года Іоаннъ Бруевичъ. Первымъ штатнымъ псаломщикомъ былъ Даніилъ Михайловскій съ 1899 года по іюль 1903 года. Хотя перечисленные о.о. діаконы состояли на псаломщической вакансіи, но во время церковнаго богослуженія, въ воскресные и праздничные дни, исполняли обязанности діакона, а для псаломщическихъ обязанностей при Іосифо-Георгіевской церкви состояли наемные церковники: Николай Даничкинъ, Василій Покровскій и Николай Петровъ.

О пастырской дѣтельности духовенства при Іосифо-Георгіевской церкви до преобразованія этой церкви въ городскую приходскую мы говорить не можемъ, такъ какъ первые священники служившіе въ этой церкви были военными священниками, и прихода въ тѣсномъ смыслѣ слова тогда не было: въ церковь къ богослуженію являлись главнымъ образомъ воинскіе чины и чиновники военно-народнаго управленія края съ ихъ семействами, а также и тогдашніе непостоянные жители Ташкента—торговцы и ремесленники. Служба церковная совершалась духовенствомъ по очереди. Особаго церковнаго хора не было, а по временамъ любители церковнаго пѣнія организовывали небольшіе смѣшанные хоры, которые и удовлетворяли церковно-богослужебной потребности. Небольшіе размѣры Іосифо-Георгіевской церкви чувствовались молящимися особенно въ большіе праздники, въ обыкновенные дни молящихся было немного, такъ какъ большая часть мужского населенія тогдашнаго города Ташкента состояла изъ чиновниковъ, служащихъ и рабочихъ. Въ царскіе дни, въ день Богоявленія молебенъ и водосвятіе совершались на церковной площади, при чемъ ставились особыя палатки, принадлежащіе военному вѣдомству. Внутреннее, т. е. религіозно-нравственное настроеніе прихода за первый періодъ существованія церкви—характеризовать нельзя, такъ какъ свѣдѣній объ этомъ ни въ церковной канцеляріи, ни въ мѣстныхъ печатныхъ органахъ не встрѣчается. Указаній на особые духовные запросы прихожанъ также не сохранилось.

Ко времени перечисленія Іосифо-Георгіевской церкви въ епархіальное вѣдомство въ Ташкентѣ было уже нѣсколько церквей военныхъ и частныхъ при учебныхъ заведеніяхъ; число жителей Ташкента значительно возрозло и церковное богослуженіе наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней и въ самые эти дни посѣщалось усердно—не только прихожанами церкви, но и жителями другихъ приходовъ. Въ этомъ отношеніи привычка многихъ старыхъ ташкенцевъ къ этой первой церкви города сохранялась и выражалась посѣщеніемъ совершаемаго въ ней богослуженія. Съ 1894 года при церкви состоитъ особый правильно организованный хоръ съ отдѣльнымъ регентомъ. На содержаніе хора въ послѣднее время съ разрѣшенія его преосвященства, преосвященнѣйшаго Димитрія, епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго, расходуется 1000 рублей*). Въ 1894 году былъ пріобрѣтенъ, съ разрѣшенія его преосвященства, преосвященнѣйшаго Григорія, бывшаго епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго**), особый церковный домъ для помѣщенія членовъ причта. Домъ построенъ изъ сырцоваго кирпича, крытъ желѣзомъ,

*) Указъ консисторіи отъ 31 января 1907 г. за № 744.
**) Указъ консисторіи отъ 28 апрѣля 1894 г. за № 160.

число комнатъ въ немъ 10, изъ которыхъ 4 занимаетъ настоятель церкви, 4 священникъ на вакансіи діакона и 2 діаконъ на вакансіи псаломщика. Домъ пріобрѣтенъ на счетъ церковныхъ суммъ за 7000 р., а въ. настоящее время эта цѣна должна быть увеличена въ двое или даже въ трое. Въ виду тѣсноты помѣщенія о. діакона въ текущемъ 1908 году, преосвященнымъ Димитріемъ разрѣшено устроить особый домъ на усадьбѣ церковно-приходской школы для помѣщенія діакона стоимостью по смѣтѣ 4500 рублей.

Въ 1907 году вся церковь была капитально ремонтирована на что потребовалась значительная сумма въ 6475 руб., разрѣшенныхъ его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Димитріемъ, епископомъ Гуркестанскимъ и Ташкентскимъ*).

Въ 1907 г. состоялось нижеслѣдующее опредѣленіе Св. Син. отъ 15 декабря 1907 года за № 15261 о назначеніи казеннаго жалованья причту Іосифо-Георгіевской церкви: «Вслѣдствіе представленія его преосвященства, отъ 16 іюля 1907 года за № 1922 о назначеніи Іосифо-Георгіевской церкви гор. Ташкента содержанія и квартирныхъ денегъ въ увеличенномъ размѣрѣ: священнику 900 руб., жалованья и квартирныхъ 300 руб., діакону жалованья 500 руб. и квартирныхъ 180 руб. и псаломщику 300 руб. жалованья и 120 р. квартирныхъ, св. сѵнодомъ опредѣлено: 1) въ дополненіе къ ассигнуемымъ изъ казны на содержаніе причта Іосифо-Георгіевской церкви въ г. Ташкентѣ 350 руб. назначить на содержаніе сего причта со дня настоящаго опредѣленія, еще по 700 руб. въ годъ изъ кредита, ассигнуемаго изъ казны по пар. 7 ст. 1 финансовой смѣты св. сѵнода съ тѣмъ, чтобы изъ общей суммы 1050 руб. священникъ получалъ 750 руб. и псаломщихъ 300 руб. и 2) отклонивъ ходатайство о назначеніи содержанія діакону при той-же церкви съ предоставленіемъ его преосвященству сохранить эту вакансію при Іосифо-Георгіевской церкви лишь при условіи отношенія содержанія діакона на мѣстныя приходскія средства**).

Современное положеніе прихода Ташкентской Іосифо-Гергіевской церкви можно назвать во всѣхъ отношеніяхъ благоустроеннымъ: прихожане относятся къ своему причту съ довѣріемъ и благожелательностью, а причтъ съ своей стороны старается удовлетворить безъ замедленія всѣмъ духовнымъ потребностямъ прихожанъ. Число требъ при Іосифо-Георгіевской церкви бываетъ весьма значительно: такъ въ въ 1907 году крещеній было 472 обоего пола младенцевъ, браковъ было 98 и погребеній 199 обоего пола. Частныхъ требъ бываетъ также много, что объясняется не только привычкой жителей гор. Ташкента къ этой именно церкви и ея центральнымъ положеніемъ въ городѣ, но и большею аккуратностью причта.

---

*) Указъ консисторіи отъ 3 августа 1907 года за № 4636.

**) Указъ консисторіи отъ 22 января 1908 г. за № 421.

Особыхъ замѣчаній относительно религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ нѣтъ; но современи нашей всероссійской смуты у прихожанъ нашей церкви есть одинъ недостатокъ общій прихожанамъ и другихъ церквей города и пожалуй всей Россіи послѣднихъ годовъ,—отсутствіе наблюденія за дѣтьми, которыя въ часы богослуженія рѣдко посѣщаютъ церковь, а отправляются (особенно учащіяся въ школахъ) за городъ (въ теплое время года на рыбалки) или толпятся на улицахъ и около церквей на площадяхъ и тротуарахъ. И на этотъ недостатокъ приходскіе священники обращаютъ вниманіе въ своихъ поученіяхъ въ церкви и въ частныхъ бесѣдахъ.

Съ 1899 года для сближенія прихожанъ, особенно подростающаго молодого поколѣнія съ Св. Церковью, возбужденія въ нихъ чувства благоговѣнія къ святымъ имя которыхъ они носятъ, и къ ихъ священнымъ изображеніямъ, наученія молиться своимъ святымъ покровителямъ, знанія ихъ жизни и благочестивыхъ подвиговъ, причтомъ церкви новорожденнымъ младенцамъ прихожанъ выдаются небольшія именныя иконки по преимуществу тѣхъ святыхъ, именемъ которыхъ нарекаютъ новорожденныхъ младенцевъ. На именныхъ иконахъ на лицевой сторонѣ внизу изображенія напечатанъ тропарь святому, а на оборотной сторонѣ иконы напечатано болѣе или менѣе полное житіе святого и форма выписи акта о рожденіи новорожденнаго.

Богослуженіе въ Іосифо-Георгіевской церкви совершается почти ежедневно цѣлый годъ. Обѣдня служится въ 8 часовъ утра, а вечерня въ 4 или 5 часовъ вечера, смотря по времени года. По субботамъ предъ обѣдней, послѣ часовъ, еженедѣльно, кромѣ Великаго Поста, читается акаѳистъ Покрову Божіей Матери, Скоропослушницѣ и др. За литургіей поминаются за эктеніями о здравіи и за упокой, помимо особыхъ просьбъ прихожанъ, благодѣтели и украсители храма. Почти въ каждое воскресенье и въ праздничные дни говорятся проповѣди, которыя слушаются съ большимъ вниманіемъ. Такимъ образомъ причтъ поддерживаетъ въ приходѣ молитвенное настроеніе и по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствуетъ ихъ религіозно-нравственному просвѣщенію, а для обученія дѣтей прихожанъ началамъ религіи и грамоты при церкви существуетъ и значительною частью на ея средства содержится особая одноклассная церковно-приходская школа, открытая 15 марта 1887 года. Іосифо-Георгіевская школа до августа мѣсяца 1894 года помѣщалась въ зданіи Сыръ-Дарьинскаго областного правленія. Но затѣмъ послѣднее, само нуждаясь въ помѣщеніи для чертежниковъ, предложило завѣдывающему школой, перевести ее въ другое помѣщеніе. При недостаточности школьныхъ средствъ трудно было найти сколько нибудь подходящую для школы квартиру. Поэтому тогда же ташкентскимъ благочиннымъ, протоіереемъ К. Н. Богородицкимъ, было возбуждено ходатайство предъ епархіальнымъ начальствомъ о разрѣшеніи начать сборъ пожертво-

ваній на постройку зданія для школы, пріурочивъ сооруженіе этой постройки къ памяти бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ксеніи Александровны. Разрѣшеніе преосвященнаго Григорія, бывшаго епископа Туркестанскаго, было получено въ Ташкентѣ какъ разъ въ то время, когда вся Русь уже оплакивала кончину Царя-Миротворца. Поэтому когда было доложено главному начальнику края о началѣ сбора пожертвованій для названной цѣли, то его высокопревосходительство, выразилъ свое покровительственное сочувствіе нуждамъ Георгіевской церковно-приходской школы, въ то время единственной*) во всемъ Туркестанскомъ краѣ и сдѣлавъ первое пожертвованіе на нее, пожелалъ посвятить школьное зданіе памяти Императора Александра III. Къ желанію его высокопревосходительства присоединился и преосвященный Григорій, благословившій также сборъ пожертвованій на названную школу. Вслѣдъ за этимъ Ташкентская городская дума, по ходатайству преосвященнаго Григорія, отвела безплатно мѣсто для школы на углу Воронцовскаго проспекта и Инженерной улицы, мѣрою 440 квадр саженъ.

Основнымъ фондомъ для постройки зданія Георгіевской школы послужилъ капиталъ въ 1000 рублей, отчисленный на школу, при открытіи ея, изъ средствъ Іосифо-Георгіевской церкви. Всѣ остальныя суммы, кромѣ весьма значительнаго ассигнованія на постройку школы отъ епархіальнаго училищнаго совѣта, были пожертвованы добрыми людьми по подписнымъ листамъ чрезъ о.о. настоятелей туркестанскихъ и семирѣченскихъ церквей и чрезъ бывшаго попечителя школы, коллежскаго совѣтника П. И. Павлова. Пожертвованія были слѣдующія: отъ бывшаго главн. начал. края барона А. Б. Вревскаго 50 рублей, преосвященнѣйшаго Григорія 25 руб., жены коллежскаго совѣтника Е. О. Павловой 200 руб., московскаго купца Рѣшетникова 200 руб., вдовы статскаго совѣтника Т. Н. Гориздро 100 руб., по подписнымъ листамъ отъ о.о. настоятелей туркестанскихъ и семирѣченскихъ церквей 890 руб. 81 коп., сверхъ того, поступило пожертвованій чрезъ бывшаго попечителя школы коллежскаго совѣтника Павлова 772 руб. 55 коп., чрезъ благочиннаго протоіерея К. Н. Богородицкаго 161 руб., отъ Туркестанскаго епархіальнаго училищнаго совѣта 420 руб., изъ сбереженій по содержанію школы отъ завѣдывающаго школой, священника Петра Богородицкаго 598 руб. 30 коп., а всего съ основнымъ капиталомъ въ 1000 руб. на приходъ поступило 4417 руб. 66 коп.

Такъ, съ Божію помощью, въ 1896 году школа обезпечилась собственнымъ помѣщеніемъ. Школьное зданіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ нужно признать удовлетворительнымъ, состоитъ изъ

*) Говорю единственной потому что Семирѣченская область въ то время не входила въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства.

пяти комнатъ, изъ нихъ двѣ служатъ для классовъ, двѣ для квартиры учителя и одна для библіотеки и сборной комнаты. Размѣры классовъ слѣдующіе: 1-го класса 10×7¾ арш., 5 арш. высоты, 2-го класса 10×7¾ арш. и 5 арш. высоты. При школѣ имѣется очень хорошій тѣнистый садъ, гдѣ дѣти отдыхаютъ и рѣзвятся въ свободное отъ занятій время. Со времени основанія (въ 1887 году) по текущій 1908 годъ въ Іосифо-Георгіевской церковно-приходской школѣ обучалось 1134 человѣка. Число дѣтей обучавшихся въ Іосифо-Георгіевской церковно-приходской школѣ постепенно возрастало: при открытіи школы въ 1887 году было всего 27 человѣкъ (18 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ), а въ настоящемъ 1908 году въ школѣ обучается 70 мальчиковъ (дѣвочекъ въ числѣ учащихся нѣтъ). Приведенныя цифры ясно свидѣтельствуютъ, что довѣріе родителей къ церковной Іосифо-Георгіевской школѣ не уменьшается, а на оборотъ возрастаетъ. Не смотря на увеличеніе числа министерскихъ школъ въ Ташкентѣ: за время съ 1887 года по 1908 годъ число учащихся въ Ісифо-Георгіевской школѣ почти утроилось. Обучавшіяся въ церковной школѣ дѣти вмѣстѣ съ необходимымъ въ житейскомъ быту умѣніемъ читать, писать и считать получали элементарныя историческія и географическія свѣдѣнія, необходимыя каждому православно-русскому человѣку. Вообще свѣдѣнія, полученныя учащимися въ церковно-приходской школѣ были настолько удовлетворительны и закончены, что значительная часть учащихся, по желанію своихъ родителей, поступала въ другія учебныя заведенія, не исключая даже гимназіи и реальнаго училища для продолженія своего образованія и церковная школа для такихъ дѣтей въ теченіи 20 лѣтъ помимо своей прямой задачи служила подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ; другія дѣти, болѣе нуждающихся родителей, ограничивши свое обученіе въ церковной школѣ получали свидѣтельства на льготу 3 разряда по воинской повинности до 1908 года, а съ этого года свидѣтельства съ окончаніемъ курса пристраивались къ разной практической дѣятельности, оплачиваемой вознагражденіемъ: въ мѣстныя типографіи, въ торговые магазины и конторы, а другія, безъ сомнѣнія, являлись въ своихъ семьяхъ хорошими помощниками своимъ родителямъ.

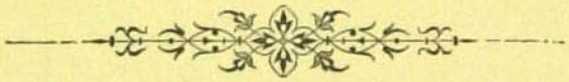
Описанные результаты дѣятельности названной школы вполнѣ оправдываютъ ея настоящее существованіе въ Ташкентѣ наряду съ школами министерства народнаго просвѣщенія, такъ какъ ежегодно замѣчается увеличеніе числа дѣтей школьнаго возраста, не принятыхъ, за неимѣніемъ мѣста, въ министерскихъ школахъ.

Такимъ образомъ Іосифо-Георгіевская церковно-приходская школа не только отвѣчаетъ своему назначенію, но и удовлетворяетъ дѣйствительной потребности народнаго образованія нашего боль-

шого города Ташкента. Дѣти пришлаго русскаго народа въ Ташкентѣ нуждались не только въ обыкновенной грамотности, но и особенно въ церковномъ направленіи, такъ какъ живутъ и развиваются духовно при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: съ одной стороны на ихъ развитіи отражается современная всероссійская смута, а съ другой стороны и окружающая ихъ мусульманская среда. Если наши иновѣрные сограждане столь заботливо относятся къ обученію своихъ дѣтей въ духѣ исповѣдуемой ими религіи, то намъ русскимъ будетъ не простительно менѣе мусульманъ заботиться о воспитаніи дѣтей русскаго народа въ духѣ своей религіи и своей церкви.

Настоятель Ташкентской Іосифо-Георгіевской
церкви священникъ ***Петръ Богородицкій.***

20 іюня 1908 года.
Гор. Ташкентъ.



167

ПО ВОПРОСУ

О ПРОДОЛЖЕНІИ

СРЕДНЕАЗІАТСКОЙ

ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ

отъ Ташкента на Чимкентъ и Вѣрный.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Арнгольда, Литейный просп., № 59.
1899.

1027А.

ОТЪ АВТОРА.

Предлагаемыя въ настоящей брошюрѣ соображенія по вопросу о продолженіи Среднеазіатской желѣзной дороги отъ Ташкента на Чимкентъ и Вѣрный—не предназначались авторомъ для печати. Это—докладъ, спѣшно составленный, по приказанію Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, въ виду предстоящаго обсужденія вопроса въ правительственныхъ сферахъ. Такъ какъ при составленіи его не имѣлось ни времени, ни возможности воспользоваться тѣми матеріалами, которые могли бы служить къ болѣе полному выясненію вопроса, то на него и нельзя смотрѣть какъ на попытку всесторонняго его изслѣдованія.

Вотъ почему, выпуская предлагаемую брошюру въ свѣтъ, составитель ея надѣется на снисходительное отношеніе читателей къ нѣкоторой поверхностности изложенія, отсутствію точныхъ цифровыхъ данныхъ и къ другимъ особенностямъ, вызваннымъ условіями ея составленія.

С.-Петербургъ.
18 Марта 1899 г.

По вопросу о продолженіи Среднеазіатской желѣзной дороги отъ Ташкента на Чимкентъ и Вѣрный.

Глава I.

Возникновеніе проекта соединенія среднеазіатскихъ дорогъ съ Сибирской магистралью, по Алтайскому направленію, на Томскъ или Маріинскъ.—Преимущества Алтайскаго пути по сравненію съ прежними проектами соединенія на Челябинскъ или Петропавловскъ.—Особое значеніе участка отъ Ташкента до Чимкента.

Въ настоящее время Ташкентъ, т. е. административный центръ Туркестанскаго края, который, со включеніемъ въ него Закаспійской и Семирѣченской областей, будетъ представлять собою весьма значительную не только по пространству, но и по населенію, часть Россійской имперіи—соединенъ желѣзной дорогой уже со всѣми областными городами этой обширной окраины, кромѣ центра Семирѣченской области — города Вѣрнаго. Вполнѣ естественно, что мысль о проведеніи рельсоваго пути и къ этому послѣднему пункту возникла еще раньше окончанія желѣзной дороги къ Ташкенту и, особенно настойчиво проводимая представителями Семирѣчья, нашла довольно сочувственный пріемъ какъ въ печати, такъ и въ офиціальномъ мірѣ.

Первоначально, однако, мысль эта возникла на почвѣ одного изъ проектовъ соединенія среднеазіатскихъ дорогъ съ великой Сибирской магистралью, въ противовѣсъ ранѣе высказаннымъ предположеніямъ подобнаго соединенія путями отъ Ташкента на Петропавловскъ или Челябинскъ. [1]).

Какъ и всѣ проекты соединенія среднеазіатскихъ дорогъ съ

---

[1]) См. прилагаемую въ концѣ отчетную карту.

Сибирской, направленіе на Вѣрный, Семипалатинскъ и далѣе на Томскъ или Маріинскъ, въ виду невозможности, по соображеніямъ финансовымъ, осуществить его одновременно съ рельсовымъ путемъ отъ Ташкента на Оренбургъ—находится, конечно, въ рѣзкой противоположности со взглядами тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя находятъ болѣе неотложнымъ прямое соединеніе центра средней Азіи съ центромъ всей Имперіи, но, оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о преимуществахъ Оренбургскаго направленія надъ Сибирскимъ или обратно—нельзя не замѣтить, что изъ числа проектовъ, ставящихъ на первую очередь соединеніе не окраины съ центромъ, а двухъ окраинъ, весьма различныхъ по своимъ естественнымъ условіямъ, между собою — направленіе соединительнаго пути на Вѣрный и болѣе отдаленные отъ Европейской Россіи пункты, какъ Томскъ или Маріинскъ, такъ называемымъ Алтайскимъ путемъ,—представляется во всѣхъ отношеніяхъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ установленіе связи Ташкента съ Петропавловскомъ или Челябинскомъ.

Оба послѣдніе пути, приближаясь, болѣе чѣмъ Алтайское направленіе, къ прямому направленію на Оренбургъ—не удовлетворили бы ни требованіямъ ближайшаго сообщенія Туркестана съ сердцемъ Имперіи, изъ котораго эта окраина только и можетъ почерпать свои матеріальныя и духовныя силы, снабжая его произведеніями своей южной природы (за которыя Россія платитъ доселѣ такую огромную дань иностранцамъ), ни съ другой стороны—возможности сбывать свои продукты ближайшимъ путемъ, въ бо́льшую, наиболѣе нуждающуюся въ нихъ и самую богатую часть Сибири.

Правда, хлѣбные грузы западной Сибири нашли бы по этимъ путямъ удобный сбытъ въ Туркестанъ, но обратно изъ Туркестана, ни въ Челябинскъ, ни въ Петропавлоскъ везти было бы нечего: самой по себѣ западной Сибири не нужно туркестанскаго хлопка; для снабженія ея кишмишемъ и не существующими пока туркестанскими винами [1]) едва ли стоитъ строить

[1]) Винодѣліе находится пока въ Туркестанѣ, какъ извѣстно, только въ зародышѣ, не составляя промысла населенія, какъ на Кавказѣ и въ другихъ странахъ, вывозящихъ вино въ значительномъ количествѣ, и не имѣетъ возможности ни стать кустарнымъ промысломъ среди мусульманскаго населенія, ни развиться капиталистическимъ путемъ, за совершеннымъ отсутствіемъ капиталовъ на болѣе вѣрныя предпріятія.

желѣзную дорогу, а какъ транзитный путь —оба эти направленія совершенно не выдерживаютъ критики.

Въ самомъ дѣлѣ: существеннѣйшей, самой цѣнной и наиболѣе важной для Россіи части туркестанскихъ грузовъ, хлопку, нуженъ выходъ въ Москву, а сравнительно ничтожной и малоцѣнной части ихъ: сушенымъ фруктамъ [1]), рису, вину и можетъ быть со временемъ, мануфактурѣ (если бумажное производство не только будетъ установлено въ Туркестанѣ, но и приметъ крупные размѣры)—въ среднюю и восточную Сибирь. Между тѣмъ, доставка хлопка въ Москву кружнымъ путемъ, черезъ Сибирь, помимо напраснаго накладнаго расхода за перевозку на протяженіи лишней 1000 в. [2]), повела бы къ безполезному загроможденію туркестанскими грузами западной оконечности Сибирской магистрали, уже и теперь не справляющейся съ предъявляемыми къ ней грузами, а южные продукты, пробѣгая въ среднюю и восточную Сибирь также кружнымъ путемъ, черезъ западную, на разстояніи лишнихъ 400—900 верстъ—обходились бы сибирякамъ значительно дороже, чѣмъ при доставкѣ прямымъ путемъ на Вѣрный-Маріинскъ, да кромѣ того сталкивались бы въ западной Сибири съ тѣми же продуктами кавказскими, которые скоро получатъ удобный доступъ въ западную Сибирь по прямому пути, чрезъ Царицынъ-Оренбургъ-Орскъ-Челябинскъ.

Въ стратегическомъ, а слѣдовательно и въ политическомъ отношеніяхъ, замедляя едва ли не вдвое, по сравненію съ Оренбургскимъ направленіемъ, сосредоточеніе въ Туркестанѣ значительныхъ силъ со средней Волги,—оба западно-сибирскіе соединительные пути были бы для Туркестана, а слѣдовательно и для политическаго положенія Россіи въ Азіи—едва ли не столь же безполезными, какъ и Алтайское направленіе.

---

[1]) Свѣжіе фрукты не могутъ найти сбыта въ Сибири по отсутствію тамъ достаточнаго контингента лицъ, нуждающихся и способныхъ покупать нѣжные южные фрукты. Въ этомъ отношеніи Франція, гдѣ тѣ же сорта фруктовъ поспѣваютъ на 5—6 недѣль позже Туркестана.—скорѣе можетъ стать нашимъ покупателемъ, если достигнута будетъ возможность доставлять туркестанскіе фрукты (особенно дюшессы) въ Парижъ въ теченіи 10—12 дней.

[2]) Что составило бы, при вывозѣ 10 мил. пуд. хлопка, по минимальному тарифу въ $^1/_{50}$ коп., ежегодную безполезную приплату около 2 мил. рублей, которые потребителямъ бумажныхъ тканей пришлось бы пополнять съ лихвою и которыхъ съ избыткомъ хватило бы на уплату процентовъ за капиталъ, необходимый для сооруженія прямаго рельсоваго пути на Оренбургъ.

Словомъ, не удовлетворяя ни цѣлямъ непосредственнаго соединенія центра съ окраиной, ни одной окраины съ другой—соединительные пути на Петропавловскъ или Челябинскъ совершенно не выдерживаютъ сравненія съ Алтайскимъ, ближайшую къ Туркестану часть котораго долженъ неминуемо составить участокъ Ташкентъ-Вѣрный.

Съ проведеніемъ прямого пути съ Кавказа на Челябинскъ, уже окончательно разрѣшеннаго къ постройкѣ, преимущества Алтайскаго пути, предъ обоими болѣе западными, становятся особенно очевидными, такъ какъ бѣглый взглядъ на карту указываетъ, что линіи: Новороссійскъ-Царицынъ-Оренбургъ-Орскъ-Челябинскъ и Ташкентъ-Вѣрный-Семипалатинскъ-Кузнецкъ-Маріинскъ, пролегая почти параллельно, но въ разстояніи свыше 1600 верстъ одна отъ другой—всего менѣе будетъ мѣшать другъ другу, давая удобное сообщеніе съ южными окраинами Имперіи, весьма удаленнымъ между собою раіонамъ Сибири.

Наконецъ сами по себѣ, пути отъ Ташкента на Петропавловскъ или Челябинскъ пролегали бы по весьма мало населеннымъ или совершенно не культурнымъ киргизскимъ степямъ, тогда какъ Алтайскій соединительный путь пересѣчетъ богатѣйшіе въ естественномъ отношеніи и уже сравнительно населенные раіоны, расположенные между Туркестаномъ и Сибирью, которые остались бы совершенно отрѣзанные отъ Европейской Россіи, если бы соединеніе Туркестана съ Сибирью миновало ихъ. Обладая огромными пространствами, пригодными для хлѣбопашества и скотоводства, Семирѣченская и Семипалатинская области, съ проведеніемъ желѣзной дороги, будутъ въ состояніи во много разъ увеличить свою производительность и, обезпечивъ Туркестану дешевый хлѣбъ,—позволятъ ему, на благо всей Имперіи, усилить производство хлопка [1]), а въ случаѣ развитія въ средней Азіи мануфактурной промышленности—Алтайскій путь дастъ возможность сбывать дешевые бумажные фабрикаты ея на всемъ пространствѣ какъ соединительнаго пути, такъ равно средней и восточной Сибири.

---

[1]) Если, какъ увидимъ ниже, туркестанскій хлопокъ получитъ къ тому времени возможность скоро и дешево достигать Москвы по прямому, кратчайшему и непрерывному рельсовому пути.

Въ военномъ отношеніи, хотя и не представляя никакихъ удобствъ въ смыслѣ сосредоточенія войскъ къ стратегическимъ пунктамъ нашей азіатской границы, Алтайское направленіе, тѣмъ не менѣе, дополняя собой рельсовый путь, опоясывающій съ сѣвера всю Китайскую имперію, конечно, также не лишено будетъ нѣкотораго значенія.

Намѣченныя выше соображенія съ достаточной ясностью показываютъ, что, хотя и не замѣняя собою въ какой бы ни было мѣрѣ прямого соединенія Туркестана съ Москвою на Оренбургъ,—Алтайскій соединительный пунктъ съ Сибирью, въ качествѣ таковаго, безусловно выгоднѣе всѣхъ возможныхъ направленій для связи великой Сибирской магистрали съ среднеазіатскими желѣзными дорогами и окажется тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ восточнѣе избрано будетъ соединеніе его съ Средне-Сибирской дорогой, почему направленіе на Маріинскъ слѣдуетъ признать болѣе выгоднымъ, чѣмъ на Томскъ.

Но если таково значеніе Алтайскаго пути на всемъ его протяженіи въ 2475 верстъ [1]), то ближайшія къ Туркестану 735 верстъ его, соединяя центръ всего Туркестана, Ташкентъ, съ центромъ Семирѣчья—Вѣрнымъ, и давая хлѣбнымъ избыткамъ послѣдняго, равно какъ и сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области, возможность проникать въ хлопковые раіоны остальныхъ областей Туркестана—пріобрѣтаютъ сугубое значеніе, возрастающее обратно пропорціонально удаленію отдѣльныхъ участковъ этой линіи отъ Ташкента и достигающее своего максимума на, непосредственно примыкающемъ къ Ташкенту, участкѣ отъ Чимкента, протяженіемъ 115 верстъ.

Это послѣднее свойство линіи Ташкентъ-Вѣрный представляется весьма характернымъ и особенно благопріятнымъ для постройки ея условіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ: вся линія отъ Ташкента до Вѣрнаго, по своему значенію и по естественнымъ свойствамъ прорѣзаемой ею мѣстности, можетъ быть раздѣлена на три части: Ташкентъ-Чимкентъ—115 вер., Чимкентъ-Пишпекъ—440 вер. и Пишпекъ-Вѣрный—180 вер. [2]). Первый изъ этихъ участковъ, самый

---

[1]) Считая между городами по прямымъ линіямъ.
[2]) Спрямляя изгибы почтовыхъ трактовъ.

ближайшій къ Ташкенту, самый короткій и самый дешевый въ постройкѣ по свойствамъ мѣстности — представляется безусловно и самой важной изъ частей всего Алтайскаго соединительнаго пути, такъ какъ онъ составляетъ неизбѣжную составную часть каждаго направленія, какое только можетъ быть придумано для соединенія Ташкента: съ Европейской ли Россіей непосредственно, или съ западной, или съ средней Сибирью. Чимкентъ искони служилъ весьма важнымъ узловымъ пунктомъ сначала караванныхъ, потомъ почтовыхъ, а въ будущемъ останется таковымъ же и для желѣзныхъ путей изъ культурной части средней Азіи на Оренбургъ и Сибирь. Этого обстоятельства нельзя упускать изъ вида и, при сооруженіи желѣзной дороги отъ Ташкента на Чимкентъ, участку этому необходимо придать двойную пропускную способность по сравненію съ той, которая принята будетъ за норму на протяженіи отъ Чимкента на Оренбургъ и на Вѣрный-Маріинскъ, во избѣжаніе тѣхъ же неудобствъ, которыя обусловливаются нынѣ недостаточной пропускной способностью Самаро-Златоустовской желѣзной дороги, вызывающей залежи грузовъ на западно-сибирской.

Значеніе и необходимость скорѣйшей постройки Ташкентско-Чимкентскаго участка весьма подробно разобраны уже въ особой запискѣ, составленной Штабомъ Туркестанскаго Военнаго Округа и представленной Военному Министру. Не повторяя здѣсь всѣхъ доводовъ этой записки, можно отмѣтить только, что она разбираетъ значеніе этой линіи внѣ зависимости отъ возможнаго продолженія ея на Оренбургъ или Сибирь и, слѣдовательно, сохраняетъ свою силу и относительно значенія этого участка какъ перваго звена въ линіи Ташкентъ-Вѣрный, и, что при всѣхъ естественныхъ богатствахъ примыкающаго къ Чимкенту раіона — значеніе и неотложность проведенія этой дороги все же обусловливается не столько мѣстнымъ ея значеніемъ, сколько тѣмъ именно обстоятельствомъ, что участокъ Ташкентъ-Чимкентъ составляетъ необходимое звено обѣихъ линій, которыя, конечно, свяжутъ въ будущемъ Туркестанъ съ Европейской Россіей и Сибирью. Такимъ образомъ участокъ Ташкентъ-Чимкентъ нельзя разсматривать только какъ первое звено Алтайскаго соединительнаго пути: значеніе его гораздо обширнѣе и вопросъ о времени и способѣ его сооруженія долженъ быть разрѣшенъ

совершенно независимо отъ дальнѣйшаго проведенія желѣзной дороги на Вѣрный, Семипалатинскъ и т. д.

Признавая такимъ образомъ за участкомъ до Чимкента самостоятельное, независимое отъ Алтайскаго пути значеніе, правильнѣе будетъ считать началомъ послѣдняго уже не Ташкентъ, а Чимкентъ, на всемъ протяженіи отъ котораго, до соединенія съ Сибирскою магистралью, путь этотъ сохранитъ единство назначенія и можетъ обладать одинаковымъ устройствомъ и одинаковой пропускною способностью, хотя отдѣльные участки этой длинной линіи будутъ все же весьма различны по своему экономическому значенію.

Глава II.

Грузы, которые могутъ быть предъявлены къ Алтайскому соединительному пути въ южномъ направленіи.—Зависимость размѣра производства хлопка въ Туркестанѣ отъ мѣстныхъ цѣнъ на хлѣбъ и условій вывоза хлопка.—Потребность Туркестана въ привозномъ хлѣбѣ въ настоящее время и возможный размѣръ ея въ будущемъ. Грузы Алтайскаго соединительнаго пути въ сѣверномъ направленіи до и послѣ соединенія Туркестана прямымъ путемъ съ центромъ Имперіи.—Значеніе отдѣльныхъ участковъ Алтайскаго соединительнаго пути.

Чтобы выяснить и опредѣлить значеніе собственно предмета настощей записки — продолженія Среднеазіатской желѣзной дороги до Вѣрнаго, необходимо попытаться опредѣлить, хотя бы до нѣкоторой степени приблизительно, свойство и количество главнѣйшихъ грузовъ, на которые можетъ расчитывать какъ весь Алтайскій путь, такъ и ближайшіе къ Туркестану участки его. Конечно, подобные разсчеты могутъ быть только весьма приблизительными; опытъ показываетъ, что желѣзныя дороги, проводимыя въ малонаселенныхъ и малокультурныхъ мѣстностяхъ, обыкновенно способствуютъ экономическому перерожденію края и весьма скоро оставляютъ позади тѣ разсчеты, на которыхъ опредѣлена была необходимая для нихъ провозоспособность; но это обстоятельство доказываетъ только, что проектируя дороги въ Азіи, не слѣдуетъ разсчитывать возможное для нихъ движеніе слишкомъ скупо, хотя въ то

же время нельзя, конечно, ожидать предъявленія имъ такихъ грузовъ, которымъ, по мѣстнымъ условіямъ, неоткуда взяться.

Транзитное движеніе оставимъ пока въ сторонѣ, а обращаясь къ мѣстному, займемся сначала грузами, которые пойдутъ въ южномъ направленіи, т. е. въ Туркестанъ.

Во главѣ такихъ грузовъ стоитъ, конечно, хлѣбъ, возможное освобожденіе отъ посѣвовъ котораго туркестанскихъ, искуственно орошаемыхъ пашенъ—весьма желательно для увеличенія на нихъ посѣвовъ хлопка. Въ какомъ же количествѣ привознаго хлѣба нуждается нынѣ и можетъ нуждаться въ будущемъ Туркестанъ? На этотъ вопросъ можно отвѣтить: пока въ весьма небольшомъ, но въ будущемъ, если хлопководство будетъ поставлено въ болѣе благопріятныя для его развитія условія—количество привознаго хлѣба можетъ потребоваться весьма значительное.

Въ самомъ дѣлѣ: цѣны на зерновые хлѣба за послѣдніе годы колебались въ Туркестанѣ весьма значительно и почти въ прямой зависимости отъ размѣровъ хлопковыхъ посѣвовъ. До значительнаго увеличенія послѣднихъ, т. е. до конца 80-хъ годовъ, Туркестанъ совсѣмъ не нуждался въ привозномъ хлѣбѣ, такъ какъ цѣна на свое зерно была въ немъ настолько низка (20—30 к. за пудъ ячменя и джугары и около 50 к. пшеница) что привозное не могло бы съ нимъ конкурировать. Послѣ 1890 г., параллельно съ увеличеніемъ посѣвовъ хлопка, цѣны на хлѣбъ стали быстро возрастать и въ 1893—94 гг. достигли несообразныхъ размѣровъ: 1 р. 30 — 1 р. 50 к., а въ Ферганѣ даже 2 р. за пудъ пшеницы, что вызвало не только привозъ хлѣба изъ Европейской Россіи, для продовольствія войскъ, но и нѣкоторое сокращеніе посѣвовъ хлопка и сильное увеличеніе богарныхъ (неполивныхъ) посѣвовъ хлѣба. Въ результатѣ—цѣна на хлѣбъ сильно упала и въ концѣ 1894 и въ 1895 гг. держалась на 50—60 коп., а за тѣмъ, благодаря новому усиленію хлопковыхъ посѣвовъ, вызванному увеличеніемъ пошлины на заграничный хлопокъ и плохимъ урожаемъ его въ Америкѣ — снова стала возрастать и въ прошломъ, 1897 — 98 г., стояла въ среднемъ около 1 р. за пудъ, безразлично кормовыхъ и пищевыхъ хлѣбовъ.

Производство хлопка въ Туркестанѣ, вмѣстѣ съ Бухарой и

Хивой, достигало въ 1895—97 гг. до 5 милл. пудовъ, изъ которыхъ свыше 3 милл. пудовъ давала Ферганская область; но, въ зиму 1897—98 года Закаспійская дорога не состояніи была справиться съ предъявленнымъ къ ней грузомъ, а Каспійскіе пароходы не могли своевременно перебросить его въ Россію; скупщики хлопка понесли убытки и это не могло не отразиться на посѣвахъ его въ слѣдующемъ году. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшаго генералъ-губернатора Барона Вревскаго, поданномъ весною 1898 г., уже было высказано предположеніе, что при такихъ условіяхъ вывоза производство хлопка въ Туркестанѣ должно сократиться... Такъ и случилось: въ прошломъ, 1898 г. Фергана сильно сократила посѣвъ хлопка и вмѣсто 3 милл. пуд. волокна дала только нѣсколько болѣе 1 1/2 милл. Освободившіяся отъ хлопка земли заняты, очевидно, опять хлѣбомъ, потому что цѣна на него въ Туркестанѣ повсемѣстно упала въ текущемъ году до 70—40 коп. и въ этомъ году, при существованіи Алтайскаго соединительнаго пути — едва ли пришлось бы везти по нему въ Туркестанъ хлѣбные грузы...

Конечно, не одна только недостаточная провозоспособность Закаспійской желѣзной дороги повліяла на сокращеніе хлопковыхъ посѣвовъ въ Туркестанѣ; на нихъ отозвалось также: чрезмѣрное повышеніе цѣнъ на рабочія руки и увеличеніе вслѣдствіе того стоимости обработки полей хлопчатника; пониженіе цѣнъ на хлопокъ въ предшествовавшемъ году, вслѣдствіе хорошаго урожая въ Америкѣ и высокія хлѣбныя цѣны двухъ послѣднихъ лѣтъ въ Туркестанѣ, но фактъ, что Закаспійская желѣзная дорога не въ состояніи была вывезти 5-ти милліоннаго урожая хлопка въ 1897 году—остается фактомъ [1]).

И такъ, количество привознаго хлѣба, въ которомъ можетъ нуждаться Туркестанъ, зависитъ непосредственно отъ количества производимаго имъ хлопка. По опыту настоящаго и предшествовавшихъ 1893-му годовъ, можно принять съ достаточною точностью, что при производствѣ, во всей подвластной Россіи Средней

---

[1]) Съ предполагаемымъ улучшеніемъ ея провозоспособности неудобство это до нѣкоторой степени сократится, но производство хлопка, какъ увидимъ ниже, отъ этого возрости не можетъ, а потому польза отъ затраты на это 10 мил. р. представляется сомнительной.

Азіи, не свыше 3 милл. пудовъ хлопковаго волокна—населеніе ея можетъ свободно прокормиться своимъ хлѣбомъ, не нуждаясь въ привозномъ, доставка котораго, при такихъ условіяхъ, окажется, въ свою очередь, невыгодной по сравненію съ мѣстными цѣнами. Каждый милліонъ пудовъ волокна сверхъ этой нормы, отнимая (при среднемъ урожаѣ въ 15 пуд. волокна съ десятины) у хлѣба нѣсколько болѣе 60,000 дес.—вызываетъ нехватку хлѣба въ 3 милл. пудовъ (считая средній урожай зерна въ 50 пуд. съ десятины), которая и можетъ быть пополняема привозомъ.

Но количество производимаго Туркестаномъ хлопка зависитъ не только отъ мѣстныхъ цѣнъ на хлѣбъ, но также, и при томъ главнымъ образомъ — отъ успѣшности конкуренціи съ американскимъ хлопкомъ, цѣна на который въ Москвѣ, за вычетомъ стоимости провоза изъ Средней Азіи и прибылей скупщиковъ—опредѣляетъ цѣну хлопка американскихъ сортовъ въ Туркестанѣ. Американскіе плантаторы, при современныхъ цѣнахъ, насколько извѣстно, едва могутъ производить хлопокъ и, слѣдовательно, ожидать значительнаго пониженія цѣнъ на него въ Америкѣ нельзя, а при существованіи ввозной пошлины—онѣ не могутъ упасть много и въ Москвѣ. Съ другой стороны, ожидать сильнаго пониженія цѣнъ на рабочія руки въ Туркестанѣ, или пониженія, мѣстами чрезмѣрнаго нынѣ, поземельнаго налога—также едва ли возможно и слѣдовательно только удешевленіе провоза хлопка въ Москву и возможное ограниченіе аппетитовъ скупщиковъ—могутъ сдѣлать хлопководство въ Средней Азіи болѣе выгоднымъ, увеличить количество производимаго краемъ волокна и создать въ немъ спросъ на привозный хлѣбъ.

Но провозъ хлопка въ Москву можетъ удешевиться, крупные барыши посредниковъ сократятся и фабрики будутъ обезпечены своевременной доставкой волокна только тогда, когда проведенъ будетъ прямой и кратчайшій рельсовый путь на Оренбургъ, который дастъ производителю хлопка лишнихъ 50—80 к. на пудъ одной разницы въ стоимости провоза. До тѣхъ же поръ, судя по опыту послѣднихъ лѣтъ, можно съ большой увѣренностью предположить, что производство хлопка, въ лучшемъ случаѣ, не перейдетъ во всей Средней Азіи за 5 милл. пудовъ

и, слѣдовательно, по вышеприведенному разсчету, привознаго хлѣба не понадобится Туркестану болѣе 6 милліоновъ пудовъ, — вѣрнѣе же, что при наличности теперешнихъ условій производства, посѣвъ хлопка если и не подвергнется дальнѣйшему сокращенію, то едва ли сборъ съ нихъ волокна превыситъ 3 милл. пудовъ, при каковомъ количествѣ въ привозномъ хлѣбѣ никакой надобности не предвидится.

До какихъ же предѣловъ можетъ дойти эта потребность въ будущемъ?

Въ трехъ областяхъ Туркестана (Сыръ-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской) считается искуственно орошенныхъ пашень около 1.700,000 дес., изъ которыхъ 400,000 дес. перелоговъ. Отбрасывая изъ остальныхъ 1.300,000 дес. рисовыя поля, сады, и пашни въ сѣверныхъ и горныхъ мѣстностяхъ края, не пригодныхъ для хлопководства, можно принять въ трехъ старыхъ областяхъ Туркестана около 1 милл. десятинъ, на которыхъ можно сѣять хлопокъ (чередуя его, конечно, съ другими посѣвами). Количество орошенныхъ земель въ Бухарскомъ ханствѣ неизвѣстно, но приблизительно, судя по количеству населенія, можно принять для равнинной части ханства около 500,000 дес. пригодныхъ для хлопководства. Слѣдовательно, всего, къ сѣверу отъ Аму-Дарьи, получаемъ $1^1/_2$ милл. десятинъ пригодныхъ для хлопковыхъ посѣвовъ земель.

Опытъ туркестанскихъ хлопководовъ показываетъ, что при правильномъ, нехищническомъ, хозяйствѣ, со введеніемъ хлопка въ сѣвооборотъ, онъ можетъ занять въ каждомъ хозяйствѣ до 50% орошенной земли, оставляя другую половину для кормовыхъ травъ, зерновыхъ и масличныхъ продуктовъ и проч. [1]). Слѣдовательно, въ будущемъ, при наступленіи вполнѣ благопріятныхъ условій для производства и вывоза хлопка — онъ можетъ занять въ краѣ до 750,000 дес. и дать свыше 11 милл. пудовъ волокна [2]), что, по принятому выше разсчету,

---

[1]) Но только при условіи скармливанія скоту, или возвращенія хлопковыхъ сѣмянъ въ почву инымъ путемъ; такъ какъ иначе почва Туркестана, не смотря на все свое плодородіе, весьма скоро ничего не будетъ въ состояніи производить; что бы достигнуть такого возврата, необходимо принятіе нѣкоторыхъ мѣръ, распространяться о которыхъ здѣсь было бы неумѣстно.

[2]) Вмѣстѣ съ раіономъ къ югу отъ Аму-Дарьи количество это легко можетъ достигнуть и 15 милліоновъ, т. е. удовлетворить почти всю современную

потребуетъ доставки въ Среднюю Азію 24—25 милліоновъ пудовъ хлѣбныхъ грузовъ.

Разсчетъ этотъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать преувеличеннымъ, такъ какъ при немъ не принятъ во вниманіе довольно быстрый приростъ населенія Туркестана и предстоящія въ немъ ирригаціонныя работы, связанныя съ колонизаціей края русскимъ населеніямъ.

И такъ, слѣдовательно: Ауліеатинскій уѣздъ Сыръ-Дарьинской области [1]), вся Семирѣченская, Семипалатинская и сибирскія области и губерніи могутъ доставлять въ Туркестанъ:

а) до открытія желѣзной дороги на Оренбургъ—не свыше 6 милл. пудовъ хлѣба и

б) по открытіи ея—постепенно увеличить это количество до 25 милл. пудовъ зерна ежегодно, — въ зависимости отъ степени выгодности въ Туркестанѣ занятія хлопководствомъ.

За тѣмъ какіе еще грузы могутъ быть предъявлены Алтайскому пути въ южномъ направленіи? Продукты скотоводства Туркестану не нужны, потому что мясо и сало въ немъ дешевы, а шерсть и кожи онъ вывозитъ самъ, за отсутствіемъ переработки сырья на мѣстѣ. Каменнаго угля въ Туркестанѣ достаточно и нѣтъ только капиталовъ для его разработки. Товары, доставляемые изъ Европейской Россіи, не пойдутъ Алтайскимъ путемъ въ Туркестанъ, потому что доставка ихъ по Волгѣ, Каспію и Закаспійской дорогѣ—обойдется все же дешевле, чѣмъ кружнымъ путемъ черезъ всю Западную Сибирь. Остается лѣсъ, который можетъ пойти скорѣе всего изъ Семирѣченской области, но въ какомъ количествѣ—неизвѣстно.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги на Оренбургъ, т. е. въ сущности, по соединеніи Чимкента рельсовымъ путемъ съ Орскомъ—картина совершенно мѣняется, такъ какъ продукты скотоводства Ауліеатинскаго уѣзда, Семирѣченской и Семипалатин-

---

намъ потребность Россіи въ волокнѣ (которая къ тому времени возрастетъ), но на доставку хлѣба съ сѣвера въ Закаспійскую область, Хивинское ханство и части Бухарскаго по лѣвому берегу Аму — не слѣдуетъ расчитывать, равно какъ и на вывозъ изъ нихъ хлопка въ сѣверномъ направленіи, такъ какъ мѣстностямъ этимъ ближе получать хлѣбъ съ Кавказа и вывозить хлопокъ по Закаспійской дорогѣ.

[1]) Въ которомъ хлопководство не соотвѣтствуетъ климатическимъ условіямъ.

ской областей найдутъ тогда весьма удобный и ближайшій путь въ Европейскую Россію, тразитомъ, черезъ Чимкентъ.

Такимъ образомъ, если къ 6 милл. пудовъ хлѣба, которые въ лучшемъ случаѣ могутъ понадобиться Туркестану до открытія рельсоваго пути къ центру Имперіи, прибавить милліонъ на лѣсъ и другіе грузы, то вотъ и все, что можетъ быть предъявлено къ Алтайскому пути въ южномъ направленіи, впредь до установленія связи Чимкента съ Орскомъ.

Посмотримъ теперь, что пойдетъ по тому же пути въ обратномъ направленіи, т. е. изъ Туркестана въ Сибирь?

Хлопокъ не пойдетъ—ему нечего дѣлать въ Сибири, а идти транзитомъ болѣе 3,000 верстъ лишнихъ [1])—онъ не въ состояніи. Русская мануфактура, доставляемая въ Туркестанъ Закаспійскимъ путемъ, также не пойдетъ, потому что въ Сибири полученіе ея прямымъ путемъ изъ Москвы обойдется, очевидно, дешевле. Своей мануфактуры въ Туркестанѣ нѣтъ, а когда будетъ, то едва ли въ количествѣ, превосходящемъ потребность самой Средней Азіи [2]). Продукты скотоводства Сибири не нужны. Производство сушеныхъ фруктовъ и вина въ количествѣ, достойномъ вывоза—дѣло будущаго, и едва ли не весьма отдаленнаго, а относительно вина—даже и сомнительнаго.

Плодоводство, въ смыслѣ культивированія цѣнныхъ европейскихъ сортовъ фруктовъ, не можетъ развиться въ Туркестанѣ раньше, чѣмъ ему будетъ обезпеченъ скорымъ путемъ сбытъ на заслуживающіе вниманіе рынки Европейской Россіи и заграницы... Остается, слѣдовательно, кишмишъ, да нѣкоторые другіе сорта сушеныхъ фруктовъ скверной туземной выдѣлки, рисъ, да, пожалуй, ковры и туземныя шелковыя ткани. Много ли будетъ такихъ грузовъ—опредѣлить, конечно, невозможно, но во всякомъ случаѣ едва ли столько, что бы они могли обезпечить обратное движеніе, съ полнымъ грузомъ, вагоновъ, которые привезутъ въ Туркестанъ 6 милл. пудовъ хлѣба...

Послѣ открытія желѣзной дороги на Оренбургъ — другое

---

[1]) Ташкентъ-Вѣрный-Маріинскъ-Златоустъ-Самара—5,105 в.
Ташкентъ-Чимкентъ-Орскъ-Оренбургъ-Самара—1,972 в.

[2]) Если нѣтъ основанія тормозить установленіе бумажнаго производства въ Туркестанѣ, то едва ли въ интересахъ Имперіи развивать ее тамъ въ размѣрахъ, способныхъ отнять у Москвы такой рынокъ, какъ Сибирь.

дѣло: мануфактура, металлическія издѣлія, химическіе продукты и вообще все, получаемое въ настоящее время Семирѣченской и Семипалатинской областями изъ Европейской Россіи,— конечно, пойдутъ тогда транзитомъ черезъ Чемкентъ, до того пункта на Алтайскомъ пути, съ котораго полученіе ихъ окажется болѣе выгоднымъ по Сибирской дорогѣ, а такимъ пунктомъ долженъ быть какой-либо промежуточный между Семипалатинскомъ и Бійскомъ, такъ какъ отъ Самары до Семипалатинска, черезъ Чимкентъ, будетъ 3,337 в., а отъ Самары черезъ Сибирь до Семипалатинска—3,510 в.

Но какіе же раіоны вдоль Алтайскаго соединительнаго пути могутъ дать Туркестану 6 милл. пудовъ хлѣба? Не имѣя подъ руками цифръ избытка хлѣбной производительности Ауліеатинскаго уѣзда и Семирѣченской области, нельзя отвѣтить на этотъ вопросъ точнымъ образомъ, но едва ли можно сомнѣваться, что такая цифра избытковъ хлѣба свободно найдется не далѣе сѣверной части Семирѣченской области и развѣ въ крайнемъ случаѣ— южныхъ уѣздовъ Семипалатинской. Если это такъ, то очевидно, что *до соединенія Туркестана съ Оренбургомъ—Сибирь не можетъ принять никакого участія въ снабженіи Туркестана хлѣбомъ* и, слѣдовательно, сооруженіе всего Алтайскаго соединительнаго пути, ранѣе проведенія прямого рельсоваго пути изъ Туркестана на Москву—было бы совершенно не производительной затратой капитала. Напротивъ, продолженіе Среднеазіатской желѣзной дороги не только до Чимкента, но и далѣе, до Пишпека, Вѣрнаго и, въ зависимости отъ потребности Туркестана въ привозномъ хлѣбѣ, въ видахъ развитія хлопководства, можетъ быть, до Копала,—представляется несомнѣнно вполнѣ своевременнымъ и не ожидая постройки рельсоваго пути между Чимкентомъ и Орскомъ.

Чрезвычайная важность перваго, 115 верстнаго участка этого пути, до Чимкента, уже достаточно выяснена въ запискѣ Штаба Туркестанскаго военнаго округа.

Значеніе слѣдующаго участка, въ 440 верстъ, до Пишпека, опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что желѣзная дорога на этомъ протяженіи, проходя по совершенно ровной мѣстности, привяжетъ къ хлопковымъ раіонамъ Туркестана богатый хлѣбомъ Ауліеатинскій уѣздъ, съ населеніемъ въ 279,000 душъ,

въ которомъ имѣется уже много русскихъ поселеній и масса земель, удобныхъ для колонизаціи, какъ разъ вдоль линіи желѣзной дороги, которыя не заселяются пока въ значительной степени только потому, что Ауліеатинскому уѣзду некуда сбывать избытки своего хлѣба, имѣющаго потому на мѣстѣ ничтожную цѣнность. Проведеніе желѣзной дороги хотя бы только до Пишпека уже въ значительной степени обезпечило бы Туркестанъ отъ колебаній хлѣбныхъ цѣнъ и сдѣлало бы въ немъ занятіе хлопководствомъ болѣе устойчивымъ.

Дальнѣйшее продолженіе желѣзной дороги до Вѣрнаго, связанное уже съ преодолѣніемъ горнаго кряжа, способствуя той же главной цѣли — обезпеченію Туркестана, въ необходимыхъ пока размѣрахъ, привознымъ хлѣбомъ — дало бы новый толчекъ развитію русскихъ поселеній въ Семирѣченской области, угодья которой, благодаря возможности производить посѣвы безъ искусственнаго орошенія, гораздо болѣе пригодны для русскихъ поселенцевъ, чѣмъ какія бы то ни было другія земли въ Туркестанѣ. Соединеніе Вѣрнаго рельсовымъ путемъ съ Ташкентомъ имѣло бы огромное значеніе и въ видахъ удобства административнаго управленія столь обширнымъ краемъ, какимъ будетъ Туркестанъ по фактическомъ присоединеніи къ нему Семирѣченской и Закаспійской областей. Наконецъ, этотъ участокъ не лишенъ былъ бы и стратегическаго значенія, такъ какъ далъ бы возможность, во всякое время, усилить войска Туркестана тремя полками Семирѣченскаго войска и быстро перебросить на югъ часть остальныхъ войскъ Семирѣченской области, — четыре баталіона, двѣ батареи и два Сибирскихъ казачьихъ полка которой, при ничтожности боевыхъ силъ Туркестанскаго округа — могли бы имѣть нѣкоторое значеніе при осложненіяхъ на нашей авганской границѣ.

Сооруженіемъ желѣзной дороги отъ Ташкента до Вѣрнаго, казалось бы, можно и ограничиться и въ ближайшемъ будущемъ. Открытіе правильнаго движенія на этомъ участкѣ показало бы, насколько достигается имъ снабженіе Туркестана хлѣбомъ, въ зависимости отъ того положенія, какое займетъ къ тому времени туркестанское хлопководство; но изысканія слѣдуетъ заранѣе произвести до Сергіополя, что бы въ случаѣ, если Туркестану не будетъ хватать Семирѣченскаго хлѣба — воз-

можно было безъ замедленія приступить къ продолженію дороги до Копала, а затѣмъ до Сергіополя.

Съ большею увѣренностью можно сказать, однако, что въ продолженіи дороги на Сергіополь, Бійскъ, Кузнецкъ и Маріинскъ—не встрѣтится надобности до тѣхъ поръ, пока Туркестанъ не будетъ связанъ съ центромъ Имперіи прямымъ путемъ на Оренбургъ. Когда же этотъ послѣдній путь будетъ близокъ къ окончанію, то остальную часть Алтайскаго соединительнаго пути, можетъ быть, выгоднѣе будетъ вести уже съ сѣвернаго конца, такъ какъ постройка оттуда будетъ обходиться, какъ увидимъ ниже, уже не дороже, чѣмъ отъ Чимкента, да и отдѣльные участки его, примыкающіе къ Сибирской дорогѣ, играя по отношенію къ ней роль подъѣздныхъ путей, какъ и участки южнѣе Вѣрнаго по отношенію къ Среднеазіатской дорогѣ — скорѣе позволятъ приступить къ эксплоатаціи и полученію доходовъ съ уже построенныхъ участковъ.

Глава III.

При какихъ условіяхъ части Алтайскаго пути могутъ быть созданы на казенный счетъ.—Приблизительная стоимость соединенія Туркестана съ общей рельсовой сѣтью Имперіи по Оренбургскому и Алтайскому направленіямъ.—Возможно ли безубыточное для казны гарантированіе дороги отъ Ташкента до Вѣрнаго при постройкѣ ея на частные капиталы.

Опредѣливъ такимъ образомъ наивыгоднѣйшій порядокъ постепенной постройки отдѣльныхъ частей Алтайскаго соединительнаго пути, не безполезно будетъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, какимъ способомъ выгоднѣе было бы строить этотъ, огромный по протяженію и стоимости, путь, т. е. на казенныя или на частныя средства и въ послѣднемъ случаѣ—возможно ли было бы гарантировать строительному капиталу небольшой процентъ чистаго дохода?

По отношенію къ участку до Чимкента — едва ли можетъ быть сомнѣніе, что сооружать его слѣдуетъ возможно скорѣе и именно на казенныя средства, какъ продолженіе существующей уже казенной сѣти Среднеазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ

пользу такого рѣшенія говорятъ и небольшое протяженіе участка, и его особенное значеніе, какъ вѣтви, составляющей начало двухъ самостоятельныхъ путей, и существованіе уже въ Ташкентѣ, т. е. въ началѣ этой вѣтви, обширныхъ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и т. д. Правда, постройка его обойдется довольно дорого, такъ какъ всѣ матеріалы придется везти тѣмъ же кружнымъ путемъ, какимъ доставлялись они на Самаркандъ-Андижанскую дорогу, но для такой короткой вѣтви обстоятельство это не можетъ составлять особаго разсчета и во всякомъ случаѣ искупается огромнымъ значеніемъ этого участка и невозможностью откладывать сооруженіе его, въ интересахъ подвоза хлѣба въ раіоны Туркестана, до тѣхъ поръ, пока могла бы дойти до Чимкента постройка рельсоваго пути съ сѣвера, отъ Маріинска или отъ Орска [1]).

Намѣченная выше необходимость для участка Ташкентъ-Чимкентъ обладать усиленной пропуской способностью—могла бы, для сокращенія строительныхъ расходовъ, только имѣться въ виду при постройкѣ, посредствомъ употребленія рельсовъ соотвѣтственнаго вѣса, расположенія станцій такимъ образомъ, чтобы между каждыми двумя можно было впослѣдствіи создать промежуточный разъѣздъ и сооруженія ихъ по такому плану, который предусматривалъ бы возможность послѣдующаго ихъ расширенія, какъ это практикуется на Владикавказской и нѣкоторыхъ другихъ дорогахъ. Количество подвижного состава, доставка котораго обходится особенно дорого по Каспійскому морю, потребовалось бы для разсматриваемаго участка, со включеніемъ его въ общую Среднеазіатскую сѣть, самое ничтожное, а все это, вмѣстѣ взятое, позволило-бы весьма ограничить строительные расходы.

Въ иномъ положеніи оказалась бы постройка желѣзной дороги отъ Чимкента до Вѣрнаго. Съ одной стороны, какъ доказано выше, созданіе всего Алтайскаго соединительнаго пути ранѣе предоставленія Туркестанскому хлопку прямого выхода въ Москву—не вызывается необходимостью и было бы только безполезной и во всякомъ случаѣ преждевременной затратой

---

[1]) Вѣрнѣе только отъ Орска, потому что Маріинско-Чимкентскій путь обойдется на версту не дешевле Среднеазіатскихъ.

денегъ, а съ другой, собственно участокъ Чимкентъ-Вѣрный, составляя неразрывную часть всего Алтайскаго пути — долженъ, конечно, созидаться съ той же пропускной способностью, какая признана будетъ необходимой на всемъ Алтайскомъ пути. При такихъ условіяхъ разница въ стоимости постройки линіи Чимкентъ-Вѣрный—раньше соединенія Чимкента съ Орскомъ, т. е. по цѣнамъ не ниже цѣнъ Самаркандъ-Андижанской дороги, и послѣ такого соединенія. т. е. уже по цѣнамъ, близкимъ къ стоимости постройки версты Западно-Сибирской дороги—окажется настолько значительной, что можетъ явиться серьезный вопросъ: не выгоднѣе ли сначала соединить Чимкентъ съ Орскомъ и уже тогда, подвозя матеріалы прямымъ путемъ, и не тратясь на перевозку подвижного состава черезъ Каспійское море [1]), — приступить какъ къ сооруженію линіи на Вѣрный, такъ и къ достройкѣ участка Чимкентъ-Ташкентъ въ соотвѣтствіе съ тѣмъ движеніемъ грузовъ, которому онъ призванъ будетъ удовлетворять?

Хотя отсутствіе изысканій по обоимъ направленіямъ и не даетъ точныхъ данныхъ для полнаго разрѣшенія этого вопроса, но нѣкоторыя предварительныя соображенія по нему можно составить уже и теперь, руководствуясь стоимостью, въ какую опредѣлилась постройка существующихъ линій: Самаркандъ-Андижанской, Западно и Средне-Сибирской, такъ какъ стоимость дорогъ, примыкающихъ къ нимъ, обойдется на версту, конечно, не меньше стоимости тѣхъ линій, съ которыхъ придется вести постройку ихъ продолженій.

Разсмотримъ поэтому, во что можетъ обойтись, при различныхъ условіяхъ, постройка версты желѣзной дороги въ Средней Азіи, какъ по Алтайскому, такъ и по Оренбургскому направленіямъ.

По полученнымъ изъ Министерства Финансовъ свѣдѣніямъ оказывается, что Самаркандъ-Андижанская дорога, протяженіемъ въ 503 в. обойдется казнѣ свыше 29.200,000 р., т. е. кругло по 58,000 р. на версту.

---

[1]) Перевозка по Каспійскому морю паровоза съ тендеромъ обходится отъ 5 до 6 тысячъ рублей, а самаго простого вагона—нѣсколько сотъ рублей.

Западно-Сибирская—при длинѣ въ 1,329 в. обошлась въ 47.369,376 р. или по 35,646 р.

Средне-Сибирская, на 1 участкѣ, длиною въ 711 в. по 50,079 рублей и на второмъ участкѣ въ 1,016 в. по 61,667 р., а вся Средне-Сибирская дорога, протяженіемъ въ 1,740 в. обошлась въ 98.911,184 р. или по 56,845 р. на версту.

Попробуемъ примѣнить эти цифры къ вновь проектируемымъ, для связи Среднеазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ съ общеимперскими, рельсовымъ путямъ.

Для постройки Алтайскаго соединительнаго пути (примыкающаго сѣвернымъ концемъ къ началу Средне-Сибирской дороги), начиная съ сѣвернаго конца, пришлось бы принять, примѣрно на третьей части его, стоимость постройки по меньшей мѣрѣ равную стоимости 1-го участка Средне-Сибирской дороги, т. е. кругло 50,000 р. на версту, а для остальныхъ 1,500 в. его—строительныя цѣны второго участка, т. е. не менѣе 60,000 на версту, а вся стоимость постройки Алтайскаго соединительнаго пути въ направленіи отъ Сибири къ Туркестану обойдется не меньше 113 милліоновъ рублей.

Постройка участка этого пути только отъ Чимкента до Вѣрнаго, при сооруженіи его раньше соединенія Чимкента съ Орскомъ, обойдется, очевидно, нѣсколько дороже, чѣмъ постройка Самаркандъ-Андижанской дороги, что составитъ на разстояніи въ 620 в., считая хотя бы по 60,000 р. версту, около 37 милл. рублей, а до Копала, на протяженіи 900 в.—уже 54.000,000 р.

Начало Западно-Сибирской дороги, г. Златоустъ, отстоитъ отъ Самары въ 701 в., а начало линіи Орскъ-Чимкентъ, по сооруженіи желѣзной дороги до Орска, будетъ отстоять отъ Самары въ 657 в. При такихъ условіяхъ, и принимая во вниманіе полную горизонтальность мѣстности съ отсутствіемъ рѣкъ и другихъ естественныхъ препятствій—не можетъ быть сомнѣній, что линія Орскъ-Чимкентъ обойдется не дороже, чѣмъ Западно-Сибирская дорога и, слѣдовательно, принимая стоимость сооруженія для нихъ одинаковой, кругло по 35,500 р., получимъ, что вся линія отъ Орска до Чимкента, на протяженіи 1,200 в. обойдется не дороже $42^1/_2$ милліоновъ, за каковую сумму по Алтайскому пути можно построить дорогу

только до половины разстоянія между Вѣрнымъ и Копаломъ, т. е. всего на 700 в. отъ Чимкента, вмѣсто 1,200 в. въ Оренбургскомъ направленіи.

Итакъ, оказывается, что, ведя дорогу къ Оренбургу, —чтобы сомкнуть Среднеазіатскія дороги съ общеимперской сѣтью, надо затратить всего около 42.000,000 р., а ведя соединеніе на Маріинскъ—цѣли этой можно достигнуть только съ затратой 113 милліоновъ рублей.

При такихъ условіяхъ возникаетъ вопросъ: не выгоднѣе ли, вмѣсто затраты 37 милліоновъ для дороги Чимкентъ-Вѣрный—добавить къ нимъ еще 5—6 милліоновъ и *соединить сначала Туркестанъ съ центромъ Россіи рельсовымъ путемъ*, который сразу подвинетъ развитіе въ Средней Азіи хлопководства и, во всякомъ случаѣ въ первые годы, пока оно не дойдетъ въ своемъ развитіи до предѣльной нормы, способенъ будетъ снабжать Туркестанъ хлѣбомъ изъ раіона Самара-Орскъ? Когда же путь этотъ будетъ готовъ и дѣйствительная потребность Средней Азіи въ привозномъ хлѣбѣ выяснится вполнѣ—соединеніе Туркестана съ Вѣрнымъ и дальнѣйшее продолженіе Алтайскаго пути на Маріинскъ можетъ быть выполнено во всякое время, сравнительно весьма дешевымъ способомъ, потому что, по соединеніи Чимкента съ Орскомъ, сооруженіе линіи до Вѣрнаго, отстоящаго отъ Самары немногимъ далѣе оконечности Западно-Сибирской дороги—обойдется не многимъ дороже послѣдней, т. е. считая даже по 40,000 р. верста—въ 24—25 милліоновъ; на 12 милліоновъ дешевле, чѣмъ постройка этой линіи, не ожидая соединенія Чимкента съ Орскомъ.

Въ виду такихъ соображеній, очевидно, что приступать къ постройкѣ вѣтви Чимкентъ-Вѣрный, *на казенный счетъ, раньше соединенія Чимкента съ Орскомъ—совершенно невыгодно* и подобное предпріятіе можетъ быть оправдано только соображеніями политическими.

Другое дѣло, если, для осуществленія его теперь же, найдется частная компанія капиталистовъ или акціонерное общество; но въ этомъ случаѣ весьма серьезнымъ является вопросъ о гарантіи.

Въ какой бы степени ни была несомнѣнна доходность какой либо проектируемой дороги—едва ли найдется акціонерное

общество, которое могло бы осуществить дорогу безъ правительственной гарантіи хотя бы минимальнаго процента, за который частные капиталы могутъ явиться на службу обществу, потому что мелкіе покупатели акцій не могутъ входить въ разсмотрѣніе выгодности предпріятія и пріобрѣтать акціи на основаніи ясно составленнаго убѣжденія въ его выгодности; они всегда смотрятъ только на то, гарантированъ ли имъ доходъ или нѣтъ. Но, съ другой стороны, правительство, имѣющее полную возможность основательно взвѣсить шансы за и противъ — во многихъ случаяхъ можетъ предоставить просимую гарантію съ полною увѣренностью, что эта гарантія чисто нравственная, даваемая только для поощренія мелкихъ капиталистовъ къ взносамъ денегъ на очевидно полезное и выгодное дѣло и по которой никакихъ приплатъ въ дѣйствительности не можетъ потребоваться.

Подходитъ ли къ числу такихъ случаевъ сооруженіе желѣзной дороги Чимкентъ-Вѣрный или нѣтъ—вотъ вопросъ, который предстоитъ рѣшить тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, на которыхъ падетъ нравственная отвѣтственность за дарованіе гарантіи, которая впослѣдствіи оказалась бы не нравственной только, а реально убыточной для казны.

Принимая во вниманіе то количество грузовъ, которое, по вышеприведеннымъ разсчетамъ, можетъ быть предъявлено ко всему Алтайскому соединительному пути, или къ участку его отъ Чимкента до Вѣрнаго,—въ случаѣ сооруженія его раньше предоставленія туркестанскому хлопку прямого выхода въ Москву, и огромную разницу въ размѣрѣ подлежащаго гарантированія капитала, по сравненію съ тѣмъ, на какой можетъ быть сооружена эта линія послѣ открытія движенія между Орскомъ и Чимкентомъ—слѣдуетъ, казалось бы, признать, что гарантированіе капитала, потребнаго на сооруженіе линіи Чимкентъ-Вѣрный при условіи подвоза матеріаловъ и подвижного состава кружнымъ путемъ черезъ Каспійское море—представляется дѣломъ весьма рискованнымъ. Напротивъ—предоставленіе гарантіи въ размѣрѣ 3% обществу, которое взялось бы за постройку разсматриваемой дороги уже *послѣ сооруженія рельсоваго пути Орскъ-Чимкентъ, или еще лучше, самой этой послѣдней линіи*, открытіе которой дастъ казнѣ ежегод-

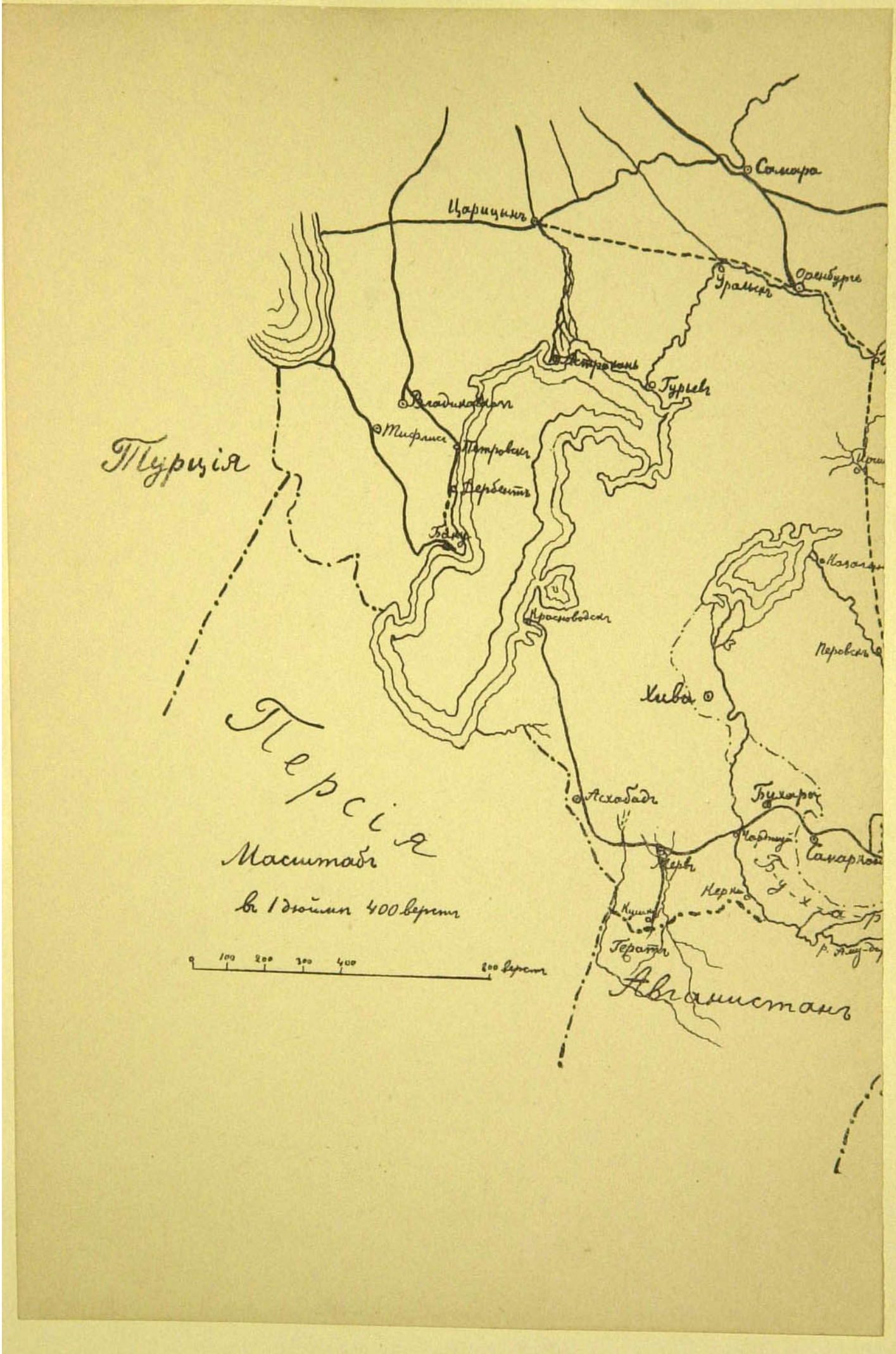
ную экономію въ размѣрѣ около 500,000 руб., отъ упраздненія почтоваго тракта между Оренбургомъ и Ташкентомъ — явилось бы дарованіемъ гарантіи чисто нравственной, направленной только къ тому, чтобы мелкіе капиталисты спокойно могли нести свои сбереженія на такое дѣло, полная выгодность котораго ясна всякому, имѣющему возможность вникнуть въ тѣ условія, при которыхъ оно предпринимается.

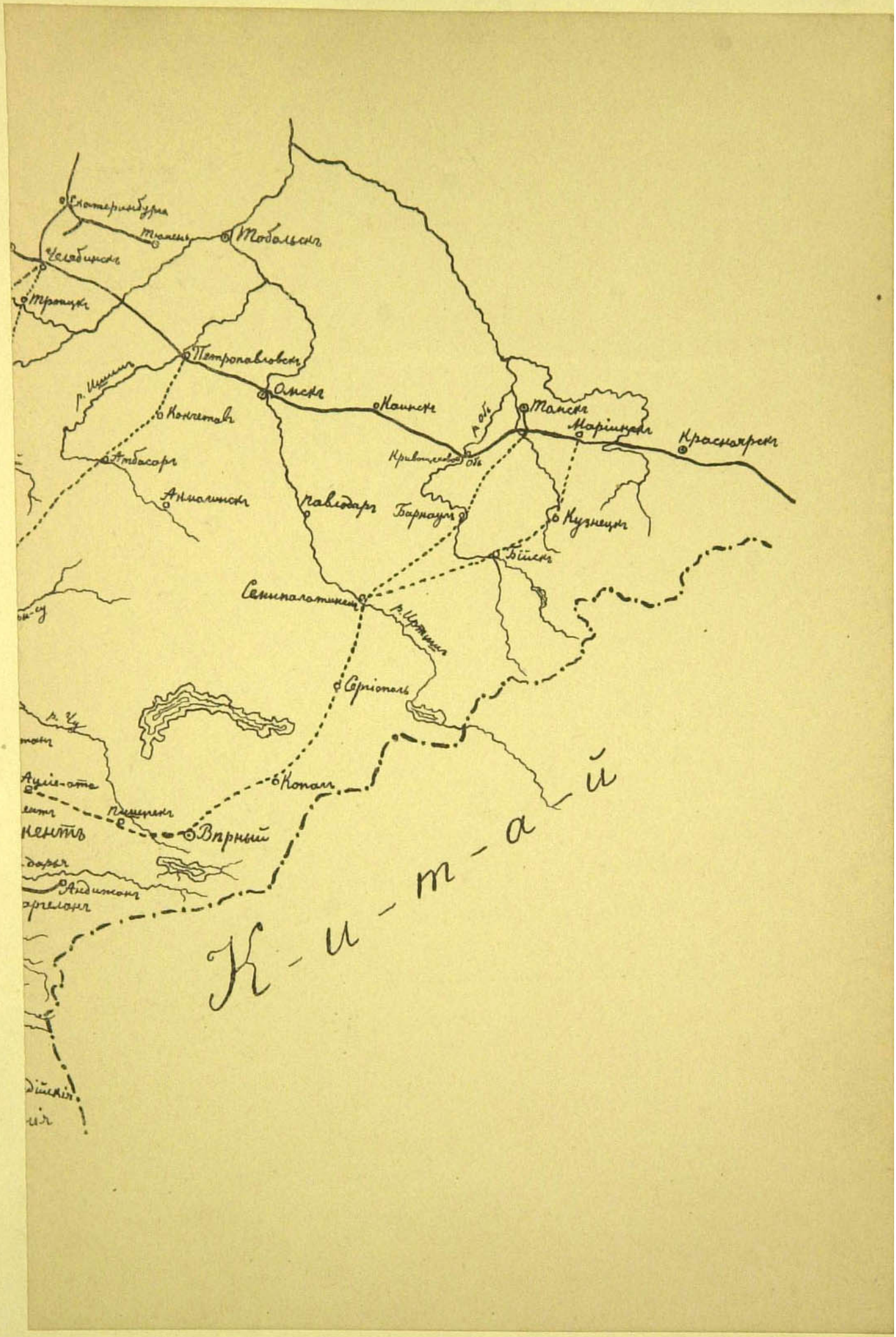
Но если бы нашлись частные предприниматели, которые, на основаніи своихъ собственныхъ соображеній, пожелали бы осуществить теперь же соединеніе желѣзной дорогой Чимкента, или хотя бы и Ташкента съ Вѣрнымъ, а можетъ быть и продолжать ее далѣе до Маріинска, то, казалось бы, что, не рискуя ввести казну въ крупные убытки—имъ можно было бы предложить не гарантію, а субсидію Правительства на извѣстное число лѣтъ со времени открытія дороги, въ размѣрѣ того расхода, который казна несетъ на содержаніе почтоваго тракта между тѣми городами, гдѣ онъ будетъ замѣненъ желѣзной дорогой.

Однако и въ этомъ случаѣ необходимо поставить для предпринимателей непремѣннымъ условіемъ — устройство участка Ташкентъ-Чимкентъ съ провозоспособностью, достаточною, или легко допускающей приспособленіе его въ будущемъ, къ тому усиленному движенію, которому онъ долженъ будетъ удовлетворять по обращеніи Чимкента въ узловой пунктъ двухъ весьма важныхъ желѣзныхъ дорогъ.

А. Стеткевичъ.

27 февраля 1899 г.
С.-Петербургъ.


Самара
Царицынъ
Уральскъ
Оренбургъ
Астрахань
Гурьевъ
Владикавказъ
Тифлисъ
Петровскъ
Дербентъ
Баку
Турція
Красноводскъ
Хивва
Перовскъ
Персія
Ашхабадъ
Бухара
Чарджуй
Самарканд
Мерв
Керки
Кушка
Герать
Авганистанъ
Масштабъ
въ 1 дюймѣ 400 верстъ
0 100 200 300 400 500 верстъ


Екатеринбургъ
Тюмень
Тобольскъ
Челябинскъ
Троицкъ
Петропавловскъ
р. Ишимъ
Омскъ
Новосиб.
Томскъ
р. Обь
Маріинскъ
Красноярскъ
Кончитовъ
Атбасаръ
Кривощеково
Обь
Акмолинскъ
Павлодаръ
Барнаулъ
Кузнецкъ
Бійскъ
Семипалатинскъ
р. Иртышъ
Сергіополь
Копалъ
Аулія-ата
Пишпекъ
Вѣрный
Андижанъ
К-и-т-а-й